

Министерство образования Республики Беларусь
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ»
К.В.КАРПИНСКИЙ ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ
ЖИЗНИ

Гродно 2002

УДК 159.923.5 ББК88 К21

Рецензенты: зав. кафедрой философии ГрГУ им. Я.Купалы, доктор философских наук, профессор Ч.С.Кирвель;

директор Гродненского облатного центра профессиональной ориентации молодежи, кандидат психологических наук, доцент М.С.Гуткин.

Рекомендовано советом факультета психологии ГрГУ им. Я.Купалы.

Карпинский К.В.

Человек как субъект жизни/ К.В.Карпинский. -Гродно: ГрГУ, К21 2002. - с.

ISBN 985-417-

В монографии представлены результаты психологического анализа личности в качестве субъекта деятельности и индивидуального жизненного пути. В общепсихологическом аспекте рассматривается субъектная активность личности, освещаются ее специфические функции, особенности формирования, детерминации и проявления. Анализируются методологические и теоретические аспекты психологической концепции личности как субъекта жизни, обсуждаются перспективы применения смыслового подхода в данной области психологических исследований, обосновывается понятие жизнедеятельности как деятельности по построению индивидуального жизненного пути личности. Предлагается психологическая концепция смысла жизни как ведущей структуры смысловой регуляции жизнедеятельности, систематизируются индивидуальные параметры регуляции жизненного пути личности смыслом жизни.

Табл.: 3., библиогр. 282 назв.

УДК 159.923.5 ББК 88

ISBN 975-417-

© Карпинский К.В., 2002

В современной психологической науке остро стоит проблема выработки единых методологических подходов, с помощью которых можно было бы построить целостное представление о психической жизни человека, дифференцировать психику человека и животных, развести специфику функционирования искусственного интеллекта и человеческого сознания. Мозаичность теоретических положений психологии во многом предопределена отсутствием удовлетворительного ответа на вопрос о том, кто является изначальным и единственным распорядителем форм психического отражения и способов психической регуляции. Решение данной проблемы предполагает исследование интегральной инстанции психического отражения и регуляции, управляющей функциональными ресурсами и возможностями сознания. Такой инстанцией, координирующей и интегрирующей разрозненные психические функции, распределяющей ресурсы психической регуляции, расставляющей приоритеты в активности, выступает субъект. В исследованиях парциальных психических феноменов зачастую предполагается, что именно эти феномены являются самодостаточными детерминантами активности индивида. Необходимо возразить на этот счет, что психика и отдельные ее элементы не являются субъектом; им является человек, обладающий психикой. Всякое психологическое исследование призвано анализировать свой предмет как часть целостного системного аппарата психического отражения, в центре которого помещен субъект; всякое психическое явление - процесс, свойство, состояние - должно быть рассмотрено с точки зрения принадлежности субъекту, который владеет им. Как пишет А.В.Брушлинский, «многообразие и единство различных, противоречивых психических явлений объективно выступают и потому изучаются наукой как система качеств определенного субъекта. Тем самым целостность индивидуального субъекта есть объективное основание для целостности, системности всех его психических процессов, состояний и свойств. Таков исходный онтологический план рассматриваемой проблемы. Он закономерно определяет гносеологическую, эпистемологическую основу ее разрешения: разработка психологии субъекта (индивидуального, группового и т. д.) - путь к установлению единства всей психологической науки» [56, с. 11].

Субъектный подход является методологическим достижением и достоянием отечественной психологии. Его возникновение и развитие было обусловлено идейной борьбой отечественных психологов с функционализмом, когнитивизмом, бихевиоризмом, структурализмом. Все эти направления с большей или меньшей степенью очевидности подразумевают «постулат непосредственности» - концептуальное положение, согласно которому внутренняя и внешняя активность человека напрямую детерминируется воздействиями окружающей среды или отдельными психическими функциями. С точки зрения «постулата непосредственности» управляющая человеческой активностью сила «делегуется» отдельным психическим функциям и структурам, стимулам внешней и внутренней среды. В настоящее время субъектный подход противостоит также кибернетизму в психологии. Кибернетические модели сознания на новом уровне возрождают «постулат непосредственности» и преподносят способность человека к саморегуляции как следствие самоорганизации информационных процессов. Тем самым активность человека отдается во власть внешних детерминант, психических функций и информационных процессов сознания. Напротив, в контексте субъектного подхода утверждается, что не человек принадлежит психическим структурам и процессам, а наоборот, психические процессы и структуры принадлежат человеку; не стимулы среды властвуют над человеческой активностью, а человеческая активность господствует над средой. В этой связи субъектный подход может рассматриваться как концептуальная оппозиция «постулату непосредственности». В нем преодолевается ограниченность данного положения и раскрывается способность человека к самодетерминации, самоопределению, саморазвитию.

Методологический пафос субъектного подхода заключается в признании человека

активным субъектом многообразных форм произвольной человеческой активности. Логическое развитие субъектный подход получает в исследованиях человека как субъекта познания, общения и предметной деятельности, а логическое завершение - в изучении человека в роли субъекта жизненного пути. «Гуманистическая трактовка человека как субъекта противостоит пониманию его как пассивного существа, отвечающего на внешние воздействия (стимулы) лишь системой реакций, являющегося «винтиком» государственно-производственной машины, элементом производительных сил, продуктом (т.е. только объектом) развития общества» [57, с. 4].

Исторический анализ методолого-теоретического наследия отечественной психологии XX столетия убеждает, что идеей субъекта проникнуты все психологические теории и концепции, она имплицитно включена всеми методологическими принципами и подходами [180]. Закономерно, что субъектный подход группирует вокруг себя основные методологические принципы и подходы, специфичные для отечественной психологии. К их числу принадлежат культурно-исторический и системно-деятельностный подход, принцип детерминизма и динамично развивающийся в последние годы смысловой подход к личности. Несмотря на то, что образ человека как субъекта зачастую получает различные до непохожести очертания, субъектный подход сближает эти принципы и подходы, придает им системное методологическое единство.

Наиболее важной методологической опорой для психологических исследований субъекта является принцип детерминизма, отчетливо сформулированный в работах С.Л.Рубинштейна и А.Н.Леонтьева. В соответствии с данным принципом, внешние причины всегда действуют через внутренние психические условия, определяя активность не механическим, а диалектическим образом [186; 191]. «В отличие от механического детерминизма, - пишет С.Л.Рубинштейн, - с точки зрения которого внешние причины непосредственно определяют эффект своего воздействия, независимо от собственных свойств тела или явления, не которые это воздействие оказывается, согласно диалектико-материалистическому детерминизму всякое действие есть взаимодействие, внешние причины действуют через посредство внутренних условий» [191, с. 12]. Такая трактовка методологического принципа детерминизма навеяна в первую очередь задачей, над решением которой трудился С.Л.Рубинштейн в один из периодов научного творчества: определение места, роли и детерминации психического во всеобщей связи явлений мира. В процитированной формулировке принцип детерминизма сопрягается прежде всего с другим методологическим принципом - единства сознания и деятельности. Здесь в формулировке принципа детерминизма акцент сделан на то обстоятельство, что внутренние условия сознания служат для опосредования всех влияний окружающего мира на активность человека. Тем самым указывается статус психики в детерминационных отношениях объективной действительности.

Однако в психологических исследованиях субъекта такая постановка принципа детерминизма обнаруживает свою недостаточность и половинчатость. Это обусловлено тем, что в формуле «внешние причины преломляются через внутренние условия» не отражается в полной мере активность и детерминационный потенциал внутренних условий. Субъектность как раз и относится к внутренним условиям, функция которых не сводится только лишь к «апперцепции», «преломлению», «опосредованию» внешних детерминант. Возражения в адрес первоначальной версии принципа детерминизма в работах С.Л.Рубинштейна сконцентрированы именно на том, что психическое - это не сопутствующее условие, а важный источник в детерминации активности человека. Как полагает А.Н.Леонтьев, внутреннее действует через внешнее и этим само себя изменяет [133, с. 181].

Следует заметить, что рассмотренная трактовка не явилась итоговым пониманием принципа детерминизма в отечественной психологии, поэтому С.Л.Рубинштейн не заслуживает упреков за одностороннюю интерпретацию данного принципа. В ранней работе

под названием «Принцип творческой самодеятельности» С.Л.Рубинштейн, по сути, предвосхитил и наметил перспективную линию развития категории субъекта в психологии. В принципе творческой самодеятельности до предела заострен важный аспект развития субъекта и его деятельности, а именно формируемость субъекта в деятельности, обратное влияние, которое оказывает деятельность на внутренние условия. «Субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется; он в них создается и определяется» [190, с. 106]. В поздний период творчества С.Л.Рубинштейна проблема детерминизма в сфере психических явлений актуализируется уже исключительно в связи с разработкой субъектного подхода. В своей последней работе С.Л.Рубинштейн существенно расширил понимание принципа детерминизма, доработав его формулировку применительно к проблемам психологии субъекта. Если в первоначальной редакции принципа детерминизма внешние факторы являются причинами, активность индивида - следствием, а внутренний мир - условием детерминации, то в последующей трактовке это соотношение было инвертировано. Внутренние условия превратились в порождающие причины, генерирующие активность индивида, которая разворачивается во внешних условиях. «При этом, строго говоря, внутренние условия выступают как причины (проблема саморазвития, самодвижения, движущие силы развития, источники развития находятся в самом процессе развития как его внутренние причины, а внешние причины выступают как условия, как обстоятельства» [192, с. 290]. В такой формулировке принцип детерминизма не только превосходит ошибочные варианты объяснения природы психического - индетерминизм и механический детерминизм, но также акцентирует положение о самодетерминации и самопричинении человека как субъекта.

Необходимо подчеркнуть, что обе трактовки принципа детерминизма в работах отечественных психологов являются не исключающими, а преемственно дополняющими друг друга. Дело в том, что изначально внешние причины являются неотъемлемым фактором формирования и изменения внутренних условий, по мере созревания которых соотношение «внешнего» и «внутреннего» оборачивается. С определенного момента внутренние условия становятся движущими причинами, захватывают лидирующую роль в отношениях «внешнее - внутреннее», что связано с возможностью самопричинения, саморазвития, само детерминации внутренних условий. Эта общая логика развития психики человека конкретизируется в представлениях отечественных психологов о развитии личности в качестве субъекта произвольных форм человеческой активности. Как отмечает С.Л.Рубинштейн, «внешняя обусловленность развития личности закономерно сочетается с его «спонтанностью» [192, с. 251].

Абстрагируясь от содержательных вариаций многочисленных теорий, важно заметить, что в развитии личности четко прослеживаются два этапа, различные по характеру детерминации ее функционирования и бытия. Первый этап психологи в большинстве своем определяют как подготовительный, в рамках которого складываются и консолидируются психологические предпосылки становления субъекта. На данном этапе движущая сила психического развития личности исходит от внешних факторов и условий по принципу «внешнее преломляется через внутреннее и изменяет его». Такой характер детерминации сохраняется до тех пор, пока в достаточной мере не сложатся и не окрепнут «внутренние условия» субъектности. Переворот в детерминационных отношениях происходит тогда, когда личность вырастает подлинным субъектом, способным к саморазвитию и самодетерминации. На данном этапе личностного развития движущие силы локализованы в самой личности, а внешние факторы теряют свою программирующую роль. Общая закономерность психического развития личности как субъекта выражается, таким образом, в усилении способности к самодетерминации и закономерном расширении объема личностной свободы от внешних и внутренних обстоятельств.

Сопоставим, например, общетеоретические представления Л.С.Выготского, С.Л.Рубинштейна, Б.Г.Ананьева, Л.И.Божович о развитии личности в процессе индивидуального жизненного пути. Так, Л.С.Выготский полагает личность высшей психической функцией, развитие которой ведет к произвольному овладению человеком своим поведением и всеми психическими процессами. Возникновение личности поднимает все формы внешней и внутренней активности на высший уровень регулирования. Психические процессы и поведенческие реакции, присвоенные личностью, развиваются не сами по себе естественным способом; их развитием движет личность. В развитии личности выделяется переломная «веха», когда поведение и психические функции становятся полностью подконтрольными человеку. Эта «веха» датируется подростковым возрастом, на протяжении которого перестраивается вся система детерминации психического развития. «Когда говорят: подросток открывает свой внутренний мир с его возможностями, устанавливая его относительную независимость от внешней деятельности, - то, с точки зрения того, что нам известно о культурном развитии ребенка, это может быть обозначено как овладение внутренним миром» [72, с. 327].

Развитие личности С.Л.Рубинштейн мыслит как процесс формирования и интеграции внутренних условий. Закономерно, что при объяснении любых психических явлений личность выступает для него как воедино связанная совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия. Психологический эффект каждого воздействия обусловлен историей развития личности, ее внутренними закономерностями. Согласно С.Л.Рубинштейну, по мере своего созревания личность во все возрастающей степени вмешивается в выбор тех детерминант, которые непосредственно определяют ее деятельность и жизнь. «В силу того, что внешние причины действуют лишь через внутренние условия, внешняя обусловленность развития личности закономерно сочетается со «спонтанностью» ее развития. Все в психологии формирующейся личности так или иначе обусловлено внешне, но ничто в ее развитии не выводится непосредственно из внешних воздействий. Внутренние условия, формируясь под воздействием внешних, не являются их механической проекцией. Внутренние условия, складываясь и изменяясь в процессе развития, сами обуславливают тот специфический круг внешних воздействий, которым данное явление может подвергнуться» [186, с. 315]. Эта тенденция в развитии личности достигает пика выраженности тогда, когда личность трансформируется в субъекта деятельности и жизни. С этого момента в истории развития личности четко разграничиваются два этапа, различные по способу личностного развития и бытия - досубъектный и субъектный [192, с. 351].

Б.Г.Ананьев рассуждает о личности больше как о субъекте основных видов человеческой деятельности - игры, учения, труда, нежели как о субъекте жизни; жизненный путь раскрывается им скорее как форма социального развития, и в меньшей степени - саморазвития личности. Однако в исследованиях Б.Г.Ананьева все же имеются намеченные психологической концепции личности как субъекта. Отправным пунктом в психологической концепции жизненного пути Б.Г.Ананьева является положение об активной роли человека в преобразовании жизненных обстоятельств. Не только условия жизненного пути формируют личность и придают ей характерную «огранку», личность своими поступками активно воздействует на жизненный путь и тем самым проектирует себя. «Несомненно, - пишет Б.Г.Ананьев, - что человек в значительной степени становится таким, каким его делает жизнь в определенных обстоятельствах, в формировании которых он сам участвует. Человек, однако, не является пассивным продуктом общественной среды или жертвой игры генетических сил. Создание и изменение обстоятельств современной жизни собственным поведением и трудом, образование собственной среды развития посредством общественных связей - все это проявления социальной активности человека в его собственной жизни» [16, с. 119].

Вообще, с точки зрения Б.Г.Ананьева, жизненный путь личности делится на две большие «эпохи»: подготовительный период, в течение которого созревают и конструируют

психические структуры личности как субъекта жизни, и период самостоятельной жизни, на протяжении которого личность практически реализует свой жизненный замысел. Начало второго периода совпадает со стартом самостоятельной жизнедеятельности личности. Все предшествующее развитие должно катализировать формирование личности в качестве автономного субъекта. «Постепенный переход от воспитания к самовоспитанию, от объекта воспитания к положению субъекта воспитания проявляется во многих феноменах умственной и моральной активности человека. Общим эффектом этого процесса является жизненный план, с которым юноша или девушка вступает в самостоятельную жизнь. Выбор профессии, ценностная ориентация на ту или иную сферу общественной жизни, идеалы и цели, которые в самом общем виде определяют общественное поведение и отношения на пороге самостоятельной деятельности - все это отдельные моменты, характеризующие начало самостоятельной жизни в обществе» [16, с. 116-117].

К проблеме субъекта исследователь вплотную подходит при создании психологической концепции индивидуальности. Индивидуальность, по Б.Г.Ананьеву, есть достаточно поздний интегральный продукт психического развития личности; психическое новообразование, которое формируется в связи с объективной необходимостью человека самостоятельно распорядиться собственной жизнью, индивидуализировать жизненный путь. Индивидуальность является саморегулирующейся системой личностных качеств, жизненных отношений личности, которые в совокупности слагают то, что называется «внутренний мир». «Если личность - «вершина» всей структуры человеческих свойств, то индивидуальность - это «глубина» личности и субъекта деятельности» [16, с. 172]. Другими словами, индивидуальность - это системное качество личности, которое выражается в способности к саморегуляции и детерминации собственного жизненного пути; индивидуальность есть качественная ступень личностного развития, отличающаяся способностью самодетерминации личности. В такой интерпретации синонимом понятия «индивидуальность» является термин «субъектность». Индивидуальность не является «закрытой» системой, поскольку работа внутреннего мира личности экстерииоризируется в событиях жизненного пути. «Внутренний мир человека работает, и мера напряженности его работы (переработки опыта, выработки собственных позиций и убеждений, пути самоопределения и т.д.) является показателем духовного богатства индивидуальности» [16, с. 172]. Таким образом, индивидуальность - это та ступень личностного развития, на которой личность способна выступать субъектом деятельности и индивидуального жизненного пути.

В исследованиях Л.И.Божович прочерчена параллель между развитием человека как личности и как субъекта деятельности, развития, бытия. С точки зрения Л.И.Божович, изучение человека как личности должно тесно переплетаться в едином цикле исследований с рассмотрением особых регуляторных функций

10

субъекта. Напротив, обособленное изучение психического облика личности и регуляторных инстанций субъектности является серьезным недостатком любого психологического исследования [44, с. 140]. Личность представляет собой интегральную целостность разноуровневых психических свойств, которая позволяет человеку «сознательно воздействовать на окружающую действительность, изменять ее в своих целях, а также изменять в своих целях самого себя» [44, с. 4]. Формирование личности имеет ключевое значение для существования человека: оно обеспечивает высшие, сознательные формы саморегуляции его поведения и деятельности. Примечательно то, что в психологическом учении Л.И.Божович личность идентифицируется с субъектом или, точнее говоря, личности приписывается способность к субъектной детерминации своего поведения и развития. Человек, являющийся личностью, обладает таким уровнем психической зрелости, «который делает его способным управлять своим поведением и деятельностью, а в известной мере и своим психическим развитием» [44, с. 4]. Разумеется,

способность к самодетерминации крепнет по мере формирования личности и дорастает до своих высот лишь у зрелого человека. Однако психологические предпосылки и условия самодетерминации последовательно наращиваются на каждом этапе возрастного психического развития. В детском возрасте активность личности и ее развитие носят преимущественно «реактивный» характер, обусловленный обучающим и воспитывающим воздействием внешней среды. В юности движущие силы активности и развития личности сосредоточиваются в личностной способности к самодетерминации. «Путь формирования личности ребенка заключается в постепенном освобождении его от непосредственного влияния окружающей среды и в превращении его в активного преобразователя этой среды и в воспитателя собственной личности» [44, с. 439].

Центром психологической структуры личности, по мнению Л.И.Божович, является мотивационная сфера, интегрально проявляющаяся в личностной направленности. «В основе направленности. .. лежит возникающая в процессе жизни и воспитания человека устойчиво доминирующая система мотивов, в которой основные, ведущие мотивы, подчиняя себе все остальные, характеризуют строение мотивационной сферы человека» [44, с. 422]. Неуклонное повышение способности к самодетерминации главным образом связано с изменениями в психологическом строении потребностей и мотивов личности. Эти изменения затрагива-

11

ют важные содержательные и динамические параметры мотивационной сферы - иерархичность, структурированность, устойчивость, широту, опосредованность мотивов целями. Мотивы взрослеющего человека не просто увеличиваются в своем числе и обогащаются по своему содержанию, но также из непосредственных превращаются в опосредованные, приобретая произвольный и осознанный характер. «На завершающем этапе онтогенетического развития иерархическая структура мотивов приобретает максимальную устойчивость и свободу от внешних влияний, так как начинает опираться на собственные взгляды и убеждения субъекта» [44, с. 437]. Это дает человеку возможность произвольно управлять своей деятельностью и своим поведением. Переход от «реактивной» к активной форме поведения и есть объективный критерий становления субъекта [44, с. 421].

Результаты беглого сравнительного обзора недвусмысленно свидетельствуют о том, что представления отечественных психологов о развитии личности базируются на идее субъекта. Общим эффектом психического развития личности является качественная трансформация системы психической регуляции активности, изменение удельного веса «внешнего» и «внутреннего» в детерминации личностного развития и бытия. По ходу индивидуального жизненного пути человек из пассивного объекта внешних воздействий превращается в активную личность - истинного субъекта саморазвития и самостояния в жизни. Становление личности настоящим субъектом выражается в постепенном изменении соотношения между «внешним» и «внутренним»: от преимущественной направленности «внешнее через внутреннее» к все большему доминированию тенденции «внутреннее через внешнее» [231, с. 8]. Как отмечает А.В.Брушлинский, «по мере взросления в жизни человека все большее место занимают саморазвитие, самовоспитание, самоформирование и соответственно больший удельный вес принадлежит внутренним условиям, через которые всегда только и действуют все внешние причины, влияния и т.п.» [57, с. 8].

Неоценимый вклад в психологию субъекта вносят методологические положения системно-деятельностного подхода, развитого в трудах С.Л.Рубинштейна и в научной школе А.Н.Леонтьева. С позиций данного подхода деятельность рассматривается как всеобщая универсальная форма взаимодействия человека с миром, как специфически человеческий способ организации активности. Категория деятельности в настоящее время завоевала

12

общенаучный статус. Считается, что деятельность выступает родовой формой человеческой практики, благодаря которой окружающий мир преобразуется в жизненный мир или «мир человека». Сущностные характеристики деятельности несут отпечаток специфического характера ее детерминации в условиях человеческого способа бытия, а именно обусловленность сознанием и личностью. Собственно психологический аспект исследования деятельности - это изучение личности как субъекта, обладающего сознанием и строящего при его посредничестве свою деятельность. Процессы созидания и творения человеком своей деятельности знаменуют начало развития его личности [84]. Деятельность и личность «неразлучны»: носителем и реализатором деятельности может быть человек только как личность, а не как социальный или биологический индивид. В то же время личность и не кто иной фигурирует в качестве субъекта, поэтому можно утверждать, что феномен субъектности возможен только в контексте реализации человеческой деятельности.

Более того, всякая форма взаимодействия человека с миром может претендовать на то, чтобы стать деятельностью, лишь в одном случае: если она опосредована личностным уровнем отражения и регуляции. Если же человек не включен в это взаимодействие как личность, то из этого взаимодействия деятельность не выходит. «Здесь надо различать процесс и деятельность. Всякая деятельность есть вместе с тем и процесс или включает в себя процессы, но не всякий процесс выступает как деятельность человека. Под деятельностью мы будем здесь разуметь такой процесс, посредством которого реализуется то или иное отношение человека к окружающему его миру, - другим людям, к задачам, которые ставит перед ним жизнь» [186, с. 256-257]. Так, к примеру, мышление, не опосредованное личностной регуляцией, является всего-навсего аналитико-синтетическим процессом рекомбинации доступной информации. И единственно «в личностном плане мышление выступает прежде всего в виде деятельности, т.е. со стороны мотивов и целей субъекта, его рефлексии, осуществляемых им прерывных умственных действий и операций и т.д.» [56, с. 6-7]. Без личности деятельность деперсонифицируется и десубъективируется - превращается в обезличенный и самопроизвольный процесс.

Таким образом, в рамках системно-деятельностного подхода постулируется недизъюнктивность деятельности и личности как ее субъекта. Иначе говоря, феномен субъектности как прояв-

13

ление личности находит свое выражение только в контексте осуществляемой человеком специфически человеческой формы активности - деятельности. По мнению К.А.Абульхановой-Славской, в понятии субъекта подчеркивается «специфически человеческий характер человеческой активности» [2, с. 174]. В деятельности субъект не только проявляется, объективируя свои способности, но также зарождается и формируется, субъективируя деятельность.

С психологической точки зрения в ряду разнообразных видов и уровней активности человеческая деятельность специфицируется двумя важными онтологическими характеристиками: субъектностью и предметностью [30; 95; 133]. К примеру, А.Н.Леонтьев пишет: «В качестве простых моментов деятельность включает в себя оба связываемых ею полюса: полюс субъекта и полюс объекта» [135, с. 246]. Субъектность характеризует деятельность со стороны ее принадлежности личности как субъекту, а предметность - со стороны обращенности деятельности на предмет. Субъект и предмет составляют как бы два полюса, взаимодействие между которыми реализуется в процессе деятельности. Причем предметом деятельности является объект или явление действительности, взятые в единстве со своим жизненным смыслом - той объективной функцией или местом, которое они играют или занимают в жизнедеятельности личности. Предмет деятельности понимается не как некий материальный объект в комплексе своих физических характеристик, а как объект, помещенный в контекст личностного бытия человека. Предмет деятельности -эта та грань, свойство или функция объекта, на которую

интенционально направлено действие субъекта; это та сторона объекта, которой он повернут к человеку как личности. В свою очередь личность как субъект всегда подчиняет свою деятельность жизненному смыслу предмета, то есть опредмечивает деятельность в тех объектах и явлениях, которые заведомо снискали некоторый жизненный смысл. Можно сказать, что на уровень субъекта деятельности человек поднимается тогда, когда подчиняет свою активность жизненным смыслам, то есть действует как личность с присущим ей аппаратом смысловой регуляции.

Итак, в рамках системно-деятельностного подхода взаимоотношения субъекта и деятельности выглядят следующим образом: деятельность представляется специфически человеческой формой активности, предполагающей участие личности в качестве субъекта. Деятельность - это универсальная форма реали-

14

зации личности как субъекта, а субъектность личности - это системообразующее основание для становления всего богатства форм человеческой деятельности. По этой причине, действительно, невозможно разъединить деятельность и личность как ее субъект.

Все перечисленные принципы и подходы, в совокупности образующие методологию психологии субъекта, не могут выступать в качестве основы для конкретно-психологических исследований без содержательного представления о сущности личности. И это закономерно ввиду того обстоятельства, что именно личность является субъектом разнообразных форм человеческой активности. В отечественной психологии принят и обоснован тезис, что соотношение личности и субъекта приравнивается к соотношению сущности и проявления [18; 133; 153]. Личность в этом соотношении совпадает с сущностью, поскольку за личностью скрывается целый пласт психических структур и процессов, конституирующих собственно личностный уровень психического отражения. «Сущность» - это внутреннее основание, через которое преломляются все внешние воздействия на явление и которым закономерно обусловлен их эффект» [186, с. 131]. Субъект не обладает свойством субстанциональности, то есть он не является особой психической инстанцией, сконструированной из психических структур и процессов определенного рода. Субъектность является проявлением личности в различных видах и формах сугубо человеческой активности. Личность участвует в регуляции этих форм и видов активности именно в качестве их субъекта, но при этом по своей психологической сущности остается личностью. Можно сказать, что субъект представляет собой качественно своеобразный способ или модус существования личности. Сущностью же человека как субъекта различных форм произвольной активности инвариантно является личность, без которой субъект не имеет своей собственной субстанциональности, психической определенности. Вследствие данного обстоятельства личность следует признать единой и неделимой интегративной основой, на которой выстраиваются множественные проявления субъектнос-ти. Другими словами, субъект множится пропорционально количеству видов и форм произвольной активности, которые осуществляет человек. Личность во всех этих видах активности едина и целостна. По словам А.Н.Леонтьева, личность выступает как системное единство жизненных отношений человека и реализующих их деятельностей [133].

15

Субъект, таким образом, анализируется как частное проявление личности в определенном виде произвольной активности, выраженное в личностной регуляции этой активности. Отсюда также выводится положение о неразрывности личности и субъекта. Действительно, аналогично тому, как нельзя раззять сущность и ее проявление, немисливо рассечь личность и субъекта. Иначе говоря, субъект всегда является личностью и функционирует как высший уровень психической организации человеческой активности, опосредованный потенциалом личностной регуляции. Однако личность не всегда оказывается субъектом; она вольна в выборе своей личностной позиции по

отношению к актуально осуществляемому виду активности - быть или не быть ее субъектом. Итак, субъект всегда должен быть личностью, а личность не обязана непременно быть субъектом в том или ином виде произвольной человеческой активности.

Психология субъекта должна рассматриваться как составная часть общей психологии личности сообразно с тем, что субъект является одной из частных ипостасей личности. Однако субъектность и субъектная активность - это суть высшие проявления личности, поэтому психология субъекта составляет тот раздел, который можно было бы назвать «вершинной» психологией личности. В этом разделе общей психологии личности субъектный подход наиболее тесно смыкается с личностным подходом. «Субъект в специфическом смысле слова (как «я») - это субъект сознательной, произвольной деятельности. Ядро его составляют осознанные побуждения - мотивы сознательных действий... «Я» как субъект - это верхушечное образование, неотделимое от многоплановой совокупности тенденций, составляющий в целом психологический склад личности» [186, с. 312].

Методологическое содержание личностного подхода в психологии иногда извращается по ряду причин. Среди этих причин доминируют две - неверное понимание психологической сущности личности и искаженное представление о личности как субъекте. Как результат требование личностного подхода исполняется путем выявления того «индивидуализирующего» и «персонифицирующего» влияния, которое личностные свойства оказывают на протекание отдельных психических процессов и деятельности в целом. Срастание личностного и субъектного подходов представляется одной из наиболее перспективных тенденций развития психологии субъекта в частности и общей психологии личности в целом. Уяснение того важного методологического

16

положения, что исходным и подлинным субъектом всех форм человеческой активности является личность, открывает новые возможности в проведении эмпирических исследований и интерпретации их результатов. От недостатка, неточности и неполноты теоретических представлений о личности как субъекте в особенности страдает интерпретация эмпирических данных. Субъект-но-личностный подход позволяет осмыслить изучаемые феномены как явления субъектно-личностной регуляции, вскрыть действительную принадлежность видов внутренней и внешней активности личности как субъекта.

Итак, проблему субъекта следует решать с позиций общей психологии личности, которая, тем не менее, в настоящее время находится в стадии своего формирования. Если субъектом является личность, то это значит, что психологические механизмы и закономерности развития и бытия личности направляют формирование и функционирование субъекта. Функции личности как особого уровня психического отражения и регуляции являются тем «ключом», с помощью которого открываются «секреты» психологии субъекта. Поэтому без создания целостного представления о личности, о сколько-нибудь плодотворном решении проблемы субъекта остается только мечтать. В этой связи поиску решений психологической проблемы субъекта необходимо предпослать обсуждение «краеугольных» методолого-теоретических положений общей психологии личности.

Общая психология личности в том состоянии, в котором ее можно сегодня застать, больше похожа на мозаику, чем на единую теоретическую концепцию. Наряду с некоторыми блестяще освещенными фрагментами имеются «темные места» и пробелы, требующие своего заполнения. Однако более всего современная психология личности походит на груду отдельных и самоценных кусков теории, выхватывающих частные аспекты из сложной и многоаспектной проблемы. Поэтому здесь, возможно, как ни в одной другой отрасли психологической науки, необходим теоретический синтез. Особенно пагубно отсутствие системы в психологии личности отражается на психологических исследованиях субъекта. Ведь, например, исследования субъекта

мышления притязают на нечто большее, нежели изучение закономерностей мыслительной деятельности. Субъектный и личностный подходы апеллируют именно к личности как инициатору и участнику мыслительной деятельности. А за неимением общей психологии личности объяснять и интерпретировать полученные результаты

17

приходится по-старому, на языке когнитивной психологии. Вот и получается, что мыслит не личность, а мышление. Отсутствие общей психологической теории личности не менее губительно сказывается в области исследований жизненного пути. В этой области исследований возникает парадокс: жизненный путь принадлежит личности, но на каких правах и за счет каких психологических механизмов личность овладевает жизненным путем - не понятно. Не случайно психологические исследования кренятся в сторону изучения объективной событийной структуры жизненного пути и, наоборот, редко касаются личности как субъекта жизни. В результате имеем: личность не живет, личности «живется». Поэтому психологическое исследование субъекта жизни в своем движении натывается на проблему отсутствия общей психологии личности. Между тем успех такого исследования во многом обусловлен успешностью выхода из данной проблемы. В свою очередь теоретический синтез в психологии личности возможен только при условии разработки психологии субъекта, поскольку субъект является не абстрактным, а конкретно-действенным амплуа личности. Субъект - это личность, взятая не в своей абстрактной сущности, а в контексте реальной жизнедеятельности. Как считает А.В.Брушлинский, психология субъекта может послужить в качестве концептуального ядра психологии личности [56, с. 3].

В этой связи в настоящем исследовании необходимо осветить концептуальные подходы к личности, чтобы от них перебросить теоретические мосты к проблемам субъекта вообще и субъекта жизни в частности.

Концептуальное понимание личности в отечественной психологии корреспондирует с философско-психологическим понятием жизненного мира человека. Понятие жизненного мира оформилось в работах отечественных философов и психологов для объяснения онтологической специфики человеческого развития и бытия. По словам М.С.Когана, через понятие жизненного мира характеризуются особенности «способа существования человека» [106, с. 5]. При разработке психологических аспектов категории жизненного мира следует опереться на учение о бытии человека в трудах С.Л.Рубинштейна. С появлением человека -«возникновением нового уровня сущего во всех нижележащих уровнях выявляются новые свойства. Здесь раскрывается значение, смысл, который приобретает бытие, выступая как «мир», соотносительный с человеком как частью его, продуктом его раз-

18

вития. Поскольку есть человек, он становится не чем иным, как объективно существующей отправной точкой всей системы координат. Такой отправной точкой человеческое бытие становится в силу человеческой активности, в силу возможности изменения бытия, чем человеческое существование отличается от всякого другого» [191, с. 63].

Это означает, что с появлением человека естественный природный мир перестраивается посредством человеческой активности и превращается в «жизненный мир». С приходом человека как субъекта объективно изменяется структура бытия, происходит его «очеловечивание» и «одушевление»: мир природы превращается в жизненный мир человека. Следует заметить, что понятие жизненного одинаково наравне присуще и отечественной, и экзистенциальной психологии личности [64; 144,224]. Например, А.Н.Леонтьев пишет, что «субъект...находится изначально не перед миром, а в самом мире...составляет часть его и вне этого мира вообще не существует» [137, с. 148]. Ему вторит В.Франкл: «Животное не является личностью, потому что оно не может стать над самим собой, противостоять самому себе. Поэтому для животного не существует и мир,

противостоящий личности; для него существует лишь среда» [1982, р. 116; цит. по 144]. Поэтому в психологии субъекта личность рассматривается в контексте созданного ей и до нее жизненного мира. «Человек должен быть взят внутри бытия, в своем специфическом отношении к нему, как субъект познания и действия, как субъект жизни» [192, с. 332].

Жизненный путь с этих позиций рассматривается как траектория движения личности по жизненному миру. С этой же точки зрения активность личности как субъекта подчиняется смысловым связям, а жизненный путь - является траекторией избирательной актуализации одних смысловых связей и дезактуализации отклоненных смысловых альтернатив [30]. В рамках системно-деятельностного и смыслового подхода исследование личности в качестве субъекта жизни подразумевает «исследование жизненного пути личности, т.е. истории смыслового построения жизненного мира и его развития, изучение формирования и развертывания различных деятельностей, посредством которых реализуются жизненные смыслы и ценности личности, где единицей анализа является «жизненное событие» или, точнее, смысловые связи между жизненными событиями» [55, с. 33].

Жизненный мир производится в процессе человеческой практики и произведен от особенностей человеческого бытия. Выде-

19

ляются некоторые отличительные характеристики человеческого бытия - осознанность, осмысленность, действенность [192, с. 330-331]. Благодаря именно этим особенностям человеческой активности природное окружение преобразуется в жизненный мир человека. Действенный, преобразующий характер человеческого бытия приводит к тому, что человек обустроивает объективную действительность в соответствии с требованиями собственных потребностей, в соответствии с логикой собственной жизнедеятельности (логика «жизненной необходимости»). Действительность принимает очертания, жизненно необходимые для нормального существования и приспособления к ней человека. Осознанность и осмысленность человеческой активности приводят к тому, что на объекты и явления окружающей действительности человек «наслаивает» общественные значения и личностные смыслы. Общественные значения отражают место и функцию того или иного объекта действительности в совокупной практике коллективного субъекта - социальной группы, общества, человечества в целом. Личностный смысл отражает место и функцию объекта или явления в жизнедеятельности индивидуального субъекта, их отношение к индивидуальным потребностям человека. Значение и смысл, которые объективируются и превращаются в характеристики действительности по ходу человеческой практики, являются сверхчувственными качествами жизненного мира. Психическое развитие человека происходит в процессе деятельности в контексте жизненного мира через усвоение общечеловеческих значений и выработку личностных смыслов. «Это и есть не что иное, как детерминация бытия через сознательную его регуляцию, которая выступает как специфический способ существования человека» [192, с. 331].

Таким образом, с приходом человека окружающая среда приобретает сверхчувственные свойства - означенность и осмысленность - и преобразуется в жизненный мир. Сообразно этим свойствам, активность человека в мире является осознанной и осмысленной, что отличает ее от поведения животных в биологической среде. По этому поводу Л.С.Выготский указывает, что «в то время, как для животного существует только окружение, для человека возникает представление о мире. История возникновения этого представления имеет своим началом человеческую практику и возникающие в ней значения и понятия, свободные от непосредственного восприятия предмета» [71, с. 280].

20

По сути, осознанность (означенность) как свойство жизненного мира характеризует его отношение к потребностям коллективного субъекта, то есть отражает его общественный смысл. Осмысленность как свойство жизненного мира раскрывает его отношение к потребностям индивидуального субъекта, то есть его личностный смысл. Итак, жизненный мир - это системно организованная совокупность объектов и явлений

действительности, связанных с коллективным или индивидуальным субъектом жизненными отношениями. Жизненные отношения показывают на роль и место в жизнедеятельности субъекта различных объектов и явлений действительности и по этой причине объективно выражают их жизненный смысл для субъекта. Жизненный смысл - это объективная характеристика места и роли объектов и явлений в контексте жизни субъекта [144, с. 113].

Проще говоря, жизненный мир - это осознанная и осмысленная человеком или обществом объективная действительность, в которой протекает человеческая или общественная деятельность и жизнь. Или: «Мир - это бытие, преобразованное человеком, включающее в себя его и совокупность связанных с ним общественных и личных отношений» [97, с. 9]. Осознанность и осмысленность специфицируют жизненный мир человека и отличают его от безжизненной, необжитой человеком объективной действительности. Эти свойства - объективные характеристики жизненного мира. Как пишет С.Л.Рубинштейн, «мир, каков он есть для человека, - это его объективная характеристика» [192, с. 382].

В психологии субъекта, таким образом, преодолевается противопоставление личности и жизненного мира. Это сближает ее с экзистенциальной психологией и отдаляет от гуманистической психологии. Расхождение между психологией субъекта и гуманистической психологией может быть адекватно описано в терминах, введенных Ф.Е.Васильюком [64, с. 83-87]. Он анализирует и сравнивает две исходные методологические ориентации - «онтологию изолированного индивида» и «онтологию жизненного мира», которые противоречат друг другу. В «онтологии изолированного индивида» принят постулат, что человек вступает во взаимодействие с миром, будучи одаренным личностными качествами. Эта схема в большей мере присуща гуманистическим теориям жизненного пути личности. В «онтологии жизненного мира», напротив, утверждается, что человек обретает свои личностные качества только в процессе взаимодействия с миром. Как это было сказано Франклом, «если человек хочет прийти к самому себе,

21

его путь лежит через мир» [224, с. 120]. Эта же посылка постоянно присутствует в работах отечественных психологов, которых можно считать основоположниками психологии субъекта. Так, например, А.Н.Леонтьев констатирует: «Я не только поступаю в соответствии с тем, что я есть, но и становлюсь в соответствии с тем, как я поступаю» [133, с. 114].

Субъект черпает смысловые основания для своей деятельности из контекста взаимодействия с жизненным миром. По этому поводу В.Н.Сагатовский справедливо отмечает, что «жизненные смыслы или ключевые ценности субъекта (общества, группы, личности) отвечают на вопрос, во имя чего совершается данная деятельность. Их можно охарактеризовать как такие цели (высшие цели), которые в данной системе не являются средствами, они выполняют функцию конечного основания выбора тех предметов, средств, способов, которые и образуют целостную деятельность. По отношению к деятельности они суть системообразующие начала» [86, с. 77].

В рамках настоящего исследования еще более важно то, что жизненный мир человека является онтологической основой для становления человеческой субъективности, исходной базой развития личности. В.С.Швырев подчеркивает, что «мир» - это не только совокупность внешних объектов, но и мир человеческой субъективности» [86, с. 16]. Этот момент наиболее последовательно прослежен С.Л.Рубинштейном. «Личность формируется во взаимодействии человека с окружающим миром. Во взаимодействии с миром, в осуществляемой им деятельности человек не только проявляется, но и формируется», - пишет он [186, с. 311]. По мысли С.Л.Рубинштейна, единицей личной жизни является жизненное отношение человека к различным явлениям и сторонам бытия. Жизненное отношение - это: 1) объективная связь между человеком и явлениями его жизни, в силу которой эти явления приобретают в контексте личной жизни определенный

жизненный смысл, становятся личностно значимыми, 2) субъективно превращенная форма жизненного смысла, выраженная в различных структурах внутреннего мира личности - ценностях, смыслах, идеалах и т.д.

В совокупности жизненные отношения личности образуют жизненный мир. «Мир - это совокупность вещей и людей, в которую включается то, что относится к человеку и к чему он относится в силу своей сущности, что может быть для него значимо, на что он направлен» [192, с. 295]. Жизненные отношения человека определяют мотивацию деятельности и смысловое содержа-

22

ние качеств личности. В субъективно превращенной форме жизненные отношения существуют как смысловые структуры личности - смысл жизни, ценности, мотивы и пр. «Мотивация человеческого поведения - это опосредствованная процессом отражения субъективная детерминация поведения человека миром. Значение предметов и явлений и их «смысл» для человека есть то, что детерминирует поведение» [192, с. 368]. Богатство, широта, разнообразие жизненных отношений личности детерминирует психологическое качество и внутреннюю содержательность ее внутреннего мира. Глубина жизненных отношений также определяет качественный уровень развития личности как субъекта. «Внутреннее содержание человека включает все его богатство отношений к миру в его бесконечности - познавательное эстетическое отношение к жизни и смерти, к страданиям, к опасностям, к радости... Содержательный мир внутри человека есть результат его жизни и деятельности» [192, с. 347, 384].

С учетом современных достижений психологии личности можно сказать, что жизненный смысл, реализуемый деятельностью, откладывается и конденсируется в смысловых структурах личности. Именно поэтому в психологии аксиоматизирован принцип деятельностного опосредования применительно к способу развития личности в качестве субъекта. Согласно принципу деятельностного опосредования, личность как субъект по ходу осуществления деятельности не только проявляется, но и формируется, одновременно являясь и предпосылкой, и продуктом деятельности [133; 189]. Деятельность безотносительно к жизненному смыслу, который она воплощает, не может двигать и направлять развитие личности. Только стоящий за деятельностью жизненный смысл является действенным условием содержательного формирования смысловых структур личности. Можно сказать, что жизненный смысл в динамике деятельности результирует в личностном смысле предмета и образующих деятельности. В конкретно-психологическом аспекте это означает, что жизненный смысл по ходу развертывания деятельности переходит в форму своего инобытия в смысловых структурах личности. Под таким углом зрения жизненный мир выступает в качестве бытийной основы для жизнедеятельности личности.

Становление личности субъектом деятельности в первую очередь связано с формированием «идеальных форм», на основе которых осуществляется регуляция деятельности в мире [85; 105]. Личность как субъект деятельности и есть носитель «идеальных

23

форм» своих жизненных отношений, «идеальных форм» своей деятельности. Идеальная форма деятельности понимается как субъективная репрезентация или субъективно превращенная форма реальных жизненных отношений, которые в деятельности непосредственно реализуются. Жизненное отношение, как уже указывалось выше, это единица взаимодействия субъекта со своим жизненным миром. Следовательно, деятельность есть взаимодействие субъекта с жизненным миром, которое регулируется психическими структурами, выступающими как субъективно превращенные формы реальных жизненных отношений.

С философской точки зрения возможны два диаметрально противоположных способа бытия живого существа: полное совпадение со своей жизнедеятельностью или

несовпадение с ней, выраженное в созерцательном и преобразующем отношении к ней [192]. Первый способ характеризует животное, не являющееся субъектом своих жизненных отношений; второй способ присущ исключительно человеку. Наиболее важной чертой бытия человека в мире является разрыв между ним самим и его жизнедеятельностью, растождествление субъекта жизни и жизненных отношений. «Животное непосредственно тождественно со своей жизнедеятельностью, - подчеркивает К.Маркс. - Оно не отличает себя от своей жизнедеятельности. Оно есть эта жизнедеятельность. Человек же делает самое свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания. Его жизнедеятельность - сознательная. Это не есть такая определенность, с которой он непосредственно сливается воедино. Сознательная жизнедеятельность непосредственно отличает человека от животной жизнедеятельности» [155, с. 93]. Для того, чтобы человек смог встать в субъектное отношение к собственной деятельности, необходимы специальные регуляторные образования, в которых презентуются жизненные отношения. «Превращение самой деятельности человека в особый предмет, с которым он может действовать, не изменяя до поры до времени реального предмета, является процессом формирования ее идеального образа» [85, с. 32].

В системе «идеальные формы» жизненных отношений образуют то, что в просторечьи называют внутренним миром человека, в философии обозначают понятием «субъективность», а в психологии именуют личностью. В философии субъективность интерпретируется как интегральная форма отношения человека к своему жизненному миру, состоящая из субъективных репрезентаций жизненных отношений [65; 101; 102; 104; 159]. В таком

24

понимании субъективность предстает как предпосылка развития и бытия человека в качестве субъекта деятельности и жизнедеятельности в целом. Можно утверждать, что способность к самодетерминации, субъектность человека - это следствие и интегральное выражение его субъективности. С.Л.Рубинштейн писал об этом недвусмысленно и точно: «Для того, чтобы понять бытие не только в форме объекта, но и в форме субъекта, надо прийти к подлинному пониманию субъективности» [187, с. 54].

Развитие «идеальных форм» субъективности позволяет человеку возвыситься над своей деятельностью. В опоре на субъективный образ жизненных отношений человек способен контролировать соответствие своей деятельности реальному жизненному миру, а также изменять и корректировать ее. Человек как субъект проявляется при условии, если он упорядочивает свою деятельность сообразно субъективному образу жизненного мира, «идеальной форме» жизненных отношений. В.И.Слободчиков правильно полагает, что «источник субъективности связан с изменением механизма жизнедеятельности живых существ, с возникновением способности человека превращать собственную жизнедеятельность в предмет практического преобразования» [197, с. 15].

Таким образом, на философском уровне анализа субъектно-личностный способ бытия человека в мире раскрывается через понятие субъективности. В этой связи необходимо разграничить трудноразличимые понятия «субъектность» и «субъективность». Некоторые исследователи употребляют эти понятия как синонимы, на что у них имеются веские основания. Стремление слить данные понятия в одно оправдано тем, что субъективность является общей антропологической предпосылкой субъектности. В то же время необходимо подчеркнуть, что понятия «субъективность» и «субъектность» тождественные для философов, с собственно психологической точки зрения не совпадают. Соотношение субъективности и субъектности повторяет соотношение личности с субъектом. Субъективность - это целостная онтологическая характеристика способа существования человека как личности. Субъектность представляет собой один из аспектов реализации субъективности в сфере регуляции специфических форм человеческой активности, специфически человеческий способ поддержания и воспроизводства жизненных отношений. Субъектность порождается субъективностью на том же

основании, по которому субъект выступает частной проекцией личности. Как пишет А.К.Осницкий, «субъектность - содержательно-действенная ха-
25

рактеристика активности, подчеркивающая интенциональность субъекта, - может в данном ракурсе рассматриваться как одна из граней субъективности» [169, с. 9].

С психологической точки зрения субъективность человека конституируется прежде всего психическими структурами и процессами, которые интегрируются в особой инстанции психической регуляции деятельности - в личности. С учетом данного обстоятельства философское понятие «субъективность» можно считать синонимом психологического понятия «личность». Поэтому обыденное понятие «внутреннего мира» соответствует научным представлениям о личности как особом уровне психического отражения и регуляции. Можно сказать, что развитие субъективности совпадает с развитием личностной регуляции активности человека [1]. Возникновение личности «это - тот фундаментальный поворот, на котором свойство самоорганизации живых систем уступает место механизму самоконтроля, что означает возникновение «отношения» к самому себе, становление «самости», субъективности с ее имманентной способностью быть «для себя» [102, с. 83-84].

Философский подход к личности как носителю субъективности позволяет определиться в методологии психологического изучения личности в качестве субъекта. Прежде всего философские принципы ориентируют в многочисленных психологических трактовках личности с учетом того, что каждая из трактовок выделяет в качестве личностных психические структуры и процессы различной природы. В опоре на философские положения представляется возможным раскрыть онтологию личности, то есть выявить собственно личностные структуры, процессы и функции в системе человеческой психики. Критерий для конкретно-психологического определения личности вытекает из понимания специфических функций субъективности, описанных философами. По единогласному мнению, функции субъективности специализированы в первую очередь на том, чтобы сделать человека автономным носителем форм деятельного отношения к миру, а также субъектом развития, изменения, обогащения деятельности [103].

Это описание по духу наиболее близко смысловому подходу к личности, распространенному как в отечественной, так и зарубежной психологии. С точки зрения смыслового подхода, смысловые структуры и процессы рассматриваются именно как образующие личности. Соответствие смысловых структур и процессов собственно личностному уровню психического отражения и ре-

26

гуляции обусловлено тем обстоятельством, что в смысловых структурах запечатлены реальные жизненные отношения человека к объектам и явлениям мира. Функции собственно личностной смысловой регуляции заключаются в презентации жизненных отношений субъекту и согласовании его деятельности с устойчивой иерархизированной структурой этих отношений [133;144;145; 281]. Легко заметить, что такое понимание функций смысловой регуляции идентично описанию функций субъективности. Это дает основания считать смысловой подход адекватным способом психологического изучения личности в качестве субъекта жизненных отношений и реализующих эти отношения форм активности.

С позиций смыслового подхода смысловые структуры личности выступают как субъективно превращенные формы жизненных отношений, а личность является системой смысловой регуляции взаимодействия человека с жизненным миром [32; 46; 133; 144]. Смысловые структуры и процессы личности составляют функциональное ядро «идеальных форм» регуляции деятельности. Разумеется, психический состав «идеальных форм» деятельности не исчерпывается смысловыми структурами и процессами. «Идеальная форма» деятельности - это интегральный психический образ, в котором присутствуют все модальности и уровни психического отражения. Здесь наличествуют

чувственные репрезентации и рациональные представления о деятельности, а также эмоциональные явления, которые индицируют собственно смысловое отношение личности к собственной деятельности. Однако «несущей» модальностью является личностное отражение, опосредованное смысловыми структурами и процессами.

Их особый регуляторный статус обусловлен тем, что они обеспечивают ориентировку субъекта в собственных жизненных отношениях и тем самым в собственной деятельности и собственной личности. Все остальные модальности психического отражения регулируют активность на основе ориентировки в объективных свойствах и отношениях действительности. Другими словами, смысловые структуры и процессы участвуют в построении у субъекта образа собственной деятельности и совершаемых в ней жизненных отношений, в то время как другие психические структуры и процессы - в конструировании образа объективной действительности, в которой деятельность протекает. Благодаря смысловым структурам и процессам «в сознании человека отражается не только объективная действительность, но и (в специфической форме) сами отношения, связывающие его с ней» [144, с. 154].

27

Структуры личностной регуляции активности не являются функциональными аналогами неличностных структур психической регуляции активности, поскольку регулируют другие отношения и по другим регуляторным принципам. Ввиду данного обстоятельства В.И.Слободчиков предлагает разрывать регуляторные функции «психического» и «субъективного» [198, с. 13-14]. «Психическое» управляет активностью с ориентацией на систему объективных отношений окружающего мира, а «субъективное», «личностное» - с ориентацией на систему отношений субъекта к окружающему миру. Человек, располагающий «идеальными формами» своих жизненных отношений, способен к саморегуляции деятельности, а, значит, способен быть субъектом деятельности. С точки зрения П.Я.Гальперина и Д.Б.Эльконина, личность является сущностной характеристикой субъекта, которая проявляется в ориентировке на собственные жизненные отношения и самого себя как главное условие деятельности [242, с. 496]. Проявления человека как субъекта деятельности и как личности суть единство, но не тождество: субъект деятельности всегда является личностью, но личность превосходит субъекта единичной деятельности. Личность - это системное единство субъектов всех видов деятельности, которые практикуются в индивидуальной жизни.

В антропогенезе и онтогенезе овладение человеком своими непосредственными жизненными отношениями происходит не сразу, а по мере складывания их «идеальных форм» и соответствующих инстанций смысловой регуляции. В контексте культурно-исторического подхода в психологии личность рассматривается как орудие овладения деятельностью, как специальный регуляторный механизм, обеспечивающий выход человека за пределы наличного состояния жизни. Как отмечает родоначальник данного подхода Л.С.Выготский, «личность» есть понятие историческое. Она охватывает единство поведения, которое отличается признаком овладения» [72, с. 315].

Личность - это психологическое орудие человека как субъекта деятельности, способ присвоения человеком деятельности и ее психологической организации. Привлекая аналогию с «функциональным органом», можно сказать, что личность есть психологический орган субъектности в деятельности и в жизни. Личность в целом «может быть понята как особый психологический инструмент, орудие, принадлежащее, служащее человеку, как и другие психологические орудия» [49, с. 6]. Смысловые структуры

28

личности рассматриваются как конкретные психологические средства присвоения и детерминации разнообразных видов человеческой деятельности и круга стоящих за ними жизненных отношений [46; 207]. В этой связи личностная регуляция активности исконно определяется через функции субъективации жизненных отношений и подчинения деятельности иерархии этих отношений [144]. Смысловая регуляция позволяет присвоить

деятельность, поскольку в смысловых структурах личности презентированы жизненные отношения, которые реализуют деятельность. При помощи смысловой регуляции личность может встать в отношение к собственной деятельности с точки зрения содержания жизненных отношений, которые эта деятельность осуществляет. Деятельность является «оболочкой», в которую облекается смысловое содержание этих жизненных отношений. Фигурально говоря, для личности небезразлична та «оболочка», в которую «одето» содержание ее смысловых отношений к миру, поэтому она следит за сообразностью деятельности ее смысловой необходимости. Отношение деятельности и жизненных отношений, которые она отправляет, есть содержание формы и содержания. Здесь форма реализации жизненных отношений всегда диктуется их смысловым содержанием, точнее говоря, диктуется личностью, которая ведает смысловым содержанием жизненных отношений. Так возникает феномен субъектности в деятельности, в порождении которого ключевая роль отведена личности с ее системой смысловой регуляции активности.

Субъектность необходимо исследовать как специфический способ детерминации активности в условиях человеческой психики. Это значит, что субъектность «амплифицирована» регуля-торными возможностями таких интегральных психических образований человеческой психики, как сознание и личность. Без этих сопутствующих атрибутов, то есть без сознания и вне личности, феномен субъекта в реальности не встречается. В функциональном плане трудно определить, чем в большей степени - регуля-торными функциями сознания или личности - обусловлена субъектность. Ясно одно: сознание и личность невозможно разорвать, разложить и помыслить отдельно друг от друга в становлении субъектности. Однако не следует забывать, что субъект первично все же является проявлением человеческой личности, которая владеет и распоряжается человеческим сознанием. «Субъект и его психика суть одна единая система, а не две. Субъектом является не психика человека, а человек, обладающий психикой, не те

29

или иные психические свойства или вообще формы активности, а сам человек - деятельный, общающийся и т.д.» [59, с. 31]. Поэтому функциональное соотношение личности, сознания и субъекта может быть зафиксировано следующей формулой: выступая в качестве субъекта, личность так распоряжается регуляторными функциями сознания, чтобы оптимизировать психическую регуляцию своей деятельности. Другими словами, в процессе самодетерминации сознание эксплуатируется личностью как средство или способ управления реализуемой деятельностью.

Неоспоримым представляет факт, что субъектность, равно как и личность, является культурно-исторической по своему происхождению высшей психической функцией, а точнее - интегрированной системой функций. Не подлежит сомнению также то, что становление субъекта в процессе индивидуального развития всегда синхронизировано с формированием личности и составляет одну из граней личностного развития. В этой связи думается, что механизмы и движущие силы развития субъекта идентичны таковым в психическом развитии личности. Личность как субъект раскрывается как системообразующая высшая психическая функция, при посредничестве которой систематизируются, объединяются, консолидируются все психические процессы, свойства и состояния. Можно предполагать, что указанные закономерности находят свое проявление не только в индивидуальном жизненном пути, но также воплощаются в антропогенезе, в истории развития собственно человеческих форм психического отражения и регуляции.

Так, личность как системное сверхчувственное качество человека возникает и эволюционирует в антропогенезе в связи с усложнением форм активности индивидов. Историческое развитие субъекта конвергирует с процессом исторического развития личности и прогрессирует в связи с объективной необходимостью человека овладеть своей активностью, а через нее - установить господство над своей средой [1; 141]. Эта

закономерность органично вписывается в общие тенденции эволюции активности живых существ и форм психического регулирования. Активность в философии и психологии трактуется как всеобщее свойство живых организмов, приспособляющее их к определенной среде. Живые существа нуждаются в активности для установления и поддержания жизненных связей со средой обитания. Источник активности лежит в потребностях живого организма в определенных благах, расположенных вне самого организма. Окружаю-

30

щая среда сама не «транспортирует» живому организму все необходимые для его жизни блага. В процессе активного приспособления к среде живое существо либо эволюционирует само, либо преобразует собственную среду обитания. Достать жизненно необходимые блага живой организм может только путем активной аккомодации к среде или активной трансформации этой среды под свои нужды. В результате этих изменений живое существо получает доступ к благам, поэтому активность неизменно служит адаптации и воспроизведению его жизнедеятельности.

Фундаментальной закономерностью эволюции является зависимость характера активности живого существа от особенностей среды его проживания [68; 74; 135]. По ходу биологической эволюции видов вместе с усложнением среды обитания эволюционировали формы активного приспособления особей к новым свойствам среды. Параллельно шло развитие регуляторных механизмов, обеспечивающих активность живых существ. Психическое отражение с имманентно присущими ему регуляторными возможностями также зародилось в связи с переходом живых существ из гомогенной в гетерогенную среду, в которой стала необходимой предварительная поисковая ориентировка в местоположении насущных благ. В сложно организованной гетерогенной среде, где блага раскиданы неравномерно, добыть их возможно только с помощью психического отражения. В этом объективно заключалось приспособительное значение психических механизмов регуляции активности [135]. Качественный поворот в развитии форм адаптивной активности произошел в той временной точке, когда в мир народился человек. С этого момента закономерности биологической эволюции уступают место закономерностям социальной истории. Особенностью активности человека является сотворение «второго мира» или «мира человека» - социокультурной среды, в которой преимущественно и протекает человеческая жизнедеятельность. Если живые существа уподобляются среде обитания и таким образом достигают с ней динамического равновесия, то человек изменяет и таким образом уравнивает среду со своими потребностями.

В контексте настоящего исследования важно подчеркнуть, что проживание человека в социальной среде наложило глубокий отпечаток на его природу и характер его активности. Вместе с раздвоением среды обитания человека произошло удвоение природы человека, который стал биосоциальным существом. Объективно изменились и психологические механизмы детерминации

31

его активности: возможности натуральных психических функций мозга были усилены культурно-историческими орудиями психической деятельности. Культурные по происхождению высшие психические функции открыли человеку возможность овладения своей активностью и ее сознательного воспроизводства [72]. Это закономерно повлекло качественный прирост возможностей человека в освоении его жизненной среды. Именно в исторические закономерности развития высших психических функций человека необходимо вписывать психологический феномен субъектности.

Субъект - продукт культурно-исторического развития человека, а субъектность - это высшая психическая функция, которая опосредует овладение человеком собственной активностью. Можно утверждать, что субъектность как психологический феномен возникает на определенном этапе истории в связи с крутым изменением обстоятельств

жизнедеятельности человека. Это изменение интимно связано с переходом человека от приспособительного к преобразующему образу жизни. В рамках последнего заостряется объективная необходимость человека в полном владении процессами собственной активности: ведь именно посредством этой активности человек преобразует мир. И чем полнее человек способен контролировать свою активность, тем успешнее он в своих усилиях преобразования мира. Вопрос же о полноте контроля человека над собственной активностью есть вопрос о качестве психологических механизмов регуляции этой активности.

Немаловажную роль в происхождении субъекта сыграла усиливающаяся по ходу истории атомизация общества и эмансипация индивида от группы. Разъединение тесных биологических связей, которые соединяли индивидов на ранних ступенях развития общества, привело к замене группового субъекта индивидуальным. Вырвавшемуся из тесных пут рода индивиду пришлось самому строить свои отношения с миром и, следовательно, быть автономным субъектом активности. Адаптационный ресурс субъектности в том, чтобы автономизировать человека как носителя активности, перевести его взаимодействие со средой в систему «один на один». А для этого потребовалось развитие особых культурно-исторических образований психики, позволяющих человеку полностью детерминировать свою активность. Поэтому субъектность как качественную ступень психической регуляции активности следует рассматривать как адаптационное приобретение человеческой психики в конкретных исторических

32

обстоятельствах. Где-то среди этих исторических закономерностей филогенеза психики притаился ответ на вопрос о человеке не только как о субъекте деятельности, но также как о субъекте жизненного пути. На определенном этапе истории человек сталкивается с необходимостью самостоятельно определять свою судьбу, поскольку ни биологическая программа жизнедеятельности, ни общество уже не диктуют ему готовых решений. С этого времени проблему собственной судьбы человек начинает решать сам как субъект активности в масштабе времени жизни. В настоящем исследовании не стоит задача отследить филогенетический момент возникновения и развития субъектности на протяжении человеческой истории. Предложенная эволюционная увертюра призвана привлечь внимание к тому факту, что субъект как инстанция психической регуляции активности человека является культурной по генезису высшей психической функцией. Задача исследования скромнее: определить психологическую сущность того уровня регуляции активности, который обычно обозначают понятиями «субъект» и «субъектность».

Эту исследовательскую задачу представляется целесообразным раздробить на ряд подчиненных задач. Первая задача заключается в том, чтобы раскрыть специфику свойственных человеку различных видов активности. Вторая задача состоит в том, чтобы с психологической стороны охарактеризовать деятельность человека как универсальную интегральную форму его активности. Только опираясь на эту характеристику, можно продвигаться дальше к проблеме субъекта: ведь человек как субъект присваивает не всякий вид активности, а именно активность в форме деятельности. Отсюда можно заключить, что психология человека как субъекта подстроена именно под психологические свойства деятельности. Психологические характеристики деятельности - «указатели» на пути к психологии субъекта. Третья задача выражается в том, чтобы найти то звено психической регуляции деятельности, которое специализируется на функциях присвоения и изменения деятельности. Поиск этого звена психической регуляции - поиск психической инстанции, каковой является субъект. И наконец, последняя задача заключается в выяснении психологического содержания тех процессов, в ходе которых деятельность дается субъекту.

В заключение необходимо отметить, что современная психология субъекта пребывает в процессе активного развития и поэтому неизбежно испытывает трудности неравномерной

ки методологии, теории, методики и эмпирики. В настоящее время наблюдается ситуация, когда развитие общих методологических принципов и подходов по темпам обгоняет освоение конкретных теоретических подходов и методик их экспериментальной верификации. Еще значительнее разрыв между психологической теорией субъекта и практической деятельностью психологов, направленной на развитие и коррекцию субъектной активности. Указанные противоречия обуславливают актуальность и значимость научных исследований, посвященных проблемам психологии субъекта. При этом положения системно-деятельностного, смыслового и культурно-исторического подходов должны составлять методологию этих исследований.

1.2. Категория субъекта в гуманитарных науках

В настоящее время понятие субъекта в значительной мере определяет категориальный строй гуманитарных наук. К этой категории незримо нитями стягиваются понятия активности, деятельности, психической регуляции, субъективности, личности и многие другие. Эти понятия в паре с категорией субъекта образуют привычные терминологические штампы и стереотипы, которыми принято означивать проявления активной, преобразующей жизнедеятельности человека. Однако парадокс познавательной ситуации вокруг категории субъекта заключается в том, что если от этой категории вычтуть приставочные понятия активности, деятельности и т.д., то она теряет смысл. Данный парадокс указывает на то обстоятельство, что категория субъекта до сих пор употребляется психологами номинально, без раскрытия необходимых психических предпосылок и специфических признаков субъектно-сти. Необходимо разобраться в том, кем же является субъект и какими психическими способностями в широком смысле этого слова он наделен.

Категория субъекта заимствована психологами из философии уже давно, но до сего времени, как правило, употребляется в неизменном виде. Даже в психологических словарях понятию субъекта дается классическое философское толкование: человек как распорядитель активности, обращенной на освоение, преобразование, покорение мира [182; 183]. В психологическое понимание субъекта ничего, кроме старой антиномии активного индивида и пассивного объекта, данная трактовка не вносит. Она по

34

давной традиции отсылает к активности как атрибуту субъекта, не оговаривая специальных психологических критериев субъектности. Тем не менее необходимо еще раз подчеркнуть, что психологизация понятия подразумевает определение необходимых и достаточных психологических условий, при которых возможно существование субъекта. Не случайно в своей монографии, полностью посвященной проблеме субъекта, А.В.Брушлинский отмечает чрезвычайную абстрактность, отвлеченность, размытость данной категории. Эта категориальная нечеткость является, по мнению исследователя, серьезным препятствием при проведении психологических исследований [58].

В первую очередь неопределенность категории субъекта вредит тем исследованиям, в которых встает вопрос об особой психологической инстанции, которая управляет ресурсами психики. Таким исследованиям попытки обойтись без субъектного подхода стоят многого и прежде всего приводят к погрешностям в объяснении движущих сил активности. В отсутствие субъекта, который распоряжается психическими процессами, эти самые процессы начинают жить собственной жизнью: память запоминает, мышление мыслит, воображение воображает, а деятельность действует. Возникает иллюзия «спонтанности» и «бессубъектности» психических процессов, хотя в реальности всякое проявление активности и всякий акт психического отражения несостоятельны без субъекта. Поэтому рано или поздно психологическое исследование утыкается в вопрос: кто и как управляет активностью и ресурсами психики? И это есть искомый вопрос, который решается путем изучения психологических условий, механизмов и

закономерностей развития субъекта. Без серьезной психологической проработки категории субъекта данное требование остается всего лишь благим пожеланием.

Трудности конкретно-психологического исследования проблемы субъекта во многом созданы полисемантизмом самого понятия «субъект». Для устранения этих трудностей требуется специальный анализ полисемической категории субъекта. По свидетельству Г.В.Суходольского, который предпринял целевой контент-анализ научных текстов, понятие субъекта охватывает наряду с психологическими феноменами социальные и биологические явления. Исследователь также указывает, что понятие субъекта в значительной мере «замутняет» неопределенность в понимании тех видов активности, которые практикует субъект. В первую очередь - это расплывчатость собственно психологического понимания деятельности [210, с. 22-23].

35

Рассмотрим основные и наиболее типичные способы определения понятия «субъект» в гуманитарных науках. В качестве субъекта чаще всего берутся: 1) общество или человечество, 2) социальная группа, коллектив, 3) человек как индивид и как личность, 4) живой организм, животное, 5) психический процесс, структура или система психических функций, 6) физиологические органы человеческого тела. Уже с первого взгляда ясно, что органы человеческого организма и машины не могут быть субъектами деятельности; они эксплуатируются субъектом в качестве средств собственной деятельности. Если даже отбросить непсихологические (биологические, технические и социологические) определения понятия «субъект», то его семантическая неопределенность по-прежнему останется чрезвычайно высокой, не позволяющей подступиться к нему методами психологического анализа.

Итак, в психологической науке в самом широком смысле слова субъект - это «все человечество в целом, представляющее собой противоречивое системное единство субъектов иного уровня и масштаба: государств, наций, общественных классов и групп, индивидов, взаимодействующих друг с другом» [57, с. 4]. За этим определением скрывается фундаментальный факт, а именно то, что изначальным родовым субъектом выступает социальная общность, в процессе приобщения к которой набирает полную силу индивидуальный субъект. При этом о групповом субъекте обычно судят по наличию определенным образом распределенной между членами группы деятельности («групповая деятельность», «общественная деятельность», «деятельность человечества»). На основе совместной деятельности, имеющей одного коллективного субъекта, возникает индивидуальная деятельность многих субъектов. Поэтому в онтогенезе индивидуальный субъект осмысливается как частица коллективного субъекта: «Что такое индивидуальный субъект? Это инициатива постановки целей коллективной деятельности отдельным человеком и ответственность за эту инициативу» [83, с. 25].

В более узком и наиболее распространенном значении субъект понимается как индивид или личность, осуществляющие различные виды произвольной осознанной активности. Произвольная осознанная активность нередко обозначается понятием деятельности. Для данной трактовки характерно то, что речь идет о специфически человеческих видах активности, в силу чего понятие субъекта также «очеловечивается». Это значит, что подлинным субъектом - центром координации психических процессов и

36

самодетерминации активности - может быть только человек, обладающий особым сверхчувственным качеством - личностью. Такое понимание является, на наш взгляд, методологической первоосновой для построения психологии субъекта. Однако в психологической науке нередко допускаются попытки грубого уравнивания человека с животными на том основании, что и первый и вторые являются субъектами деятельности («деятельность животных», «инстинктивная деятельность»). По этому поводу следует отметить, что активность животных не является деятельностью в строгом научном смысле этого слова, поэтому животное также не является в строгом смысле субъектом

деятельности.

Наконец, когда говорят о деятельности отдельных психических функций и процессов, то имплицитно подразумевается, что эти процессы и функции являются самодостаточными субъектами, «живут» самостоятельной и независимой от личности жизнью. Однако такое представление выворачивает исходное соотношение личности и психических явлений: не психические процессы, свойства и состояния властвуют над личностью, а личность как субъект управляет ими. Только в преломлении через личность отдельные психические процессы - мышление, восприятие, воображение, память - преобразуются во внутренние формы человеческой деятельности. И тогда субъектом перцептивной, имажетивной, мнемической, мыслительной деятельности является человек как личность.

Таким образом, по результатам проведенного анализа наглядно проступает тенденция психологов совмещать в «собирательном» понятии субъекта совершенно разные проявления активности на разных уровнях организации биологических и социальных систем. Вполне правомерно замечание Г.В.Сухо-дольского о том, что «в общепсихологическом плане и до сих пор в понятии субъекта смешиваются почти все формы движения материи» [210, с. 23]. Выход из сложившегося положения видится в дифференциальном анализе различных уровней активности человека. Вычленив и оттенить специфику собственно субъектного уровня (уровень активности человека как субъекта или уровень субъектной активности) представляется целесообразным на фоне разнообразных проявлений человека как активного существа.

Первоначально для того, чтобы раскрыть характер активности, которую человек носит как субъект, необходимо проанализировать те уровни, на которых человек собственно существует. Характеристика тех или иных видов активности человека является

37

производной от условий, в которых эта активность формируется и проявляется. Человек представляет собой единство трех целостных систем: он одновременно фигурирует как биологический индивид, социальный индивид и как личность. «Мы без труда выделяем разные уровни изучения человека: уровень биологический, на котором он открывается в качестве телесного природного существа; уровень психологический, на котором он выступает как субъект одушевленной деятельности, и, наконец, уровень социальный, на котором он проявляет себя как реализующий объективные общественные отношения, общественно-исторический процесс» [133, с. 231]. На каждом из названных уровней организации человек проявляет себя как субъект активности. Однако природа, источники, силы и причины движения, способы отправления активности человека на каждом уровне своеобразны и отражают объективные закономерности биологического, социального и личностного бытия человека. Несмотря на внутриуровневые различия природы и детерминации активности, в реальной жизни она выступает как ме-журовневая интеграция биологических, социальных и личностных свойств человека. Только в некоторых исключительных условиях можно изолированно наблюдать активность человека как биологического индивида, социального субъекта и личности. В обычных же условиях активность человека является триединством биологической, социальной и личностной активности.

Взаимоотношения между этими видами активности улажены по принципу уровневой координации и субординации. «Личностный уровень можно считать вышележащим по отношению к двум другим, индивидуальный - вышележащим по отношению к организ-мическому. Нижележащий уровень управляется вышележащим» [207, с. 99]. Однако иерархический способ построения отношений между активностью биологического индивида, социального индивида и личности отнюдь не означает, что эти виды активности накладываются друг на друга или поглощают один другого. Суть отношений между ними заключается в том, что для реализации вышестоящего уровня требуется участие нижестоящих видов активности. В свою очередь реализация подчиненных видов активности модулируется подчиняющимися видами активности. В любом целостном акте

человека один из видов активности оказывается лидирующим, а уровень регуляции, на котором он задан, - ведущим. Остальные виды активности оказываются фоновыми, «приглушенными» ведущим уровнем. Но на этом ведущем уровне активности в «снятом» виде проскальзывают ха-

38

рактеристики фоновых уровней. «Общий принцип, которому подчиняются межуровневые отношения, состоит в том, что наличный высший уровень всегда остается ведущим, но он может реализовать себя только с помощью уровней нижележащих и в этом от них зависит» [133, с. 232-233].

Иерархически-уровневый характер связи между рассматриваемыми видами активности наглядно проступает в том случае, когда один из видов активности оказывается сломанным. Тогда подрывается не только непосредственно надстоящий уровень, но вместе с ним подкашивается вся иерархия уровней. Нижестоящие уровни активности в таких случаях, как правило, тоже сбоят и ломаются, так как уже не претерпевают организующего воздействия надстроенных над ними уровней. Действительно, соматическое и психофизиологическое здоровье человека как биологического индивида насущно необходимо для того, чтобы под воздействием культурной среды был выращен полноценный социальный индивид. Если же со здоровьем биологического индивида не ладится, то это влечет за собой дефектность его социализации как социального индивида. В качестве примера, поясняющего данную зависимость, можно привести концепцию Л.С.Выготского о первичном и вторичном дефекте [73]. Первичный дефект представляет собой ущербность биологического индивида, причем обязательно ущербность органической природы. В то же время социальная программа, которая подлежит усвоению в процессе социализации, рассчитана на нормальный, а не аномальный органический субстрат, на полноценного в биологическом смысле индивида. Как следствие, индивид с органической неполноценностью западает в системе социализации, что ведет к формированию вторичного дефекта сугубо социально-психологического происхождения. Переход первичного дефекта во вторичный как раз и характеризует психологические механизмы и закономерности детерминации социальной активности ее биологическими предпосылками.

Аналогичным образом взаимодействуют виды активности человека как социального индивида и как личности. Дисфункция активности социального индивида угрожает личности и депривирует ее активность. Как пишет В.В.Столин, «функционирование человека как социального индивида является необходимой предпосылкой его развития как личности. Занимая определенное общественное положение, приобретая необходимые для социальной деятельности навыки, вступая в отношения, в которые его «вынуждает» вступать подчиненная конкретным социальным услови-

39

ям жизнь, индивид одновременно вооружает собственную личность опытом и «загружает» ее работой - так как чем более индивид погружен в социальную жизнь, тем вероятнее необходимость «неавтоматических» решений. Общество, которое ограничивает активности социального индивида, делает, например, его безработным, тем самым ставит под угрозу и его личность» [207, с. 99].

Системные взаимовлияния видов активности человека как биологического индивида, социального индивида и как личности изложены в уровневой концепции психического здоровья Б.С.Братуся [46]. Психическое здоровье рассматривается как многоуровневое психическое образование, в котором держат свой вклад и биологический индивид, и социальный индивид, и, конечно же, личность. Высший уровень психического здоровья - личностный, который определяет качество смысловых отношений человека к миру. Следующий уровень - психическое здоровье социального индивида, который детерминируется способностями человека к адекватной реализации личностно-смысловых отношений верхнего уровня. Низший уровень психического здоровья основывается на

психофизиологической и телесной целостности и сохранности человека как биологического индивида. Это мозговой -психофизиологический и нейропсихологический - уровень психической нормы. Психическое здоровье, будучи многоуровневым, может страдать на каждом из обозначенных уровней, и тогда по локальным нарушениям видов активности человека можно судить об их иерархической организации.

Все вышесказанное важно для уяснения того факта, что человек является одновременно носителем нескольких видов активности, которые адекватны его множественной природе. Множественность природы человека в свою очередь обусловлена тем, что человек населяет и обживает одновременно несколько жизненных пространств. Это и природный мир натуральных объектов, частицей которого является человек, и социальный мир людей, в который человек внедряется благодаря способности к общению, и, наконец, мир культурных смыслов, который образует скрытое смысловое «квазиизмерение» мира, к которому человек подключается как личность. Эти этим измерениям человеческого бытия соответствует множественность природы человека как биологического индивида, социального индивида и личности [224; 280; 281].

Для описания выделенных видов активности исследователи применяют множество признаков и критериев, которые систематизированы в таблице 1.

40

Таблица 1

Субъект активности	Внешняя структура активности	Внутренняя структура активности	Главная характеристика активности	Объект активности	Принцип регуляции активности	Логика регуляции активности	Сфера регуляции активности	Пространство реализации активности
Биологический индивид	Моторные акты	Психофизиологические механизмы	Витальность	Объект как комплекс («узел») физических свойств	Биологическая сообразность (биологический смысл)	Логика удовлетворения потребностей, логика реагирования на стимул и логика предрасположенности	Психофизиологические механизмы	Биологическая среда
Социальный индивид	Операции	Задача	Целенаправленность осознанность, орудийность	Объект или явление в своем предметном значении	Предметосообразность (предметное значение)	Логика социальной нормативности	Операционально-техническая, инструментально-	Предметная среда
	Действия	Цель	орудийность	и	Целесообраз-	Логика социаль-	Социальная	Социальная

					ность (цель)	ной норматив- ности	стилевая сфера	среда как пространс- тво общения и взаимоде- йстви- вия
Личнос- ть	Деятель- ность в целом	Динами- че- ская смы- словая сис- тема или мотив	Осмысл- ен- ность	Объект или явление жизненн ого мира в единств е со своим жиз- ненным смысле м	Смысло- об- разность лич- ностный смысл)	Логика смысло- вой необходим о- сти и логика свободного вы- бора	Мотивац- и- онно- смы- словая, термина ль- но- содер- жательн ая сфера	Универсу- м или общече- ловеческа я культура

Из таблицы следует, что многокритериальное описание видов активности человека включает указание на: субъекта активности [133; 207]; внешнюю и внутреннюю структуру (строение, организацию) активности [133; 177; 178]; глобальную характеристику, всеобъемлющую частные свойства активности [46; 281]; объект активности [133]; пространство, в котором разворачивается активность [46; 176; 279; 281]; сферу психики, регулирующую активность [31; 46; 144]; особый принцип или логику регуляции активности [144; 281].

Вкратце охарактеризуем виды активности человека через призму принятых в науке критериев. В рамках психологической организации человека активность имеет несколько основополагающих направлений. «Одно состоит в познании внешнего мира, производстве предметов, преобразовании окружающего. Другое направление связано с нахождением смысла своего бытия в мире и многочисленных продуктов, следствий этого бытия» [46, с. 69]. К этим двум направлениям следует добавить еще одно направление, в котором устремляется активность человека как биологического индивида. Активность человека как биологического индивида нацелена на оптимальное приспособление к биологической среде, удержание и завоевание экологической ниши обитания, индивидуальное выживание и оставление плодovитого потомства для продолжения вида. Это направление активности В.А.Петровский называет органической жизнедеятельностью и указывает на ее яркую виталистическую окраску. Помимо жизнедеятельности он выделяет активность, связанную с познавательными и практическими актами человека как социального субъекта предметной деятельности и общения. Психологическое содержание этой активности составляют акты опредмечивания и распрепредмечивания социальных значений вещей при посредстве орудий предметной и коммуникативной деятельности. Наконец, автономное направление активности образует воспроизводство человеком самого себя как личности посредством приобщения к смыслам и ценностям общечеловеческой культуры [178, с. 8-9]. Каждое из этих направлений психической активности устремлено в соответствующие сферы приложения активности. «Одна из них есть «мир вещей»,

причинно-следственных отношений, другая есть «мир идей», мир смыслов. Соответственно этому деятельность в «мире вещей» можно назвать деятельностью производства «вещных» продуктов, предметов, измерений, тогда как деятельность в «мире идей» следует назвать деятельностью смыслообразования, производства смыслов» [46, с. 69].

42

У каждого из видов активности свой уровень психической организации, а значит - свой субъект. То же самое можно сказать и про объект на каждом из рассмотренных уровней психической организации активности. Объектом любого из видов активности человека является некоторый сегмент объективной действительности; то, на что непосредственно направлена активность. Однако различные виды активности выявляют различные свойства и отношения объектов и явлений действительности. Один и тот же сегмент реальности раскрывается перед субъектом в совершенно разных свойствах и связях, что зависит от характеристик обращенной к нему активности. Например, такой объект, как книга, для активности биологического индивида может не существовать вовсе, поскольку не удовлетворяет ни одну из органических нужд; в активности социального индивида этот же объект будет явлен в своем предметном всеобщем значении как источник знаний, средство учения и т.д.; относительно активности человека как личности книга может выступить по личностному смыслу как ценность, как личная реликвия, как амулет. При внешнем однообразии объекта различные виды активности человека открывают в нем многообразные свойства.

Психическое отражение этих свойств является психологической предпосылкой организации того или иного вида активности. Формы психического отражения зависят от строения человеческой активности и адаптированы к тем свойствам объекта, которые эта активность вскрывает. Поэтому для каждого из видов активности существует своя необходимая и достаточная модальность и сложность психического отражения. Модальность психического отражения презентует субъекту именно те свойства и связи объективной действительности, которые «считываются» соответствующим видом активности. Строение психики всегда подстраивается под строение активности живого существа и закономерно с ним связано. Рассмотрим подробнее свойства объекта для каждого из выделенных видов активности человека, а также специфические модальности их психического отражения.

Активность биологического индивида ориентирована на объекты и явления окружающего мира как на «концентры» биологически значимых свойств. Объекты окружающей действительности ранжируются на простейшие категории: биологически полезные, биологически опасные и биологически нейтральные. Биологически нейтральные объекты как бы игнорируются, в то время как биологически значимые объекты являются непосред-

43

ственными стимулами активности. Они-то и составляют основное содержание психического отражения. Избирательная направленность активности на биологические связи и свойства окружающей действительности - это общая особенность активности животных и биологического индивида. Как пишет Д.А.Леонтьев, «животное способно воспринять лишь объекты, окрашенные для него биологическим смыслом» [144, с. 247]. На более высоких ступенях эволюционной лестницы живые организмы приобретают способность откликаться не только на объекты с непосредственным биологическим смыслом, но также на условия, индицирующие приближение или удаление этих объектов. Биологический смысл становится относительно устойчивым и независимым от перцептивного поля ситуации, что способствует развитию сложных форм ориентировки и поведения. Антропоидные приматы, например, могут временно отвлечься от биологического смысла ситуации, но лишь для того, чтобы впоследствии все-таки заполучить вожаемый объект с биологическим смыслом [135]. При всем при этом активность остается полностью подчиненной биологической сообразности. «Всякая деятельность,

осуществляющая непосредственные биологические, инстинктивные отношения животных к окружающей их природе, характеризуется тем, что она всегда направлена на предметы биологической потребности и побуждается этими предметами. У животных не существует деятельности, которая не отвечала бы той или другой прямой биологической потребности, которая не вызывалась бы воздействием, имеющим для животного биологический смысл - смысл предмета, удовлетворяющего данную его потребность, и которая не была бы направлена своим последним звеном непосредственно на этот предмет» [134, с. 227]. В этом - принципиальное совпадение активности биологического индивида с активностью животных.

Но есть и существенное отличие активности биологического индивида от активности животных. Оно коренится в том, что у человека непосредственные биологические нужды под влиянием социальной среды трансформируются в органические потребности [75]. Отличие биологической нужды от органической потребности в том, что предметы и способы удовлетворения органической потребности носят социальный характер. Другими словами, удовлетворение низших биологических потребностей человека опосредовано социальным смысловым опытом, который зафиксирован в ценностях, предметных значениях средств удовлетво-

44

рения потребностей, культурных образцах потребительского поведения. Именно поэтому биологические потребности в условиях человеческой психики не являются верховными инстанциями смысловой регуляции поведения, а всего лишь промежуточным звеном в цепи реализации смысловой необходимости. Возможна ситуация, когда у человека присутствует биологическая нужда, но отсутствует соответствующая ей органическая потребность. Например, нет органической потребности в пище, но зато есть биологическая нужда организма в притоке питательных веществ [83, с. 21]. Необходимо отметить, что потребности одомашненных, прирученных животных также подвергаются трансформации по предмету и способу удовлетворения. Это обусловлено тем, что человек навязывает таким животным «антропоморфную» логику удовлетворения биологических нужд. Итак, индивидуальная активность разворачивается в пространстве отношений «организм - среда». В этом пространстве активностью человека «правит» биологический смысл, который жестко предугадывает витальную значимость тех или иных условий для поддержания целостности и функционирования индивида.

В качестве объекта активности социального индивида выступает предметный мир, в котором каждый объект и явление обладают собственным общественным значением. В общественном значении закодирован способ использования объекта в деятельности человека в соответствии с его культурным назначением. Активность человека как социального индивида подстраивается под общественные значения объектов культуры. «При этом, - констатирует С.Л.Рубинштейн, - уже элементарное действие с предметом регулируется не просто непосредственно, чувственно данными свойствами этого предмета как материальной вещи - его величиной, сопротивляемостью давлению и т.п., а теми его свойствами, выявляемыми практикой действия и познания, которые существенны для него как объекта (и орудия) человеческой деятельности. Таким образом, уже в афферентации простых предметных действий выступает их «смысловой характер» [186, с. 250].

Наконец, личностный уровень активности предполагает разверстку отношений в системе «личность - жизненный мир». Здесь активность человека опосредована смыслами жизненного мира, которые в идеальной форме конституируют личностно-смысловую регуляцию активности. В этой связи предмет личностной активности - это та грань или то свойство объекта действительно-

45

сти, которые имеют для субъекта индивидуальный жизненный смысл. Предмет деятельности - это объект или явление жизненного мира личности, взятые в совокупности с их жизненным смыслом для индивидуального или коллективного субъекта. Если жиз-

ненный смысл предмета коллективной деятельности зафиксирован в общественном значении, то жизненный смысл предмета индивидуальной деятельности явлен в особом «сверхчувственном» качестве - личностном смысле.

Примечательно то, что выявляемые в процессе различных видов активности свойства объектов и явлений действительности требуют качественно различных форм своей психической фиксации в структуре человеческого сознания [74; 94; 96; 133; 186]. Так, для регуляции активности биологического индивида необходим и достаточен бытийный слой сознания, состоящий из биодинамической ткани движения и чувственной ткани образа окружающей среды [96]. Как пишет С.Л.Рубинштейн, «с точки зрения психологической обусловленности мы бы разделили все акты сперва на три большие группы: 1) группу двигательных актов, регуляция которых совершается только в физиологическом плане, 2) группу движений, регулируемых ощущениями, т.е., точнее, ощущаемыми раздражителями как сигналами без того, чтобы эти раздражители выступали как объекты, а ощущения - как образы их, 3) группу движений, действий, когда реакция на раздражитель переходит в действие с предметом как объектом. Этот переход совершается, когда мир как совокупность раздражителей, воздействующих на органы чувств, выступает как совокупность отраженных в ощущениях, восприятиях и т.д. объектов и объективных обстоятельств или условий» [186, с. 247]. Во всех этих случаях активность осуществляется в форме моторных актов, регулируемых биодинамическими и чувственными образами.

В регуляцию предметных действий с необходимостью вовлекается такая образующая сознания, как конвенциональное значение. За значениями скрываются общественно выработанные способы (операции) действия, в процессе которых люди изменяют и познают объективную реальность. Иначе говоря, в значениях представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой [136, с. 176]. «Здесь субъект действия учитывает не только свое восприятие предметов, но и накопленные обществом знания о них, и не только их естественные свойства и отношения, но

46

также их социальное значение и общественные формы отношения к ним» [74, с. 146].

Для регуляции целостной деятельности необходима субъективная форма репрезентации в сознании жизненных отношений, связывающих человека с миром. В качестве таковой выступает личностный смысл, который служит регуляции целостно мотивированной деятельности [96; 133]. «Смысл деятельности - изменение отношений, существующих между субъектом и возможностями удовлетворения его потребностей, предоставленными ситуацией. Подлинный ответ на вопрос: «В чем смысл данной деятельности для субъекта?» - можно получить лишь в рамках анализа «драмы» его отношений с миром - проблем, разрешаемых человеком в ходе всей его жизни» [177, с. 283].

Рассмотрим теперь соотношение тех сфер психики, которые регулируют различные виды активности человека, или уровни «внутренней организации активности» [177]. Обычно эти сферы проходят под именем «уровней» или «подструктур» психической регуляции, «сторон деятельности» или «компонентов личности». Однако суть дела не в терминологической тонкости и не в игре слов. Дело обстоит так, что различные виды активности человека нуждаются в различных инстанциях психической регуляции. В этой связи С.Л.Рубинштейн констатирует: «Познавательные процессы разного уровня открывают разные возможности для регуляции поведения; сфера действия у каждого из них другая. С другой стороны, движение (например, локомоции), действие (скажем, по изготовлению какого-нибудь предмета по определенному образцу), поступок (акт, дающий не только тот или иной предметный эффект, но и имеющий определенное общественное содержание, выражающий отношение человека к другим людям) - вообще действия разного уровня предполагают и разные психические процессы для своей

регуляции. Изучение различных форм отражения мира и изучение действий человека, различных по их регуляции, неразрывно связаны друг с другом. Изучение того, как человек отражает мир, должно быть продолжено в изучении того, как он действует, и через изучение того, как он действует, может быть объективно раскрыто и то, как он отражает мир» [186, с. 266 - 267].

Более того, те инстанции психической регуляции, которые достаточны для управления одним видом человеческой активности, как правило, оказываются избыточными, излишними для другого вида активности или обнаруживают свою недостаточность для регуляции третьего вида активности. Наконец, проблема

47

субъекта в психологическом измерении есть проблема тех инстанций психической регуляции, которые «творят» субъекта. Это проблема того, какие регуляторные структуры психики выступают как необходимые и достаточные для субъекта. И, с другой стороны, какими структурами психической регуляции человек не может довольствоваться как субъект деятельности. С этой позиции в настоящем исследовании важно «застолбить» ответы на некоторые вопросы. Вопрос номер один - о том, какая сфера психики является собственно личностной. И логически выводимый вопрос номер два - о том, с какой сферой психики функционально и генетически связано возникновение феномена субъектности. Анализируя ответы на эти вопросы как логические послышки, можно заключить, является ли личность тем уровнем психического отражения, с которым увязано развитие субъекта деятельности.

Наиболее теоретически и эмпирически обоснованным делением психики на сферы представляется модель уровней психической регуляции. Эта модель зародилась и развилась в русле системно-деятельностного подхода к исследованию разнообразных форм психического отражения. Некоторые из положений этой модели созвучны подразделению психики на системы побудительной и исполнительской регуляции в работах С.Л.Рубинштейна [186]. Она также корреспондирует с некоторыми зарубежными исследованиями, в которых пропагандируется системный подход к изучению личности [280; 281]. Рассмотрим теперь основные теоретические представления, заложенные в указанной модели.

Первым представителем деятельностного подхода в психологии, в чьих работах проскользнула идея разведения собственно личностной и неличностной сфер психики, был А.Н.Леонтьев. Его основная заслуга состоит в разработке психологического понятия личности в узком значении. Действительно, при попытках определить ту психологическую реальность, которая скрывается за понятием «личность», психологи встречались с серьезными трудностями. До выхода работ А.Н.Леонтьева в понятие личности в соответствии со здравым смыслом загружалось все то, что нашу-пывается «под кожей индивида». Расширенная трактовка личности в значительной мере подкреплялась житейским, общеупотребительным смыслом этого слова. Как пишет Ю.Б.Гиппенрейтер, «для обыденного сознания личность - это конкретный человек со всеми его индивидуальными особенностями» [79, с. 7]. Обыденное понимание проникло в научную психологию личности и поселилось здесь под видом различного рода «интегративных моделей». Не так

48

давно, например, в структуру личности было принято включать все индивидуальные различия человека - от свойств нервной системы до характеристик мировоззрения [17]. Однако тенденция к механическому соединению разнородных свойств человека в структуре личности была остро раскритикована А.В.Петровским. С его точки зрения, подобные комплексные модели засоряют психологию личности и, по сути, являются не чем иным, как «коллекционированием» психических факторов и свойств. Основной упрек в адрес «коллекционерской» трактовки личности в том, что она заслоняет собственно личностное в человеке [175]. Личность как бы растворяется в бесчисленных

биологических и социальных свойствах человека или редуцируется к ним. Как уже отмечалось, теоретический подъем психологии личности на данном этапе развития был связан с методологическим вкладом, который внес А.Н.Леонтьев. Им была поставлена проблема выделения пласта психического отражения, который осуществляет функции личностной регуляции активности. По мысли А.Н.Леонтьева в самом общем виде функции личности заключаются в высшей интеграции психических процессов и присвоении всего, что думает, переживает или делает человек [133, с. 160]. Примечательно, что А.Н.Леонтьев изначально постулировал личность не только как «внутренний момент», но и как «субъект» деятельности [133, с. 159]. Прогресс в конкретно-научном понимании личности как субъекта деятельности обусловлен уяснением того отношения, в котором личность находится, к многочисленным и разнородным свойствам человека, а также к различным составляющим деятельности. «Реальное основание личности человека лежит не в заложенных в нем генетических программах, не в глубинах его природных задатков и влечений и даже не в приобретенных им навыках, знаниях и умениях, в том числе профессиональных, а в той системе деятельностей, которые реализуются этими знаниями и умениями» [133, с. 185-186]. В одном случае эти составляющие нейтральны по отношению к личности, в другом - предельно точно разоблачают ее психологическую природу. В таком узко научном смысле понятие личности противопоставляется обыденному пониманию личности как «человека в его эмпирической тотальности». Строгое научное понятие приемлет личность как психологическое новообразование, которое формируется в жизненных отношениях индивида в результате преобразования его деятельности. «Личность... есть продукт интеграции процессов, осуществляющих жизненные отношения субъекта»

49

[133, с. 178]. Таким образом, А.Н.Леонтьевым была выдвинута задача разграничения личностной и не личностной сфер психического отражения и намечены конкретные пути ее решения.

Одним из первых эти передовые пути в психологию личности проторил Б.С.Братусь [46; 47; 48; 51]. В психологической структуре личности он выделяет три соподчиненных уровня. Соотношение этих уровней таково, что нижележащий уровень «снимается» вышележащим и выступает в качестве его предпосылки. Итак, первый уровень психической жизни человека образован психофизиологическими процессами, которые детерминируют формально-динамические и формально-временные характеристики психического отражения и регулирования. Второй уровень - индивидуально-исполнительский, или уровень реализации. Именно на этом уровне сосредоточены все те свойства человека, которые обычно присовокупляют к личности в житейском представлении. Это - характер, социальные роли, индивидуальный стиль поведения, задатки и способности. Согласно воззрениям Б.С.Братуся, на этом уровне осуществляется операционально-техническая регуляция активности. Собственно личностный слой психического отражения представлен смысловыми образованиями, которые выполняют функции мотивационно-смысловой регуляции активности. На этом уровне «производятся» смыслы деятельности, которые выполняет человек, а также смыслы человеческой жизни. Необходимо специально оговорить, что в модели Б.С.Братуся не все уровни претендуют на то, чтобы называться личностными. В качестве личностного пласта психического отражения полагается только смысловой уровень. Тем не менее аппарат психического отражения устроен так, что личностный уровень с необходимостью базируется на психофизиологическом и индивидуально-исполнительском уровнях.

Модель психологического устройства личности Б.С.Братуся во многом совпадает с теоретическими представлениями о личности А.Г.Асмолова [30; 31]. В рамках этих представлений А.Г.Асмолов констатирует двухплановость психологической организации личности. План содержания структурирован из мотивов и прочих видов смысловых образований личности, которые задают смысловое содержание и направленность

деятельности. План выражения в личности представлен способностями и чертами характера, которые обуславливают способ объективации смысловых образований в деятельности и поведении. В свою очередь А.Г.Асмолов предлагает деление плана выражения на инстру-

50

ментальные и экспрессивные проявления. Инструментальные проявления обуславливают операционально-технический состав предметной деятельности, а экспрессивные проявления навязывают личности способы самовыражения в общении. В более поздних работах А.Г.Асмолов переименовывает стороны психологической структуры личности как продуктивные и инструментальные проявления личности [30]. Индивидуальные свойства человека А.Г.Асмолов выносит за рамки психологической организации личности, считая их всего лишь задатками развития и проявления активности.

В дальнейшем эта схема теоретического анализа получила широкое признание со стороны научного сообщества и оказалась одной из наиболее влиятельных моделей личности. Ее популярность предопределило одно обстоятельство: перед этой схемой проигрывали те концепции личности, в основе которых лежал комплексный подход. Если эти концепции «комплексировали» в структуре личности разноуровневые свойства, то системно-деятельностный, смысловой подход, наоборот, разводил эти свойства и разукрупнял психологическую структуру личности. В контексте данного подхода личность выступала как сверхчувственное психологическое качество человека, а не как, говоря словами А.Н.Леонтьева, «полипняк» разнородных свойств. Эта мысль получила распространение не только в психологии личности. Так, например, Г.А.Шмелев при анализе индивидуального стиля деятельности дифференцирует содержательные и стилевые свойства личности. Стилевые свойства личности программируют индивидуальный стиль деятельности, но не отвечают за психологическое содержание этой деятельности. Содержательные свойства охватывают мотивы личности, которые побуждают деятельность и насыщают ее личностным смысловым содержанием [241, с. 68-69]. Кроме того, в ряде работ наблюдается устойчивая тенденция к изучению мотивационно-смысловой сферы как «личностного ядра» психического отражения [24; 111; 251].

При соотнесении выделенных «сфер» и «уровней» психической организации личности получается, что активность биологического индивида преимущественно регулируется со стороны психофизиологического уровня; активность социального индивида обусловлена теми психическими структурами, которые объединяют в систему операционально-технической или исполнительско-стилевой регуляции; собственная активность личности детерминирована смысловыми структурами и процессами, которые осуществляют смысловую или побудительную регуляцию.

51

Внешне бывает очень трудно, а порой невозможно угадать, каким видом активности занят человек. В психологии это затруднение выливается в проблему изучения внешней структуры человеческой активности. Для того чтобы с уверенностью различить, чем поглощен человек - деятельностью, действиями, безликими операциями или рефлекторной деятельностью - необходимо провести психологический анализ. Этот психологический анализ призван вскрыть те психические инстанции, которые распространяют свое влияние на активность человека и являются доминирующими в ее регуляции [133].

В соответствии с «внутренней организацией активности в поведении (ее внешней организации) можно выделить три основных «слоя». Один из них связан с мотивом активности, другой - с целями, третий - с инструментальной основой активности» [177, с. 282]. Кроме того, сюда необходимо добавить моторные акты, которые осуществляются на основе психофизиологических механизмов активности. При этом «деятельность - наиболее крупная единица анализа внешних проявлений активности - целостный мотивированный акт поведения» [177, с. 283]. Деятельность всегда релевантна

дискретному мотиву или отдельной динамической смысловой системе в структуре личности, в то время как действия и операции соответствуют целям и задачам [31; 46; 144].

Суммируя вышесказанное, мы можем дать интегральную характеристику каждому из видов человеческой активности. Активность человека как биологического индивида протекает преимущественно в природной среде и направлена на биотические связи и свойства природных объектов. С внешней стороны этот вид активности организован как поведение, подчиненное регуля-торному критерию биологической сообразности. В составе деятельности активность биологического индивида редуцируется до моторных актов, реализующих операции, действия, деятельность в целом. Регулируется данный вид активности преимущественно за счет психофизиологических механизмов по логике реагирования на стимул и логике удовлетворения биологических потребностей. Регуляторные механизмы, релевантные данному виду активности, сосредоточены на психофизиологическом уровне организации психического отражения. Необходимыми и достаточными для регуляции данного вида активности компонентами сознания являются биодинамическая ткань и чувственная ткань, образующие бытийный слой сознания, а также эмоциональная сигнализация биологического смысла объектов природного окру-

52

жения. Универсальной формой прижизненного развития активности биологического индивида является онтогенез, или жизненный цикл.

Активность социального индивида разворачивается в пространстве объектов культуры и социального взаимодействия с другими индивидами. По отношению к деятельности данный вид активности также выступает в качестве «строительного материала», из которого изготавливается технология деятельности. Главным объектом активности социального индивида служит объект в его предметном значении. Внешняя сторона активности социального индивида складывается из предметных действий и операций, реализующих цели и задачи. Цели и задачи, способы осуществления операций кристаллизованы и зашифрованы в содержании предметных значений. Активность социального индивида подчинена этим значениям, вследствие чего является предметной, а значит - осознанной, целенаправленной, орудийной. Эта активность при любых обстоятельствах остается целесообразной и предметосо-образной (предметной) и регулируется по логике социальной нормативности. В структуре личности регуляции данного вида активности служит операционально-техническая сфера.

Активность социального индивида, подчиненная социальному нормативу, носит деперсонифицированный характер. Это означает, что она в малой степени зависит от личностных особенностей человека-исполнителя, потому что социальная технология не подразумевает творческой субъектной активности. Реализация активности социального индивида унифицируется технологически предписанной, нормированной последовательностью действий и операций. В свою очередь «последовательность операций и используемые средства детерминируются целью и объективными условиями, а не особенностями субъекта» [86, с. 55]. Таким образом, потребность в субъектно-личностной активности, преобразующей и индивидуализирующей деятельность, на уровне активности человека как социального индивида не возникает.

Возможность и необходимость субъектной регуляции впервые появляется тогда, когда в реализацию социальных технологий вмешивается личность. Своей активностью личность снимает нижележащие уровни активности и «синтезирует» их в личностно окрашенную пристрастную деятельность. Необходимость в субъектно-личностной форме регуляции активности человека порождается в первую очередь тем обстоятельством, что деятельность реализует не столько надиндивидуальную соци-

53

альную технологию и абстрактные общественные отношения, сколько индивидуальные жизненные отношения. Функции субъекта обусловлены необходимостью

индивидуализации и автономизации человеческой активности, а также необходимостью постоянно приводить активность в соответствие с жизненными отношениями личности. Жизненные отношения принадлежат именно личности, а не биологическому или социальному индивиду. Поэтому деятельность представляется также сугубо личностной формой активности, обеспечивающей реализацию жизненных отношений личности.

1.3. Ααυοαεϋίπου ё ποαυαεοίαυ αεοεαίπου ёён-ίπое

Итак, выше была проанализирована специфика различных видов активности человека. В целях дальнейшего анализа необходимо отыскать место деятельности среди этих видов активности, что даст возможность вести речь конкретно о субъекте деятельности, а не о субъекте активности вообще. Категория субъекта активности - это чрезвычайно общая философская категория, которая поглощает всех живых организмов, обладающих «самостоятельной силой реагирования» (Ф.Энгельс), то есть активностью. Однако данная категория «съедает», нивелирует существенные различия между субъектом активности и субъектом деятельности. Субъектом активности могут быть и животное, и человек, а субъектом деятельности - исключительно человек как личность. Принято считать, что субъект является носителем познавательной и практической активности, направленной на постижение и преобразование окружающего мира. Такое понимание сущности субъекта является философским, предельно абстрактным и требует конкретизации в рамках специальных наук. Спецификация данного понятия в психологии с необходимостью предполагает выявление психологических условий, закономерностей и механизмов, обеспечивающих «ношение» активности субъектом. Выявление этих психологических предпосылок позволяет раскрыть общий путь формирования субъекта и основные принципы, законы его функционирования.

Немаловажную роль в закреплении «собирательного» понятия субъекта сыграла многозначительность психологического понятия «деятельность», а также интерференция понятий деятельности и активности. Нередко в психологическую науку привносится обыденное понимание деятельности, которое зачастую не

54

подмечает различий между активностью и деятельностью. Например, в психологическом словаре деятельность определяется как «активное взаимодействие человека с окружающей действительностью, в ходе которого живое существо выступает как субъект, целенаправленно воздействующий на объект и удовлетворяющий таким образом свои потребности» [182, с. 91]. В таком широком понимании деятельность выступает как динамическая связь субъекта с объектами окружающего мира. Тем самым деятельность полностью уравнивается с активностью.

Расширительное понимание деятельности нагнетает ситуацию, когда «само слово «деятельность» фактически оказывается лишь общим именем разнородных форм человеческой активности» [196, с. 42]. По этой причине психологи иногда рассуждают о деятельности животного и о животном как субъекте деятельности. Фактическое отождествление деятельности с всеобщей категорией активности неминуемо ведет к уравниванию субъекта деятельности и субъекта активности. А.К.Осницкий обосновано констатирует, что «многоплановость содержательных аспектов, вкладываемых в понятие «субъект», - основная причина недостаточной определенности этого термина. Мало связать это понятие с активностью, нужно определить, о какой активности идет речь» [169, с. 9]. Важной задачей на пути очищения психологического понятия «субъект» от примесей социологических и биологических трактовок является теоретическое разведение активности и деятельности.

Перевод фокуса исследований с субъекта активности вообще на субъект деятельности равноценен переводу проблемы с философского уровня в плоскость психологического анализа. На наш взгляд, путь становления субъекта совпадает с путем превращения активности в сугубо человеческую деятельность. Чтобы проследить этот путь во всей его сложности и противоречивости, необходимо первоначально развести понятия активности

и деятельности. Задача теоретического разведения этих понятий имеет смысл в связи с тем обстоятельством, что они нередко сливаются и используются как рядоположенные. Например, нередко исследователи пишут о деятельности животных, употребляя данное понятие в ряду синонимов «активность», «поведение», «реагирование». Нестрогое и предельно широкое толкование позволяет пользоваться понятием деятельности в данном контексте, но при более строгом подходе оказывается, что активность животных лишена основных психологических характеристик дея-

55

тельности - субъектности и предметности. При более тщательном анализе вообще вырисовывается кардинальное несовпадение понятий активности и деятельности. Точно так же понятия субъекта активности и субъекта деятельности кажутся взаимозаменяемыми только в самом общем понимании, но строгий научный анализ не терпит подобных подмен.

В философии вопрос о соотношении активности и деятельности долгие годы решался в атмосфере неослабевающей дискуссионной борьбы. По справедливому замечанию Э.Г.Юдина, «в современном познании, особенно гуманитарном, понятие деятельности играет ключевую, методологически центральную роль, поскольку с его помощью дается универсальная характеристика человеческого мира» [243, с. 266]. Сравнивая объемы понятий «деятельность» и «активность», философы приходят к двум контрастным заключениям. На одном полюсе сплачиваются те, которые постулируют активность в качестве первоисточника деятельности; на втором полюсе объединяются те, которые полагают деятельность в качестве «материи» активности. Из философских исследований проблемы необходимо извлечь конструктивное зерно: в человеческой жизни активности нет вне деятельности, равно как деятельности нет вне активности. Более плодотворным представляется иной подход, который не старается логически сравнить объемы понятий и поляризовать их, а вместо этого раскрывает взаимопереходы и взаимопревращения активности и деятельности. Этот подход культивируется в основном психологами, а не философами, поскольку психологии проблема «живого» развития и трансформации деятельности ближе, чем философии.

В современной философии понятие деятельности в достаточной мере универсализировано: деятельность определяют как специфически человеческую форму активности, содержанием которой является целесообразное изменение и преобразование окружающего человека мира [222, с. 151]. Однако с психологической точки зрения соотношение активности и деятельности не столь однозначно и прямолинейно. В работах отечественных психологов сложилось концептуальное понимание, согласно которому человеческая деятельность развивается в процессе «социализации» активности, то есть ее опосредования высшими (культурными) функциями и структурами психической регуляции [4; 30; 134; 186; 210]. В онтологическом аспекте, как это уже отмечалось выше, личностный уровень взаимодействия человека с миром и есть деятельность. В деятельности конвергируют раз-

56

личные виды активности человека как биологического индивида, социального индивида и как личности. Разумеется, что в составе деятельности эти виды активности не просто напластовываются друг на друга и не просто перемешиваются в определенных пропорциях. В деятельности каждая более высокая ступень активности обязательно включает в себя и изменяет механизмы реализации предыдущих видов активности. «Поэтому каждую более высокую форму действия можно и нужно изучать со стороны участвующих в ней более простых механизмов, но вместе с тем для изучения каждой более высокой ступени одного изучения этих более простых механизмов принципиально недостаточно. Недостаточно не в том смысле, что эти высшие механизмы не могут возникать из более простых, а в том, что образование высших из более простых не может идти по схемам более простых механизмов, но требует нового плана их использования. Этот новый план

возникает вследствие включения в новые условия, в новые отношения» [74, с. 147]. Отсюда следует, что разные виды активности занимают в составе деятельности неодинаковое положение. Можно согласиться с положением В.А.Петровского, что активность в системной организации деятельности имеет тройственный статус: 1) активность - динамическая «образующая» деятельности, из которой деятельность собственно и возникает; 2) активность - динамическая сторона уже возникшей деятельности; 3) активность - момент расширенного воспроизводства деятельности и скачка к качественно новым формам деятельности [178, с. 55-56]. В философской литературе также дифференцируются множественные статусы активности в строении человеческой деятельности. Так, А.Л.Никифоров разводит активность как «субстанцию», из которой «изготовлена» деятельность, и активность в функции средства развития деятельности. «Активность человека выполняет две важнейшие функции: во-первых, воздействуя на окружающий мир и преобразуя его, она служит средством удовлетворения материальных и духовных потребностей индивида; во-вторых, она является средством выражения и развития знаний, умений и способностей личности. Обе эти функции слиты воедино в каждом акте человеческой активности» [86, с. 63]. Надлежит разобраться в статусах различных видов активности человека в составе деятельности.

Очевидно, что предпосылкой деятельности является активность биологического индивида, которая в общественных услови-

57

ях трансформируется в культурные формы человеческой деятельности. Аналогичной предпосылкой деятельности является активность социального индивида, которая выражается в социально нормированных действиях и операциях. Деятельность не «монтируется» механически из обозначенных видов активности человека. Она является не аддитивной системой, в которой каждый из видов активности получает новые системные качества благодаря взаимодействию с другими видами активности. Для уяснения места и роли различных видов человеческой активности в системном строении деятельности представляется важным различие технологии и психологии деятельности [207]. Это различие опирается на идею А.Н.Леонтьева о том, что не все из состава деятельности входит в структуру личности. Бессмысленно, например, рассуждать о предметных операциях, моторных актах, социальных программах и генетических кодах как о присущих собственно личности. Поэтому перед психологией личности встает задача: разобраться, что в деятельности образует субъектно-личностный план, а что является функцией биологического и социального индивида. Прежде всего с решением этой задачи устраняется главная трудность: «определение того, какие процессы и особенности человека относятся к числу психологически характеризующих его личность, а какие являются в этом смысле нейтральными» [133, с. 184]. К социальной технологии деятельности относятся те знания, умения, навыки и прочие единицы активности социального индивида, которые помогают «технологизировать» процесс исполнения деятельности. Социальная технология деятельности всегда нормирована, то есть регламентирована социальными нормами, в которых явно или неявно содержатся требования к характеристикам активности социального индивида. В.И.Слободчиков называет унифицированную и социально предписанную структуру деятельности «нормативной структурой» [196]. Психологию деятельности конституируют смысловые структуры личности, которые образуют внутренний утаенный план деятельности и характеризуют психологическое отношение человека к своей деятельности. Смысловые структуры заключают в себе именно психологию деятельности, но никогда не вбирают и не программируют ее технологию. «Реальным базисом личности человека является совокупность его общественных по своей природе отношений к миру, но отношений, которые реализуются, а они реализуются его деятельностью, точнее, совокупнос-

58

тью его многообразных деятельностей. Имеются в виду именно деятельности субъекта,

которые и являются исходными «единицами» психологического анализа личности, а не действия, не операции, не психофизиологические функции или блоки этих функций; последние характеризуют деятельность, в не непосредственно личность» [133, с. 183-184]. На наш взгляд, помимо личностной психологии и социальной технологии деятельности, можно говорить о ее биологической физиологии. Характеристики и механизмы активности биологического индивида составляют «физиологию деятельности». В этом отношении невозможно переоценить разработки проблемы физиологии активности в трудах Н.А.Бернштейна [38].

Таким образом, активность биологического индивида в системной организации деятельности отвечает за физиологию, активность социального индивида - за технологию, а активность личности - за психологию деятельности.

Заметим, что активность биологического и социального индивида без активности личности не способна породить деятельность. Например, действия и операции - строительные блоки, из которых еще необходимо построить деятельность, что представляет особую задачу для личности. «Активность раскрывается здесь как представленная в движении возможность деятельности» [178, с. 55]. Ведущим уровнем психической регуляции, на котором указанные виды активности организуются в деятельность, является личность. Своей активностью личность «сшивает» и интегрирует различные составляющие структуры деятельности по ходу ее развертывания. В этой связи активность личности является динамической стороной деятельности. Но этим функция личности в деятельности не лимитируется. Личностная активность является также моментом расширенного воспроизводства деятельности, причиной обогащения мотивов, целей, средств деятельности.

Итак, участие личности в деятельности двояко: с одной стороны, личностная активность является фактором, динамизирующим и стабилизирующим деятельность, подготавливающим внутрисистемные переходы и трансформации ее структурных элементов (типа сдвига мотива на цель), с другой стороны, личностная активность является причиной развития и изменения деятельности. В первом случае личность функционирует как субъект-носитель, во втором случае - не только как носитель, но и как реформатор, хозяин, преобразователь деятельности.

59

В последнем единственном случае личность является подлинным субъектом деятельности. Ведь возможны ситуации, когда активность личности является динамической стороной деятельности, то есть личность ее фактически носит и осуществляет, но не является ее творцом и распорядителем, не участвует в ее созидании. Проще говоря, процесс деятельности личность выполняет, но этим процессом не управляет и не распоряжается. Как пишет В.И.Слободчиков, «очень часто не очевиден субъект конкретной деятельности и она видится только в качестве процесса. Либо индивидуальный субъект лишь думает, что он действует сам, а фактически он - «говорящее орудие» чужой деятельности, хозяин которой анонимен и манипулирует первым в своих целях (таким анонимным субъектом может быть взрослый для ребенка, учитель для ученика, начальник для подчиненного, в том числе - и социальная структура для своих функционеров)» [196, с. 46]. Поэтому субъект деятельности - это личность, активность которой не только составляет динамическую сторону деятельности, но и движет преобразованием этой деятельности. По меткому выражению В.И.Слободчикова, становление личности есть развитие деятельного и, что более важно, самодеятельного существа. Самодеятельность, то есть активность, направленная на делание собственной деятельности, является манифестацией субъектности человека. Самодеятельность - это тот переломный пункт развития личности, «где впервые возникает вопрос об освоении человеком всего универсума деятельности, во всех его планах, чтобы быть способным к организации и управлению своей деятельностью, а значит - становиться подлинным субъектом собственной жизнедеятельности» [196, с. 47].

Выше неоднократно подчеркивалось положение о том, что изменение деятельности и психического отражения детерминировано сменой условий и отношений, в которые включен человек. Личностная активность также возникает как определенная ступень в историческом развитии психического отражения и деятельности человека. Прикрепленный к родовой совокупной деятельности человек не сталкивается с задачей самостоятельной организации своей деятельности. Его усилия координировались с действиями соплеменников посредством социально-психологических механизмов. Коллективизация деятельности полностью компенсировала недостаток ее персонификации. «Уже в самую раннюю пору развития человеческого общества неизбежно возникает разделение

60

прежде единого процесса деятельности между отдельными участниками производства» [134, с. 227]. Необходимо заметить, что до возникновения коллективных форм деятельности, активность человека во многом походила на активность животных. Позже в коллективных формах деятельности развилась активность человека как социального индивида. Открепление человека от коллектива и возникновение индивидуальной деятельности явилось первейшим условием происхождения личности как автономного субъекта деятельности. Перемена условий бытия человека выдвинула новые задачи для человеческой психики. Первая задача - это задача координации и связывания отдельных действий в структуре индивидуальной деятельности. Вторая задача - это задача самостоятельного изменения и развития индивидуальной деятельности. Эти задачи решаются с возникновением личностного уровня психологической организации активности человека. Активность личности с ее имманентной способностью к смысловой регуляции позволяет: 1) связать смысловыми отношениями разорванные действия в структуре индивидуальной деятельности (активность личности как динамическая сторона деятельности); 2) встать в субъектно-практическое отношение к индивидуальной деятельности - модифицировать и совершенствовать ее (активность личности как расширенное воспроизводство деятельности).

На соотношение активности и деятельности, таким образом, можно взглянуть с позиций культурно-исторического подхода. Активность от рождения присуща всем живым существам, включая человека. Она коренится во внутренних потребностях живого существа и служит реализации его жизненных отношений. Но если активность живых существ остается инстинктивной и натуралистичной (виталистичной), то активность человека в культурной среде «сублимируется» в формы сугубо человеческой деятельности. Поэтому о человеке и животных можно уравнительно говорить как о субъектах активности, но звание «субъект деятельности» можно удостоить только человека. Никому не приходит в голову называть животное субъектом деятельности, общественно-исторической практики. В рамках деятельностного подхода «выявлены в общем виде основные признаки человеческой активности, которая может рассматриваться как деятельность: осознанность, целенаправленность, предметность, орудийность, ее преобразующий характер и ценность (смысл) для человека и окружающих» [169, с. 12]. Деятельность принципиально отличается от активности следующими свойствами: осмысленностью,

61

осознанностью, орудийностью - опосредованностью культурными орудиями. Осмысленность как свойство деятельности возникает в результате того, что деятельность регулируется на основании личностных смысловых структур. Личностно-смысловая регуляция конституирует высший уровень психической детерминации деятельности. Осознанность как свойство деятельности репрезентирует целевую регуляцию деятельности. Цель как осознанный образ желаемого и прообраз возможного будущего также является специфическим звеном психической регуляции деятельности человека. С целью сопряжены два производных свойства деятельности - осознанность и

преобразующий характер. Наконец, инструментальный уровень регуляции предполагает использование вещей и орудий в соответствии с их культурно-историческим значением. Всеобщие значения предметов в сознании человека функционируют как образы, регулирующие операциональный состав деятельности.

Осмысленность, осознанность и орудийность деятельности - это триада психологических свойств, которая раскрывает внутреннюю психическую организацию деятельности человека. Можно заметить, что активность животных, как, впрочем, и не окультуренного индивида, лишена этих свойств потому, что у нее не развита внутренняя структура психической, в частности, смысловой регуляции. Действительно, животное не способно к транситуативной смысловой регуляции собственной активности; детерминация активности осуществляется им на уровне биологического инстинктивного смысла, запертого в пределах ситуации, в которой действует биологически релевантный стимул. В случае насыщения потребности этот стимул моментально теряет для животного всякую значимость; значимость возвращается к стимулу в ситуации актуализации и обострения потребности животного. Неустойчивость и ситуативность биологического смысла, которым движима активность животных, не позволяет говорить о наличии подлинно смысловой регуляции в условиях дочеловеческой психики. Для полноценной смысловой регуляции необходимы особые субъективные формы репрезентации жизненных отношений, реализуемых деятельностью, во внутреннем мире субъекта.

В первозданном виде активность существует лишь у новорожденного человеческого детеныша, которому предстоит длительный процесс социализации и инкультурации. Новорожденный является субъектом активности, но до субъекта деятельности ему еще далеко. В ходе линии культурного развития активность

62

ребенка должна быть «отлита» в культурно-исторические формы человеческой деятельности. Эти формы исследователи иногда именуют «объективными формами деятельности» или «общественно-историческими формами деятельности» в связи с тем, что с их помощью активность становится общественно организованной, социально и личностно регламентируемой, нормируемой и формализованной [8, с. 150]. У человека «чистую» активность можно наблюдать также при развале деятельности, которая «удерживает» активность в границах социокультурных форм реализации жизненных отношений. Деятельность разваливается только в том случае, когда блокируется или нарушается ее смысловая регуляция. Тогда наблюдается «коллапс», дезорганизация деятельности: система действий и операций разрывается на несвязанные акты. Эти акты могут оставаться сообразными цели, предметам и условиям активности, но деятельность из них не складывается. Эти акты оказываются подчиненными целям и предметным условиям, при полной утрате единой смысловой направленности и преемственности. Они достигают целей, сохраняется их аккомодация под предметные условия, но собственно смысловую необходимость личности они не реализуют. «Сцепление отдельных действий в поведение и деятельность обеспечивается не мыслью, а смыслом. Когда смысл исчезает, мы получаем не полноценную деятельность, а полудеятельность, ее иллюзорно-извращенные формы» [96, с. 29]. При выпадении или нарушении целевого и операционального уровня регуляции полная дезорганизация деятельности, как правило, не наступает. Конечно, эффективность деятельности падает, но сама деятельность не рассыпается на «осколки» активности. Может пострадать целесообразность отдельных действий, может произойти ошибка некоторых операций с предметными условиями и их значениями, но сохранится единый смысловой вектор деятельности. Этот вектор с большим или меньшим успехом выведет субъекта к реализации смысловой необходимости. Легкое расстройство смысловой регуляции активности более губительно для деятельности, чем массивное нарушение целевой и инструментальной регуляции. Отсюда можно сделать вывод, что смысловая регуляция является функциональным стержнем психической регуляции деятельности, без которого немислима субъектность.

Обычно этот момент упускается из виду, особенно когда субъекта определяют как существо, обладающее сознанием и волей, способное действовать целенаправленно на основе образа

63

предметного мира. По нашему убеждению, субъект - это существо, действующее не только осознанно и целесообразно, но и осмысленно, не только на основе образа предметного мира, но и образа собственных жизненных отношений с этим миром. Субъективно превращенной формой жизненных отношений субъекта к миру являются смысловые структуры - «психические образы», регулирующие активность по принципу смысло-образности. Субъект сначала является носителем идеальной, субъективно превращенной формы своих жизненных отношений, а уже потом - деятельности как активности по реализации жизненных отношений. Деятельность субъекта предваряется сознанием как интегратором идеальных форм жизненных отношений. Значения и смыслы, интегрированные в сознании, образуют внутренний план деятельности, за счет которого, во внешнем плане деятельность протекает как осмысленная, осознанная и оснащенная культурными орудиями и инструментами. **Деятельность — это осмысленная, осознанная и опосредованная культурными орудиями активность человека, устремленная на реализацию его жизненных отношений к миру.**

Таким образом, соотношение активности и деятельности диалектично: активность является «субстанцией» деятельности, а деятельность формой материализации активности. Деятельность «возделывается» из активности и тогда, активность принимает форму деятельности, но возможно и обратное движение, когда активность преобразует деятельность и стимулирует ее развитие. На ранних этапах онтогенеза человека активность индивида облекается в деятельность личности, а на более поздних стадиях - «дыры» и «прорехи» в деятельности субъекта «латаются» активностью личности. Субъект активности превращается в субъекта деятельности при условии, что активность переходит в деятельность, то есть организуется посредством смыслов, целей и предметных значений. При этом наибольшая нагрузка выпадает на смысловую регуляцию, которая стабилизирует внешнюю и внутреннюю структуру активности. Благодаря смысловой регуляции активность воспроизводится субъектом как осмысленная, целеустремленная и культурно опосредованная деятельность. Поэтому субъект деятельности - это продукт культурно-исторического развития, производный от филогенеза и онтогенеза смысловой регуляции. Субъекта активности от субъекта деятельности отделяет долгий процесс овладения культурно-историческими формами деятельности. В первую очередь должны быть усвоены и

64

присвоены культурно-исторические системы смысловых отношений субъекта к окружающей действительности - системы смыслов, а также системы конвенциональных значений. Интериоризация этих систем результируется формированием структур психической регуляции деятельности субъекта. В результате интериоризации формируются структуры смысловой, целевой и инструментальной регуляции деятельности. Эти структуры образуют «идеальную форму» - репрезентацию деятельности во внутреннем мире человека. Вот что пишет В.В. Давыдов о формировании идеальных форм деятельности человека: «Условия их происхождения внутренне связаны с процессом общественно-исторического наследования подрастающими поколениями умений (шире - способностей) производить орудия, различные вещи, реальное материальное и духовное общение. Для того, чтобы одно поколение людей могло передать другим поколениям такие свои реально проявляющиеся умения (способности), оно должно предварительно создать и соответствующим образом оформить их общественно значимые, всеобщие эталоны. Возникает необходимость в изучении особой сферы общественной жизни, которая создает и языковым способом оформляет эти эталоны - они могут быть названы идеальными формами орудий, вещей, реального

общения (т.е. формами вещей вне вещей). Эта сфера и есть сфера культуры. Присвоение новыми поколениями ее продуктов (эталонов умений как идеальных форм вещей) служит основой исторического наследования или реальных производственных и прочих умений и способностей» [85, с. 33]. В свете данных представлений культура предстает как «свернутая» и «упакованная» в культурных предметах и языке внутренняя структура человеческой деятельности. Смыслы, цели и орудия деятельности черпаются в процессе психического развития субъекта из культуры. Поэтому проблема субъекта должна рассматриваться как проблема психического развития человека в лоне культуры, проблема психологических механизмов и закономерностей вхождения человека в культуру и возвращения культуры во внутренний мир человека. Отлучение человека от культуры фатальным образом препятствует формированию в нем субъекта деятельности.

В этом контексте всплывает давний вопрос о соотношении понятий индивида, субъекта и личности. К решению этого вопроса приложились видные российские психологи - Б.Г.Ананьев, А.Н.Леонтьев, Б.Ф.Ломов и другие. Вопрос о соотношении индивида и личности снимается единогласным признанием дуа-

65

лизма биологических и социальных свойств человека. А вот вопрос о соотношении субъекта с индивидом и личностью далеко не так прозрачен и прост.

Философская категория активности шире конкретно-научного понятия «деятельность», сообразно чему субъект деятельности есть всегда частная ипостась субъекта активности. В предельно широком понимании активность - это всякое взаимодействие человека с миром. Но взаимодействие человека с миром никогда не сводится только к деятельности, хотя деятельность выступает главной формой этого взаимодействия. Активность как взаимодействие субъекта с миром существует до формирования деятельности и сохраняется после ее распада. Точно так же человек продолжает существование как субъект активности даже после деградации субъекта деятельности. Деятельность - это качественный уровень активности, который возникает в условиях человеческого способа бытия, а субъект деятельности - это качественное проявление субъекта активности, которое детерминировано специфически человеческими способами психической регуляции активности. Как пишет А.В.Брушлинский, «взаимодействие человека с миром никогда не сводится к деятельности, и - более того - это взаимодействие начинается до возникновения деятельности у любого конкретного индивида» [86, с. 233-234].

Субъектом может быть как индивид, так и личность. Однако, говоря об индивиде как о субъекте, следует вести речь о субъекте активности. В самом широком философском смысле субъект - это человек и как биологический индивид, и как социальный индивид, и как личность. Философское понимание субъекта основывается на дихотомии активного человека и пассивного объекта. Определяя же личность как субъекта в узком психологическом аспекте, надлежит ставить вопрос о субъекте деятельности. Кардинальное отличие между субъектом-индивидом и субъектом-личностью коренится в характере той активности, которую они осуществляют. Индивид осуществляет врожденную ему активность, которая берет исток в биологически унаследованных им потребностях и влечениях. Личность осуществляет деятельность как «укрошенную» при помощи культурно-исторических орудий и собственных «функциональных органов» активность. Активность личности как субъекта всегда осмысленна, осознана и «армирована» культурными орудиями. Определяя отличие личности от индивида, А.Н.Леонтьев пишет, что «личность, как и индивид, есть продукт интеграции процессов, осуществляю-

66

щих жизненные отношения субъекта. Существует, однако, фундаментальное отличие того особого образования, которое мы называем личностью. Оно определяется природой самих порождающих его отношений: это специфические для человека общественные отношения, в которые он вступает в своей предметной деятельности» [133, с. 178].

Субъект деятельности всегда является личностью, а личность всегда является субъектом

деятельности. Другое дело, что личность всегда едина, а субъект умножается пропорционально разветвлению различных видов деятельности. Получается, что субъект - это частное «амплуа» личности в сфере реализации вполне определенного и самостоятельного вида деятельности. Многоплановая и разноуровневая активность человека является объектом изучения многих научных дисциплин. В предмет психологии включается не всякий план и не каждый уровень активности человека, а именно деятельность в ее неразрывной связи с личностью. Активность биологического индивида и социального индивида интересует психологов лишь постольку, поскольку данные виды активности обеспечивают физиологию и социальную технологию деятельности личности. В этой связи А.В.Брушлинский отмечает, что психология «вынуждена более строго уточнять предмет своего исследования, выделяя специфически-психологический аспект субъекта, его деятельности и всех ее составляющих» [86, с. 134]. Представляется, что психологический анализ деятельности должен сосредоточиваться именно на личности, функционирующей в качестве субъекта деятельности.

Следующий теоретический момент, в котором необходимо отдавать отчет при исследовании субъекта, заключается в двойном соотношении деятельности и личности как субъекта деятельности. Как выяснилось, деятельность является универсальной формой взаимодействия личности со своим жизненным миром или, другими словами, деятельность - это инвариантная форма личностной активности человека. На личностном уровне организации активность человека трансформируется в собственно человеческую деятельность. Логично полагать, что личность является носителем деятельности. Нередко в психологической литературе личность именуется субъектом на том лишь основании, что она осуществляет «ношение» деятельности. Такое понимание субъекта является теоретически правильным, но ограниченным, поскольку субъектность предполагает не только репродукцию деятельности, но и ее генерацию, инициацию, пре-

67

образование. Если исходить из трактовки субъекта-носителя деятельности, то все процессы и эффекты созидания деятельности личностью остаются скрытыми от глаз исследователей.

На наш взгляд, соотношение личности и деятельности двойно: личность является «внутренним моментом» деятельности как универсальной формы человеческой практики (личность как носитель деятельности), а также субъектом-творцом деятельности - носителем особой формы активности, направленной на саму деятельность. Личность одновременно располагается и «внутри» деятельности, растворяясь в ее потоке, и «над» деятельностью, противопоставляясь ей. Традиционное ограничение в психологическом понимании субъекта в том, что личность замыкается «внутри» деятельности и не отпускается «с короткого поводка» отдельных действий и операций. На самом деле личность как субъект вздымается над деятельностью для осуществления контрольных, надзорных, корригирующих операций над ней. Развитие психологии субъекта требует освобождения личности из «плена» деятельности, рассмотрение ее не как заточенной в процессе и в пределах деятельности, а в процессе выхода за эти пределы для изменения и развития деятельности. Это требование связано с тем, что субъект по определению есть контрольно-надзорная инстанция психической регуляции, а для контроля и коррекции деятельности личность должна быть не погружена в деятельность, а дистанцироваться от нее и находиться над ней.

Таким образом, в психологических исследованиях субъекта рельефно обозначаются две основные категориальные трактовки. Первая трактовка гласит, что признаком субъектности является «ношение» и осуществление личностью разнообразных видов человеческой деятельности (субъект - носитель, исполнитель деятельности или просто деятель). Вторая трактовка настаивает на том, что субъект - это не просто репродуктор, беспристрастный исполнитель, но к тому же и властелин, хозяин, творец деятельности. Другими словами, это личность, обладающая субъективной способностью к произвольной

инициации, конструированию, совершенствованию и прекращению деятельности. В совокупности эти трактовки раскрывают диалектическое соотношение деятельности и личности, фигурирующей в роли субъекта. Однако только вторая трактовка помогает концептуально приблизиться к психологической реальности субъекта и пересмотреть психологическое понимание деятельности применительно к нему.

Иногда теоретическое понимание деятельности «скатывается» к определениям социальной технологии, в рамках которой

68

осуществляется деятельность. Деятельность при этом интерпретируется как закрытая система, то есть активность, сформированная по социальным схемам, схематизированная культурными нормами и образцами. Такое понимание деятельности является в корне антисубъектным, поскольку деятельность как закрытая система не нуждается в субъекте - источнике ее дополнения, обогащения, переопределения. Иначе говоря, субъект низводится к «технологическому приращению» деятельности, а деятельность в свою очередь обезличивается. Безликий характер деятельности означает, что деятельность не зависит от субъектно-личностных особенностей человека, который ее исполняет. С.В.Швырев подчеркивает, что «подход к деятельности только как к целесообразному изменению налично данного представляет, по существу, ограничение деятельности аспектом применения выработанных в ходе развития деятельности норм, целей, программ и т.д.» [86, с. 17]. Абсолютизация этого аспекта деятельности приводит к игнорированию функций субъекта в деятельности: во-первых, отстраняет субъекта от создания программ деятельности, во-вторых, отнимает у субъекта возможность пересмотра, совершенствования или отказа от них.

С точки зрения психологии субъекта, деятельность - это такой тип отношения человека к действительности, который предусматривает возможность своего достраивания, модификации, модернизации. Истолкование деятельности как открытой системы прокладывает «лазейку» для теоретических исследований субъекта, который создает деятельность, эксплуатируя принципиальную открытость, пластичность, уподобляемость деятельности разнообразным жизненным отношениям. Общественная регуляция деятельности не отменяет необходимость ее личностной регламентации. Общество предъявляет личности общественно одобренные (нормированные, типизированные) формы деятельности, а личность адаптирует, модифицирует эти формы, прикладывая деятельность к собственным жизненным отношениям. Или, как отмечает В.С.Швырев, «деятельность - эта такая форма активности, которая способна по самой своей природе к неограниченному каким-либо извне заданными рамками пересмотру и совершенствованию лежащих в ее основании программ, к неограниченному, так сказать, «перепрограммированию» [86, с. 13]. В этом смысле деятельность - это открытая система, которая подлежит созданию и развитию усилиями субъекта. В таком понимании не деятельность завладевает человеком и навязывает ему свою логику реализации жизненных отношений, а человек доминирует над деятельностью и реконструирует ее по мерке собственных жизненных от-

69

ношений, которые он устанавливает как личность. Оптимальное сочетание общественной и личностной регуляции деятельности зависит от того, насколько личность становится субъектом деятельности. «Становление личности субъектом деятельности происходит не только в процессе овладения ею общественно-историческими формами деятельности, не только в ее осуществлении на общественно необходимом нормативном уровне, но и в организации деятельности и своей активности» [8, с. 154].

Таким образом, личность как субъект деятельности - это носитель специфической активности, направленной на развитие и оптимизацию деятельности с тем, чтобы она максимально способствовала реализации жизненных отношений личности. Очевидно, что говорить о субъекте как носителе самой деятельности не совсем правильно:

субъект не только выполняет эту деятельность, он является носителем особой разновидности активности по ее конструированию и развитию. Психология субъекта должна концентрироваться именно на этом уровне личностной активности. Наиболее адекватными терминами, отражающими сущность данного уровня активности личности, являются «активность личности» (К.А.Абульханова-Славская), «осознанная произвольная саморегуляция» (О.В.Конопкин), «субъектная активность» (А.К.Осницкий), «внутренняя активность» (В.Э.Чудновский), «самодеятельность» (В.И.Слободчиков, С.Л.Рубинштейн), «метадеятельность» или «активность» (В.А.Петровский), «самодетерминация» или «свобода личности» (Д.А.Леонтьев). Во всех указанных случаях речь идет об особой активности, благодаря которой личность осуществляет инициацию, развитие и изменение собственной деятельности.

Теоретический анализ обнаруживает поразительное единство исследователей по вопросу о психологической сущности данного вида личностной активности. Так, самодетерминация определяется Д.А.Леонтьевым как возможность инициации, изменения или прекращения личностью своей деятельности в любой точке ее протекания, а также отказа от нее [143, с. 22]. В свою очередь О.А.Конопкин предлагает следующую дефиницию: саморегуляция - это системно-организованный процесс внутренней психической активности человека по инициации, построению, поддержанию и управлению разными видами и формами произвольной активности, непосредственно реализующей достижение принятых целей [119, с. 6]. К предложенным трактовкам присоединяется В.А.Петровский, который дает активности следующее опреде-

70

ление: «Активность есть совокупность обусловленных индивидом моментов движения, обеспечивающих становление, развитие и видоизменение деятельности» [178, с. 56]. Сущность личностной активности К.А.Абульханова-Славская усматривает в процессах самоорганизации и саморазвития деятельности, непосредственно осуществляющей отношения личности к окружающему миру [8]. Наконец, субъектная активность концептуализирована в работах А.К.Осницкого как активность, развиваемая, организуемая и контролируемая самой личностью как субъектом деятельности. Указывается также предмет субъектной активности, а именно человеческая деятельность (учение, труд), общение, познание [169; 170].

Несмотря на терминологическую пестроту, за всеми затронутыми понятиями лежит единая психическая реальность. На наш взгляд, из предложенных понятий наиболее подходящим является понятие субъектной активности, так как в нем акцентируется соотношение деятельности и активности личности как субъекта деятельности. Кроме того, понятие субъектной активности центрирует вокруг себя все остальные из рассмотренных понятий.

Так, метадеятельность и самодеятельность субъекта можно интерпретировать как качественный уровень организации субъектной активности, когда она обеспечивается собственным функциональным мотивом, определяется целями и задачами, оснащается орудиями воздействия субъекта на свою деятельность. Исходя из того, что наличие самостоятельной потребности или мотива служит психологическим критерием отдельности деятельности [133], можно утверждать, что субъектная активность переходит в субъектную деятельность (самодеятельность или метадеятельность) при условии формирования у личности особого класса функциональных потребностей и мотивов. Что касается понятий самодетерминации и саморегуляции, то они описывают процессуально-функциональную развертку и характеризуют в большей мере психологические механизмы реализации субъектной активности. Саморегуляция - это механизм субъектной активности, обеспеченный определенными психическими процессами, функциями, состояниями. Понятие свободы вообще обращается к антрополого-философским воззрениям на человека и поэтому не может быть признано сугубо психологическим. Можно согласиться с Д.А.Леонтьевым, что в психологии «понятие свободы описывает феноменологически

переживаемый контроль над своим поведением, используется для глобальной антропологической

71

характеристики человека и его поведения. Понятие самодетерминации используется как объяснительное на собственно психологическом уровне рассмотрения механизмов свободы» [143, с. 17]. Кроме того, понятие свободы может применяться для дифференциального или сравнительного описания объективно измеренных или внешне выраженных способностей личности к самодетерминации; для констатации и конкретизации индивидуального уровня субъектности. По-видимому, чем выше развита субъектная активность личности, тем шире объем личностной свободы в контексте разнообразных видов деятельности. Понятие личностной свободы перекликается с широко используемым понятием «субъектность» [169]. Свобода, будучи атрибутом личности, рассматривается здесь как эквивалент ее субъектности. Это понятие детализирует психологический аспект свободы личности как субъекта собственной деятельности и жизнедеятельности. Некоторые исследователи атрибутируют деятельности наряду с предметностью такое свойство, как субъектность, не случайно, а закономерно, подчеркивая зависимость деятельности от личности и относительную эмансипацию, автономию личности от деятельности. Субъектность, таким образом, суть проявление свободы личности как субъекта в сфере деятельности и поведения.

Конкретизируем концептуальное понимание субъектной активности. В первую очередь необходимо продемонстрировать несовпадение субъектной активности и деятельности, к которой она прилагается. Соотношение деятельности личности и активности личности как субъекта деятельности - проблема очень деликатная. Повторим положение о том, что активность на личностном уровне организации облекается в форму осмысленной, осознанной и культуросообразной деятельности. Но, как показывают некоторые психологические исследования, деятельность не исчерпывает все возможные формы активности личности. Так, например, в цикле исследований В.А.Петровского выявлен целый ряд закономерностей и феноменов личностной активности, не вписывающихся в традиционное понимание деятельности. Наиболее яркий из этих феноменов - явление надситуативной активности, взламывающей прагматические границы деятельности [178]. Различия деятельности и субъектной активности коренятся в следующем. При помощи деятельности личность воздействует на собственный жизненный мир, а посредством субъектной активности воздействует на свою деятельность. В этой связи пред-

72

метом деятельности является объект или явление действительности, взятые в единстве со своим жизненным смыслом, а предметом субъектной активности - собственно деятельность личности. Необходимо отметить, что деятельность и субъектная активность в равной мере зависят от смыслового содержания тех жизненных отношений личности, реализации которых они служат. Жизненный смысл, кристаллизованный в этих жизненных отношениях, выступает в качестве объективной мерки для сообразования деятельности, а через деятельность - для сообразования активности субъекта.

Активность личности как субъекта деятельности устремлена на настройку и оптимизацию деятельности - ее внешней и внутренней стороны, а также на согласование внешних элементов деятельности с ее внутренними моментами. В более широком понимании эта активность направлена на развитие и совершенствование видов деятельности, которыми обладает личность. Мера этой активности отражает качество личности как субъекта деятельности, демонстрирует типичный способ, с помощью которого личность «хозяйствует» своей деятельностью. Единичными формами проявления особой активности личности как субъекта деятельности являются субъектные действия. Именно посредством этих действий личность «выправляет» дефекты и «неровности» собственной деятельности, а также изменяет свои собственные свойства в сторону наибольшего соответствия смысловой необходимости. В общем плане активность личности как

субъекта деятельности - это разновидность активности, нацеленная на развитие и оптимизацию деятельности.

Структура активности, в отличие от структуры деятельности, практически не исследована в современной психологии. Элементарной структурно-функциональной единицей деятельности является предметное действие; активность субъекта структурирована на субъектные действия. Аналогичным образом движущие силы субъектной активности по сравнению с движущими силами деятельности не были подвергнуты систематическому анализу в психологии. Принципиальное отличие субъектной активности от деятельности заключается в том, что деятельность побуждается и направляется потребностью личности в предмете, а субъектная активность исходит из потребности личности в деятельности. Деятельность прямым образом ориентирована на достижение прагматического результата, а субъектная активность - на обеспечение средствами психического отражения и регуляции самого процесса его получения.

73

По времени субъектная активность может предварять деятельность. Это связано с целевой функцией субъектной активности - подготовкой внешних и внутренних условий для беспрепятственного и бесперебойного протекания деятельности. Это достигается благодаря процессам антиципации, моделирования условий деятельности, преднастройки, программирования и аккомодации действий под изменчивые условия ситуации. Субъектная активность становится наиболее выраженной в моменты инициации, запуска, остановки и возобновления деятельности, а также в моменты «поломки» деятельности. «Но активность не только «предшествует» деятельности, но и «сопровождает» ее в течение всего процесса осуществления. Нельзя представить оптимальную деятельность, лишенную активности, происходящую по инерции, по жесткому плану, активность «строит» варианты по ходу деятельности» [8, с. 78]. Кроме того, субъектная активность может «подытожить» деятельность: ликвидировать всплывшие по ходу осуществления деятельности неполадки в ее структуре, нормализовать деятельность для практического приложения в будущем.

Субъектная активность личности весьма многопланова и многогранна. На первый взгляд в ней можно условно выделить три достаточно обособленных направления.

1. Субъектная активность, направленная на внешние составляющие деятельности, на отдельные действия и операции, входящие в ее состав. Эта активность внешне оформляется как тренировка, репетиция, шлифовка, отработка навыков, самообучение, повышение умелости и компетентности. Некоторые исследователи для обозначения этого направления субъектной активности привлекают не вполне удачный термин «саморегуляция деятельности» [170, с. 24].

2. Субъектная активность, направленная на личность как внутренний момент деятельности, на ее инструментально-экспрессивные и содержательно-смысловые свойства. Каждая личность, будучи субъектом, определенным образом приравнивает свои личностные качества для оптимальной реализации собственных жизненных отношений. Для этого требуется не просто приспособление субъектом своих личностных качеств к деятельности, а реорганизация старых качеств и обзаведение новыми качествами. Как правильно отмечает К.А.Абульханова-Славская, «субъект типичным и удобным для себя образом актуализирует, преобразует, направляет систему тех качеств, которыми он обладает как личность» [8, с. 156]. Это направление субъектной активности

74

часто принимает форму внутренней работы личности по самовоспитанию и самосовершенствованию и поэтому определяется некоторыми психологами как «саморегуляция личности». «Личностная саморегуляция и саморегуляция деятельности взаимодополняют друг друга. И в той, и в другой имеют место регуляция действий и регуляция отношений, но в саморегуляции деятельности преобладает регуляция действий, а в саморегуляции личности - регуляция отношений» [170, с. 26].

3. Субъектная активность, направленная на внешнее окружение, в котором разворачивается деятельность. Эта активность имеет целью подготовку внешних условий, не входящих собственно в психологическую структуру деятельности и личности, но могущих значительно влиять на успешность реализации смысловой необходимости личности.

Все указанные условия - внешние условия, структурные фрагменты деятельности, инструментальные свойства личности - интегрируются в целостный комплекс деятельности, условием формирования и реализации которого выступает субъектная активность. «Этот комплекс формируется человеком как динамическая целостная система деятельности, способная изменяться, а не как раз и навсегда заданная» [8, с. 151]. Качество осуществления деятельности является результатом совершенствования всей системы ее психической организации, то есть отражает системный характер субъектной активности.

Интенсивность субъектной активности определяется оптимальностью деятельности. При этом индикатором оптимальности деятельности является ее продуктивность. Продуктивность не следует понимать как способность деятельности продуцировать в неограниченных пределах свой конечный продукт или как тенденцию к валовому «выпуску» этого продукта. Продуктивность в психологическом аспекте означает, что продукт деятельности удовлетворяет по своему жизненному смыслу смысловую необходимость личности, то есть соответствует искомому потребному состоянию личности. Непродуктивная деятельность интенсифицирует и умножает субъектную активность, продуктивная деятельность - сберегает, экономит субъектную активность личности.

Таким образом, **субъектная активность - это активность личности как субъекта деятельности, направленная на инициацию, построение, поддержание, развитие, управление деятельностью и на оперативный контроль над ней, побуждаемая функциональной потребностью в деятельности.**

75

Связь деятельности и субъектной активности образует их единство, но не тождество, потому что какой будет субъектная активность, такой выйдет и деятельность.

Исконный предмет психологии субъекта - это психические феномены, механизмы и закономерности самодетерминации личности, реализующие ее субъектную активность, которая направлена на инициацию, развитие, изменение и прекращение деятельности. Этот предмет является гранью предмета общей психологии личности, которая занимается исследованием психических закономерностей формирования и функционирования личности в процессе различных видов человеческой деятельности [31; 46; 133]. Высшим проявлением личности, надстраиваемым над деятельностью как универсальной формой личностного развития и бытия, является субъектная активность. В процессе субъектной активности личность развивается и бытует в качестве субъекта деятельности. На этом основании психология субъекта - это «вершинная» психология личности, высвечивающая личность в высших проявлениях ее активности.

Резюмируя изложенное выше, подчеркнем, что личность как субъект соотносится со своей деятельностью двояким образом. В одном случае она выступает в роли исполнителя деятельности - специфически человеческого способа взаимодействия с миром, отмеченного признаками осмысленности, осознанности, целеустремленности и орудийности. В этой роли личность не является подлинным субъектом деятельности даже при том условии, что она осуществляет ее психическую регуляцию. Деятельность, практикуемая личностью, может быть подсказана или навязана ей извне, а личность может быть транслятором чужой воли, реализатором чужого замысла деятельности, орудием или игрушкой в чьих-то руках. В другом случае личность развивает особый вид активности, предметом которой является осуществляемая деятельность. В этой ситуации личность выступает не только как деятель, но также как создатель деятельности, который

проектирует, конструирует, корригирует - в общем, самостоятельно детерминирует протекание собственной деятельности. Субъект деятельности, таким образом, суть личность, но не как носитель деятельности, а как носитель субъектной активности, направленной на самодетерминацию деятельности. Далее надлежит проанализировать психологические условия и предпосылки формирования и функционирования личности в качестве субъекта, разобраться в закономерностях организации и поддержания субъектной активности.

76

1.4. Проблема психической регуляции деятельности

Проблема психической регуляции деятельности является ключевой при реализации субъектного подхода в психологических исследованиях. В качестве общей парадигмальной установки при изучении психической регуляции деятельности акцептирован системно-информационный подход. С точки зрения информационного подхода, проникшего в психологию из кибернетики, человек как субъект деятельности самостоятельно полагает цели, программирует шаги их достижения, планирует промежуточные и конечные результаты, корректирует ошибочные действия и принимает решения. Информационно-кибернетический подход успешно ассимилирован многими теоретическими моделями психической регуляции и саморегуляции [120; 154; 204].

Среди них наиболее видное место принадлежит концептуальной модели осознанной психической саморегуляции, разработанной с позиций структурно-функционального подхода [119; 120; 122; 160; 161; 170]. Саморегуляция трактуется как системно организованный психический процесс по инициации, построению, поддержанию и управлению всеми видами и формами внешней и внутренней активности, которые направлены на достижение принимаемых субъектом целей [119; 120; 121; 161]. Саморегуляция рассматривается как один из самых общих и существенных признаков, характеризующих личность как субъекта деятельности. Регуляторика раскрывается как процесс сугубо внутренней активности субъекта, в котором задействованы психологические средства, осуществляющие частные регуляторные функции и процессы переработки информации - целеполагание, моделирование, программирование, планирование, принятие решений, коррекцию. В таком качестве регуляторные процессы и их структурные компоненты не совпадают с составляющими психологической структуры деятельности.

Структурно-функциональный подход претендует на выработку концептуальной абстрактно-логической модели саморегуляции. Такая модель позволяет универсализировать функциональные блоки и информационные звенья, реализующие регуляторные процессы. «Модель описывает в первую очередь информационный аспект процессов саморегуляции, абстрагируясь от специфики конкретных психических процессов и явлений, в которых отражена и зафиксирована информация и в которых она презентирована в

77

сознании, т.е. от той специфики, которая маскирует общие закономерности регуляции» [161, с. 37].

Содержательное описание этой модели публиковалось ранее, поэтому в рамках настоящего исследования целесообразно ограничиться перечислением основных функциональных звеньев регуляции деятельности. Это - цель деятельности, модель значимых условий, программа исполнительских действий, критерии успешности, оценка результатов и коррекция системы саморегуляции. Каждое из звеньев реализуется соответствующим информационным процессом: целеполаганием, моделированием, планированием, программированием, оцениванием и корректированием. Предполагается, что конкретный состав психических функций, структур и процессов, обеспечивающих эти звенья, для каждой деятельности индивидуален и в принципе не поддается типизации. Дисфункция или структурный дефект любого регуляторного звена выводит из равновесия всю систему осознанного регулирования и уменьшает эффективность деятельности.

Предложенная структурно-функциональная модель в наибольшей мере пригодна для исследований саморегуляции деятельности, поскольку деятельность - это универсальная форма произвольной человеческой активности. «Произвольная деятельность человека - это высший и наиболее сложный уровень организации активности человека, характеризующийся возможностью ее развернутого осознанного регулирования» [120, с. 227].

В целом с обобщенной моделью структуры осознанной психической саморегуляции можно согласиться. Она упорядочивает и систематизирует представления о роли и функциях различных психических феноменов в целостной системе психического регулирования. Эвристический потенциал модели раскрывается тогда, когда путем подстановки изолированно изучаемых психических структур и процессов на место релевантного звена саморегуляции устанавливаются системные отражательные и регуляторные функции этих структур и процессов.

Вместе с тем концептуальная модель осознанной саморегуляции наряду с многочисленными достоинствами включает в себе ряд серьезных недостатков. Наиболее весомой недоработкой данной модели является кибернетический редуционизм, который носит выраженную антисубъектную направленность. По признанию О.А.Конопкина, «процесс осознанного регулирования деятельности, конечно, не представляет собой феномена, принципиально отличного от процессов регуляции, осуществляемый в

78

разного рода биологических и даже технических системах, и допускает определенные сопоставления с ними» [120, с. 237]. Несмотря на активные попытки авторов модели выявить и заострить особенности психической саморегуляции в человеческой психике, им не удалось избежать сведения этого процесса к процессам циркуляции и обмена информации в пределах сознания. Наделение отдельных информационных структур и блоков сознания полноценными функциями саморегуляции свидетельствует об откате методологии на позиции «постулата непосредственности». В результате, по красноречивому выражению В.Т.Кудрявцева, наблюдается «демонизация» или «гомункулизация» психики, что противоречит требованиям субъектного подхода [128, с. 124]. К.А.Абульханова-Славская правомерно подчеркивает, что «требования деятельности, ее характеристики и условия -временные, пространственные, технические и т.д. - не по отдельности соотносятся с теми или иными психическими качествами личности (как это долго пытались делать в инженерной психологии), а опосредованно, через личность, которая и придает им целостность» [8, с. 150].

На наш взгляд, структурно-функциональная модель осознанной психической саморегуляции базируется на одностороннем представлении о специфике регуляторных процессов в человеческой психике. В модели были учтены общие принципы регулирования в биологических, социальных и технических системах - целевая направленность и информационная герметичность контура регуляции, наличие обратных связей и т.п., но опущены некоторые существенные признаки детерминации активности в условиях человеческой психики. Способ человеческого бытия и сугубо человеческие виды произвольной активности детерминируются не только через сознание, но и через личность, о чем писали видные методологи психологической науки - Л.С.Выготский, С.Л.Рубинштейн, Б.Г.Ананьев, А.Н.Леонтьев, Б.Ф.Ломов и другие. В этой связи одного лишь указания на осознанность психической саморегуляции человека явно недостаточно; концептуальную модель необходимо дополнить теоретическими представлениями о том, каким образом в процесс саморегуляции вовлечена личность. Даже многочисленные оговорки об отражательных возможностях человеческого сознания (опосредованность коллективным опытом, речемыслительными процессами и др.) и специфике его компонентного состава не способны компенсировать неполноту концептуальных представлений о роли личности в системе само-

79

регуляции. Сознание - это всего лишь отражательная способность действующей в качестве субъекта личности. Личность как системообразующий функциональный блок из контура регуляции изымать нельзя, поскольку без субъекта распадается весь контур. Недочет личностных регуляторных функций в структурно-функциональной модели не может быть ликвидирован путем исследования индивидуального стиля саморегуляции, то есть влияния характерных индивидуально-личностных особенностей на отдельные функциональные звенья саморегуляции [122; 160; 161]. Он также не может быть восполнен исследованием регуляторного статуса и системной локализации отдельных личностных структур в системе осознанной саморегуляции [158]. Устранить этот недочет возможно, раскрыв принадлежность регуляторики сознания субъекту и показав ее связь с субъектной активностью личности.

Специфика психической регуляции в условиях человеческой психики не исчерпывается лишь преломлением регуляторных процессов через сознание, но также предполагает отнесенность этих процессов к интегральной основе психической регуляции - личности. Без личности описанную модель нельзя считать системой саморегуляции вообще, поскольку само по себе сознание как открытая информационная система не обладает способностью к самоорганизации и самодетерминации. Нужен особый аппарат, упорядочивающий и организующий содержание сознания, селекционирующий и фильтрующий информационные потоки - в общем управляющий всеми информационными ресурсами сознания. Именно личность является инстанцией, которая распоряжается регуляторными, функциональными возможностями сознания, конструируя из них контур осознанной саморегуляции. Как пишет П.Я.Гальперин, «личность невозможна без сознания, но не сводится к нему - сознание не равно личности. Действует не сознание, а личность, которая регулирует свои действия на основе сознания, составляющего ориентировочную часть ее действий. Чтобы быть личностью, нужно быть субъектом, сознательным, общественно-ответственным субъектом. Общественное сознание, будучи усвоено, составляет важнейшую, ведущую структуру в системе управления человеком своим поведением» [74, с. 143]. Необходимо подчеркнуть, что единственно личность, а не сознание, фигурирует в качестве субъекта. Поэтому даже в терминологическом плане правильнее говорить не просто о «осознанной саморегуляции», а о личностной саморегуляции, реализуемой посред-

80

ством сознания или попросту о личностной осознанной саморегуляции.

С учетом сказанного выше представляется, что главной задачей на пути дальнейшего развития психологии субъекта является исследование места и роли личностно-смысловой регуляции в системе осознанного саморегулирования. Решение этой задачи равносильно возвращению личности изначальных и неотчуждаемых функций субъекта всех форм психической регуляции. Если же по-прежнему выносить за рамки внимания функции личностно-смысловой регуляции, то концептуальная модель психической саморегуляции сохранится в своем урезанном, несубъектном виде. В таком виде модель вызывает нарекания со стороны исследователей, изучающих психическую регуляцию более сложных и интенсивно окрашенных личностью видов деятельности, нежели сенсомоторная деятельность, пулевая стрельба и т.д. Возможно, тот факт, что структурно-функциональная модель осознанной саморегуляции явилась обобщением результатов психологических исследований простейших, личностно-нейтральных видов деятельности, и обусловил выпадение мотивационно-смыслового звена. Так, например, И.А.Кудрявцев и Н.А.Ратинова, используя указанную модель в исследованиях психической регуляции криминального поведения, обнаружили неполноту в концептуальном освещении смысловой и мотивационной саморегуляции. «Несомненным достоинством предложенной модели являются четкость и разработанность критериев, их функциональная комплиментарность. В то же время из поля рассмотрения автора исключен высший уровень детерминации и регуляции поведения - мотивационный» [130, с. 39]. Это

замечание приобретает еще более глубокий смысл, если учесть, что с точки зрения общей теории систем мотивация и потребности системы являются ключевыми факторами самоорганизации [39; 219]. Оно также согласуется с представлениями о ведущей роли мотивации в деятельности самоуправляющихся биологических систем, наделенных аппаратом психической регуляции поведения [19]. Н.А.Бернштейн констатирует, что для объяснения самопричинности и саморегуляции «в применении к биологическим объектам к вопросам «как?» и «почему?», исчерпывающе достаточным в физике или химии, необходимо добавить еще третий, равноправный с ними вопрос «ради чего?» [38, с. 67]. Про-изводность цели от личностного звена мотивации в целостной структуре психической саморегуляции вскрыл В.Э.Чудновский на материале нравственной саморегуляции личности [232].

81

Можно предполагать, что смысловая регуляция составляет «функциональное ядро» всей системы осознанной саморегуляции, которое определяет, модулирует, стабилизирует и интегрирует все ее функциональные звенья и компоненты. Смысловая регуляция непосредственно реализует «волю» личности и в этом назначении является специфическим «орудием» субъекта при построении, координации, наладке контура психической регуляции. Это закономерно в силу того, что от эффективного построения и организации системы психической саморегуляции деятельности, зависит успешность воплощения жизненных отношений личности. Смысловые процессы выступают здесь как «сквозные психические процессы» (Л.М.Веккер), которые соединяют разрозненные психические функции в единую систему осознанной саморегуляции. Не случайно, например, А.Н.Леонтьев понимал личность с ее функциями смысловой регуляции как центр всей душевной жизни, как интегративную основу психической регуляции активности человека. Концептуальное положение его теории «заключается в признании за личностью роли высшей интегрирующей инстанции, управляющей психическими процессами» [133, с. 160]. Вообще с позиций смыслового подхода личность в системе психической регуляции выполняет системообразующую функцию -функцию «сшивания швов» между отдельными психическими процессами, а также между отдельными деятельностями [133, с. 179]. В этой связи правомерны попытки исследователей представить человеческую психику в «пансмысловой» перспективе, то есть как пронизанную смысловыми структурами и процессами [10; 163]. Соотношение смысловой регуляции, идущей от личности, и системы осознанного произвольного саморегулирования таково: смысловая регуляция обуславливает функциональную целостность, стабильность, слаженность всех звеньев и компонентов системы осознанной саморегуляции. В этом конкретно проявляется включенность в процесс саморегуляции личности, заинтересованной в максимизации возможностей деятельности и минимизации ее дефектов.

Любое теоретическое и эмпирическое исследование системы психической саморегуляции необходимо начинать с подсистемы смысловой регуляции. По мере прохождения отдельных функциональных звеньев через фокус внимания исследователей вопрос о функциях смысловой регуляции будет неотрывно преследовать их. Это вызвано тем, что практически в каждом из выделенных звеньев системы осознанной саморегуляции присут-

82

ствуют элементы смысловой регуляции. Другими словами, на каждом этапе осознанной саморегуляции неизбежно участвует личность; выключение личности на определенном этапе снижает эффективность саморегуляции или вовсе прекращает, прерывает процесс саморегуляции за его ненужностью.

Так, считается, что важнейшим, центральным, системообразующим звеном процесса осознанного регулирования является принятая субъектом цель деятельности [119; 120]. Действительно, регуляция деятельности через сознание не может осуществляться без

актуального осознания ее целей. Но возникает ряд вопросов, на которые невозможно ответить без апелляции к функциям личностно-смысловой регуляции деятельности. В частности, это вопросы о том, чем обусловлена побудительная сила и личностная привлекательность цели, кто и по каким критериям отбирает конкретную цель из зоны потенциальной цели, в связи с чем все люди одинаково поставленные цели понимают по-разному, то есть вкладывают в них индивидуальный смысл, а также вопрос о том, при помощи каких процессов цель разветвляется на «дерево» задач. Между тем исследования показывают, что мыслительная разработка целей и задач как звеньев осознанной регуляции деятельности, является формированием, развитием и взаимодействием смысловых образований различного ранга [212; 214; 215]. Согласно современным воззрениям на смысловую регуляцию, образование цели и задач - это опредмечивание динамических смысловых систем личности в наличных или прогнозируемых условиях развития деятельности [144, с. 237]. Процесс превращения динамических смысловых систем личности в актуально осознаваемые цели и дробление целей на задачи адекватно схватывается понятиями «ситуативное развитие мотивации» или «ситуативная динамика смыслов» [32; 69; 144; 172]. Исходной структурой, активирующей всю систему осознанной саморегуляции, является динамическая смысловая система личности, которая функционирует в роли собственного «мотива» реализуемой деятельности. Не только релевантная деятельность, но также система осознанной саморегуляции поставлена «на службу» динамической смысловой системе личности.

Функционирование блока программирования исполнительских действий также до конца не понять без специального анализа функций смысловой регуляции. Смысловая регуляция требуется при построении модели значимых условий, ведь именно по смысловым критериям весь комплекс ориентировочной информа-

83

ции ранжируется на кластеры значимых и незначимых условий. Только при посредстве смысловых процессов и структур «субъективная модель значимых условий выполняет и функцию абстрагирования от значительного круга незначимых или второстепенных условий, максимально сокращая число степеней свободы при выборе субъектом программы действий, т.е. облегчая такой выбор» [120, с. 209]. Маркировка в субъектном образе ситуации значимых и незначимых условий также традиционно относится к функциям смысловой регуляции [70, 133]. Моделирование картины значимых условий ситуации определяется проекцией динамической смысловой системы на субъективный образ мира, существующий в сознании личности. В процессе осмысления ситуационных условий деятельности на базе смысловых структур личности (ДСС - Л) складываются динамические смысловые системы сознания (ДСС - С) [144, с. 238]. Смысловые системы сознания являются наиболее динамичными и пластичными среди всех смысловых систем, что помогает субъекту оперативно уточнять модель значимых условий, вести осознанный и осмысленный контроль за текучими условиями ситуации. Кроме того, процессы смыслообразования, протекающие на уровне сознания в единстве с познавательными процессами, позволяют предвосхищать и упреждать значимые условия деятельности во временной перспективе. В свою очередь динамические смысловые системы сознания, оформленные в виде субъективной модели значимых условий, определяют программирование исполнительских действий. Отражение этих условий помогает субъекту сформировать программу, определить оптимальный (с его точки зрения) способ достижения цели. О.А.Конопкин прямо указывает, что личностный смысл условий детерминирует принятие и фиксацию определенной программы деятельности [120, с. 208, 216]. Скомпонованная субъектом программа действий с позиций смыслового подхода представляется не чем иным как динамической смысловой системой деятельности (ДСС - Д), составленной из операциональных смыслов отдельных действий. Эта смысловая система регламентирует структурный порядок, последовательность и личностную значимость практических внешних или внутренних действий в структуре выполняемой

деятельности. Динамические смысловые структуры деятельности «складываются внутри актуально разворачивающейся деятельности и регулируют ее протекание в соответствии с высшими смыслообразующими инстанциями, представленными в ДСС - Л» [144, с. 238].

84

Можно сказать, что ДСС-Д выступает как регуляторное продолжение ДСС - Л, равно как программа действий служит функциональным «преемником» цели.

Функции смысловой регуляции, пожалуй, с наибольшей силой выпячиваются при оценке результатов, достигнутых в процессе реализации программы исполнительских действий. Отбросив представление о смысловой регуляции, невозможно установить происхождение и регуляторную силу критериев успеха-неуспеха деятельности, а также реконструировать сам процесс оценивания результатов. Критерии успеха имеют смысловую природу, сохраняя интимную связь со смысловыми структурами личности. «Практически любая произвольная деятельность регулируется с использованием не одного критерия, а более или менее сложной их системы, построенной по принципу иерархии и соподчиненности, которые соответствуют относительной значимости для субъекта отдельных элементов и параметров деятельности» [120, с. 223]. В основе механизма оценки лежат процессы сличения достигнутого (фактические результаты деятельности) с должным (субъективные критерии успеха) на предмет их согласования или рассогласования. В кибернетических системах оценка результатов производится путем наложения двух информационных моделей, после чего в работу вступает механизм обратной связи. Следует признать правоту Ф.В.Бассина, который отмечает, что в системах, наделенных психическим отражением, оценка результатов функционирования не ограничивается сопоставлением информационных моделей. Определяющее значение здесь имеет мотивация, которая и является стержневым критерием успешности или безуспешности деятельности. «Эффекторное управление реакцией... определяются афферентными импульсами, сигнализирующими об удовлетворении или, напротив, о неудовлетворении потребности организма» [36, с. 242]. В свете данного положения роль смысловой регуляции в блоке оценки результатов деятельности становится аксиоматически очевидной. Неэквивалентность механизма оценки результатов в кибернетических системах и в человеческой психике наглядно проступает тогда, когда, несмотря на информационный диссонанс моделей должного и наличного, личность довольствуется полученными результатами и заканчивает деятельность. В конечном итоге для личности индикатором успеха деятельности является не консонанс информационных моделей, а личностный смысл результатов деятельности. И это естественно потому, что «приемщиком» результатов деятельнос-

85

ти является не информационная модель (эталон успешной деятельности), а личность, которая управляет этой моделью в своем сознании.

Информация о результате деятельности в контексте исходно поставленной цели получает некоторый личностный смысл, который стимулирует или дестимулирует дальнейшее выполнение деятельности и функционирование всей системы ее осознанного регулирования. На личностном смысле результата деятельности основывается работа блока коррекции системы саморегуляции. Корректированию подлежит любое звено системы саморегуляции - цель, модель значимых условий, программа исполнительских действий - в зависимости от функционального смысла, который это звено приобретает по отношению к практической реализации смысловых структур личности. Корректируется всегда то звено, которое при отправлении своих регуляторных функций отклоняет деятельность от главного смыслового вектора. Принципиально важно, что именно способность личности к осмыслению всего контура саморегуляции, явленного в сознании, лежит в основе решений о его перепроверке, реструктурировании и коррекции. В свою очередь коррекция системы саморегуляции пролонгируется коррекцией собственно исполнительских действий, нацеленных на достижение искомого личностно-значимого

результата.

Таким образом, функции смысловой регуляции в структуре системы осознанного регулирования адекватно объясняются при помощи изучения взаимопереходов динамических смысловых систем личности, сознания и деятельности.

Термин «динамическая смысловая система» в этом контексте обозначает тот факт, что «развитие смысла конечной цели, промежуточной цели и подцелей, зарождение замыслов, а также формирование смыслов элементов и смысла ситуации в целом непрерывно осуществляются в единстве и взаимодействии познавательного и эмоционального аспектов» [63, с. 163]. Этому положению вторит ОА.Конопкин: «Процесс саморегуляции как система функциональных звеньев обеспечивает создание и динамическое существование в сознании субъекта целостной модели его деятельности, предвосхищающей (как до начала действий, так и в ходе их реализации) его исполнительскую активность» [119, с. 10]. Базисом этой «целостной системы» является динамическая смысловая система, соответствующая выполняемой деятельности. Все познавательные информационные процессы, происходящие в системе осознанной

86

саморегуляции, пронизаны «сквозными» смысловыми процессами. Поэтому исследование смысловой регуляции в рамках системы осознанной саморегуляции - это не есть исследование места и роли частных психических функций в структуре сознания; это исследование личностной обусловленности всей системы психического регулирования деятельности; это исследование тех необходимых и достаточных оснований, без которых система саморегуляции никогда бы не сложилась, не актуализировалась и не была бы востребована.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо подчеркнуть, что объяснение закономерностей осознанной регуляции деятельности без учета личностных функций вообще является ущербным. Главные вопросы, не находящие ответа при таком подходе, звучат следующим образом: Кто санкционирует, включает и выключает систему осознанной регуляции деятельности, если это делает не личность? Кто принимает решение о необходимости внесения поправок в эту систему и корректирует, доводит ее до функционального оптимума? Кому, наконец, принадлежит прерогатива использования или неиспользования регуляторных ресурсов сознания по отношению к актуально осуществляемой деятельности? Очевидно, что без принятия во внимание личностной регуляции вся система сознательного регулирования оказывается небезупречной. Если из описанной модели вычесть личность, то окажется, что сознание является самонастраивающейся и самодовлеющей системой. Но сознание - не «демиург» саморегуляции: оно суть средство для саморегуляции личности. Ведь именно личность активирует и деактивирует, возводит и разрушает систему саморегуляции в своем сознании, заботясь о деятельной реализации своих жизненных отношений.

Наличие в структуре личности динамической смысловой системы, соотнесенной с определенной деятельностью, является главной психологической предпосылкой не только для онтологической самостоятельности, но также для эффективного осознанного регулирования этой деятельности. Напротив, выхолащивание личностного смысла препятствует эффективной осознанной саморегуляции деятельности и ведет к метаморфозе деятельности в безличное действие или операцию. Допустим, что личность осуществляет деятельность, которая не представляет для нее никакой субъективной ценности, то есть не имеет касательства к реализации ее смысловых структур - мотивов, ценностей, потребностей. Сможет ли личность при таком раскладе эффективно ре-

87

гулировать эту деятельность? Решительно, нет. Потому что в систему психической регуляции деятельности не будут ангажированы смысловые структуры личности, которые образуют функциональное «ядро» всей системы осознанного саморегулирования. Отвлеченность смысловых структур личности от регуляции деятельности составляет

корень психологической проблемы отчуждения человека от труда. Доказано, что психологическая отчужденность человека от труда, возникающая на почве его смыслового обеднения, обуславливает падение продуктивности. Это в свою очередь свидетельствует о некоторой степени дизрегуляции деятельности и, следовательно, о ключевом значении смысловой регуляции в системе осознанного психического регулирования. По мнению О.А.Конопкина, именно высокая субъективная значимость деятельности или отдельного ее элемента, параметра по личностному смыслу определяет ее последовательное осознанное регулирование [120, с. 227].

Вообще возможны два случая, при которых деформируется система осознанной саморегуляции и ингибируется субъектная активность личности. Первый случай увязывается с деформацией самой деятельности, которую обслуживает субъектная активность. Деформация деятельности наблюдается при разрушении ее естественной структуры, когда субъект вынужден осуществлять отдельные действия, не имея доступа к управляющим функциям целеполагания, программирования, контроля всей деятельности целиком. В этом случае деятельность разрывается на части и не осмысливается личностью как единое целое. По словам К.А.Абульхановой-Славской, «происходит отчуждение деятельности от личности до такой степени, что она лишается возможности ее целостной организации» [8, с. 91]. Закономерно то, что личность не «реагирует» на бессмысленную, с ее точки зрения, деятельность своей субъектной активностью. Второй вариант деформации системы осознанной саморегуляции и угасания субъектной случается тогда, когда нарушается смысловая сфера личности. Сужение, деструкция и деиерархизация динамических смысловых систем личности, на которых основываются функциональные системы осознанной саморегуляции, препятствуют развитию субъектной активности. При этом происходит проградцентное обесмысливание деятельности и ее результатов, что, конечно же, автоматически обесценивает и блокирует субъектную активность личности. «Исчезает потребность совершенствования деятельности, своего мастерства» [8, с. 91]. Этот вариант психологической

88

деформации субъекта хорошо проанализирован в патопсихологических исследованиях личности, выполненных с позиций смыслового подхода [46; 90; 91; 92].

Кстати отметим, что становление социальной группы подлинным субъектом коллективной деятельности также достигается при условии включения в регуляцию этой деятельности совместного фонда смысловых образований. В исследованиях А.В.Петровского доказано, что совместная деятельность характеризуется наибольшей продуктивностью, если в социальной группе установилось ценностно-ориентационное единство [176]. Высокая продуктивность совместной деятельности указывает на функционирование группы как коллектива, а точнее сказать - как коллективного субъекта, в котором преодолена разобщенность индивидуальных субъектов деятельности. С позиций смыслового подхода ценностно-ориентационное единство - это психологический показатель того, что группа наработала общий фонд смысловых образований, которые регламентируют ее деятельность. В этих условиях группа способна быть настоящим субъектом совместной деятельности потому, что, реализуя общую смысловую необходимость, отдельные члены получают возможность оптимального согласования и координации своих действий. Коллективный субъект - это всегда ассоциация индивидуальных субъектов, у которых оптимальным образом совмещены, унифицированы системы осознанной саморегуляции деятельности. Слаженные процессы целеполагания, планирования, программирования, корректирования совместной деятельности способствуют успешной конвергенции усилий индивидуальных субъектов в деятельности коллективного субъекта. При этом необходимо помнить, что в группе, достигшей ценностно-ориентационного единства, индивидуальные системы саморегуляции деятельности становятся скоординированными, сбалансированными благодаря подведению под единую смысловую основу, за счет общего фонда смысловых

образований.

Из этих положений логически вытекает, что от сформированноеTM и сохранности смысловой регуляции во многом зависит полноценность всех функциональных структур осознанного регулирования деятельности. Более того, дифференциальные особенности смысловой регуляции, индивидуализирующие «мощность» основных ее функций, также существенным образом воздействуют на полноценную работу всех звеньев системы осознанного регулирования. Например, такой параметр смысловой регуляции,

89

как степень осознанности смысловых структур личности, неизбежно обуславливает параметры точности и полноты выдвигаемых личностью целей, аутентичности вырабатываемых критериев успеха. Временная локализация ведущих смысловых структур личности - это индивидуальный параметр смысловой регуляции, который непосредственно отвечает за долгосрочность целей, стратегичность программ исполнительских действий и, тем самым, детерминирует регуляторный потенциал всего контура осознанного регулирования деятельности.

Необходимо отдавать отчет, что система осознанной саморегуляции подчинена субъектной активности личности. Любое функциональное звено этой системы тем или иным образом обслуживает функциональные потребности субъекта. С учетом выказанных положений представляется необходимым детализировать понятие саморегуляции, уточнив его применительно к понятию субъектной активности.

Личностная осознанная саморегуляция — это система психических феноменов, структур и механизмов сознания, обеспечивающая реализацию субъектной активности личности. Соотношение субъектной активности и саморегуляции личности диалектично. С одной стороны, система осознанной саморегуляции должна обеспечивать осуществление субъектной активности личности, с другой стороны, эта система является продуктом указанной активности в том смысле, что именно субъект конструирует и настраивает систему осознанной регуляции своей деятельности.

Нельзя сбрасывать со счетов еще одно важное обстоятельство: личность может осознанно регулировать свою деятельность, но при этом не быть ее субъектом, то есть порождающей причиной. Как отмечалось ранее, по отношению к реализуемой деятельности личность может занимать две принципиальные позиции - исполнителя и создателя деятельности. Настоящим субъектом личность является только тогда, когда она вступает в преобразующее познавательно-практическое отношение к собственной деятельности. Можно утверждать, что личность как носитель деятельности при помощи функциональных возможностей своего сознания обеспечивает ее осознанную произвольную саморегуляцию, а личность как создатель деятельности не просто регулирует, но к тому же детерминирует ее. В данном контексте важно на теоретическом уровне развести саморегуляцию и самодетерминацию личности. В структуре саморегуляции «регуляторами могут выступать

90

интроецированные нормы, конвенции, мнения и ценности авторитетных других, социальные или групповые мифы и т.п.; контролируя свое поведение, субъект не выступает его автором, как при подлинной самодетерминации» [143, с. 17]. Представление о самодетерминации органично встроено в методологический принцип детерминизма. Концептуальное значение этого представления заключается в «подчеркивании роли внутреннего момента самоопределения, верности себе, не одностороннего подчинения внешнему. Только внешняя детерминация влечет за собой внутреннюю пустоту» [192, с. 382]. Самодетерминация не сводится к произвольной саморегуляции поведения и деятельности личности. По нашему мнению, самодетерминация - это качественный уровень саморегуляции, на котором автором целей и способов построения, регуляторных программ и схем и, главное, решений о коррекции деятельности является сама личность.

Высшим уровнем саморегуляции следует признать самодетерминацию, при которой личность не просто транслирует аккумулированный социальный опыт, а самостоятельно строит весь контур саморегуляции, творчески модифицирует усвоенные регуляторные механизмы на основе собственного субъектного опыта. В этой связи весьма перспективной является разработка понятия «субъектный опыт», введенного в исследованиях А.К.Осницкого [169; 170]. По нашему мнению, субъектный опыт - это смысловой по своей природе опыт личности в области организации и налаживания субъектной активности, то есть в создании и поддержании контура личностной осознанной саморегуляции деятельности. Проще говоря, это опыт психической организации субъектной активности или опыт самодетерминации личности. Субъектный опыт, по определению И.С.Якиманской, есть опыт пережитого и переживаемого поведения, в котором сам человек может дать себе отчет о своих возможностях, который фиксирует значимые для него ценности и иерархию смысловых предпочтений. При этом подразумевается, что человек как субъект хотя бы приблизительно знает правила организации собственной деятельности [250, с. 74]. Основное содержание субъектного опыта наполняет личностное знание о способах эффективной организации деятельности путем создания оптимальных динамических систем сознательной саморегуляции. А.К.Осницкий выделяет компоненты субъектного опыта - ценностный опыт, опыт рефлексии, опыт привычной активизации, операциональный опыт и опыт сотрудничества, полагая, что ценностный

91

компонент играет среди них центральную роль [169, с. 17-18]. Резюмируя вышеизложенное, дадим субъектному опыту следующую формулировку: **субъектный опыт - это знание об эффективных способах организации системы осознанного регулирования субъектной активности, обеспечивающее способность личности к самодетерминации.**

Самодетерминация - не просто качественно отличный, а качественно более высокий уровень саморегуляции. Саморегуляция может осуществляться личностью под наставничеством и с помощью другого человека, а самодетерминация всегда предпринимается личностью самостоятельно. «Впервые мы наталкиваемся на явление само детерминации, услышав от ребенка знаменитое «Я сам!» [170, с. 27]. Именно в самодетерминации экстерииризируется весь «фонд» внутренних условий, который был накоплен в процессе интериоризации и социализации личности. По этому поводу Б.Ф.Ломов пишет: «В процессе развития на определенной его стадии она (личность) начинает сама организовывать свою собственную жизнь, а значит, и определять свое собственное развитие, в том числе и психическое» [153, с. 310].

Магистральная линия развития субъектности в онтогенезе пролегает через три основных этапа. На первом этапе, условно называемом досубъектным, собственная активность личности сравнительно низкая, в силу чего деятельность управляется в основном внешними факторами. Эти внешние факторы включены в контекст взаимодействия ребенка и взрослого по ходу выполнения совместной деятельности. На втором этапе личность выступает как субъект-исполнитель различных видов человеческой деятельности, что генетически связано со становлением и консолидацией внутренней системы психической саморегуляции. На этой условно выделяемой стадии в состав регуляторов преимущественно включены интериоризированные культурные образцы деятельности, отложившиеся благодаря участию индивида в совокупной деятельности группового субъекта. Роль собственной активности личности в построении деятельности по индивидуальным меркам относительно мала. В полную силу субъектная активность разворачивается тогда, когда личность начинает реформировать деятельность в соответствии со своей смысловой необходимостью. На этом этапе наблюдается переход к самодетерминации личности, вызванный возрастанием роли ее смысловых структур в саморегуляции деятельности. Обобщая сказанное, необходимо пометить ключевые «вехи»

развития субъекта: 1) индивид как участник совместной деятельности коллективного субъекта, еще не ставший индивидуальным субъектом; 2) индивид как субъект-носитель деятельности, овладевший культурными средствами и способами ее психической саморегуляции и экспроприировавший деятельность; 3) индивид как субъект-создатель деятельности, творящий ее по образу собственной смысловой необходимости в процессе самодетерминации. Подчеркнем, что психическое развитие субъекта пересекается с общей линией формирования личности, поскольку смысловые структуры личности вносят решающий вклад в порождение внутренней субъектной активности. Можно предполагать, что общий уровень зрелости субъекта коррелирует с общим уровнем развития и индивидуально-личностными особенностями смысловой регуляции.

Главная черта психического развития субъекта в том и заключается, что активность, возникающая в ответ на привходящие из внешней среды воздействия, по мере складывания смысловых структур личности сменяется внутренней «спонтанной» активностью самодетерминации. Этот момент теоретически осмыслен в работах В.Э.Чудновского [231] и А.В.Брушлинского [58]. Переход от социализации к индивидуализации личности в процессе индивидуального жизненного пути также хорошо прослежен в исследованиях Д.И.Фельдштейна [221]. С точки зрения смыслового подхода во всех обозначенных работах примечателен общий теоретический пункт: развитие самодетерминации (субъектной активности) генетически производно от созревания смысловых структур и процессов личности. Так, В.Э.Чудновский рассуждает о «ядре субъективности» - средоточии внутренней активности, квинтэссенции субъективного мира человека [231, с. 8-9]. Очевидно, что «ядро субъективности» - это та психическая инстанция, которую в рамках смыслового подхода определяют как «смысловая сфера личности» [142]. Ввиду данного обстоятельства разработки теоретических проблем психологии субъекта должны базироваться на смысловом подходе к личности.

На наш взгляд, помещение личностно-смыслового подхода в центр теории психологических исследований субъекта позволяет преодолеть двойственность понимания соотношения внешней и внутренней активности, объектной и субъектной детерминации. Эта двойственность заключается в том, что, с одной стороны, превозносится значимость субъектной детерминации деятельности, а с другой стороны, субъект по-старому воспринимается как

продукт социализации и трансляции общественного опыта, принижается роль субъектной активности личности [231, с. 6]. Следует признать, что источник субъектной активности коренится в смысловых структурах личности. Владея смысловыми структурами и процессами, личность управляет своей деятельностью: произвольно стимулирует и дестимулирует, мобилизует и демобилизует, активизирует и дезактивирует ее. Смысловые структуры личности субстанциональны, в силу чего субъектная активность «отвязывается» от внешних побудителей, освобождается из-под власти сторонних стимулов. Для инициации и запуска активности личность не нуждается во внешнем принуждении или побуждении, поскольку она может это сделать в результате актуализации смысловых структур. Субстанциональность смысловых структур личности обуславливает то обстоятельство, что феномен субъекта является именно личностным проявлением. В этой же связи понятно, что животное и машина никогда не выступают как субъект, потому что они лишены личностного начала с его имманентной способностью к генерации субъектной активности. Животное, например, неспособно к инициации активности в отсутствие в непосредственном поле восприятия предметов с инстинктивным биологическим смыслом. Основное отличие смысловой регуляции в животной и человеческой психике в том, что биологический смысл, которым регулируется активность животного, является свойством объектов и явлений среды, а

личностный смысл принадлежит личности и презентирован ей в форме смысловых структур. «Для животного всякий предмет окружающей действительности всегда выступает неотделимо от его инстинктивной потребности, то понятно, что и само отношение к нему животного никогда не существует для него как таковое, само по себе, в отделенности от предмета. Отсутствие отношения составляет противоположность тому, что характеризует сознание человека. Когда человек вступает в то или иное отношение к вещи, то он отличает, с одной стороны, объективный предмет своего отношения, а с другой - само свое отношение к нему. Такого именно разделения и не существует у животных» [134, с. 218].

Субъектность, таким образом, определяется субстанциональностью смысловых структур личности. Именно смысловые структуры личности задают способность к самодетерминации - произвольному развитию «спонтанной», «инициативной» (В.Э.Чудновский) или «спонтанейной» (С.Л.Рубинштейн) субъектной активности.

94

1.5. Ниунеіаау баабёубёу аауоаеііное ё поаиаеіау аеоеаііноу ёён-ііное

Как выяснилось в ходе предыдущего изложения, проблема психической организации субъектной активности личности в психологической науке сводится к изучению системы осознанной психической саморегуляции деятельности. В контексте развиваемого здесь смыслового подхода следует определить принципиальную роль смысловых структур личности в детерминации субъектной активности, а также показать, что смысловая регуляция деятельности и субъектной активности суть структурно-функциональное единство, но не тождество.

В концептуальном плане смысловая регуляция рассматривается как функциональное ядро субъектности потому, что в смысловых структурах личности деятельность преподнесена целиком, во всей тотальности присущих ей жизненных отношений. Этого не скажешь про цели и задачи, которыми деятельность раздробляется на куски, сегментируется на отдельные отрезки. Цель или задача репрезентируют в психике всего лишь фрагмент жизненных отношений человека. Отсюда возникает специфический феномен личности как субъекта деятельности: ведь никто иной, кроме личности, не вооружен способностью к смысловой регуляции активности. Значит, личность незаменима при воспроизводстве жизненных отношений человека в целостной форме деятельности. Целостное воспроизводство жизненных отношений отличает субъекта деятельности от не субъекта, который ограничен воспроизводством отдельных звеньев деятельности. «Субъектом мы можем назвать того (неважно - ребенка или взрослого), кто осуществляет особые действия по развитию целостной деятельности. Субъект и есть та инстанция, на которой непосредственно разворачивается акт развития деятельности» [129, с. 28].

Личность как субъект владеет и распоряжается деятельностью в целом, а не какой-то ее частью или звеном. Это связано с тем, что на личностном уровне развивается принципиально новый аппарат психического отражения и регуляции. Таким новоприобретением личностного уровня бытия является смысловая регуляция. Смысловые структуры личности запечатлевают и несут в себе те жизненные отношения, которые осуществляет единичная деятельность. Конкретным психологическим «мотивом» каждой отдельной деятельности является динамическая смысловая система, отражающая в субъективно превращенной форме опреде-

95

ленный сектор жизненных отношений и совокупность жизненных смыслов «предмета» деятельности [144]. Как пишет С.Л.Рубинштейн, «каждая сфера функций и каждая сфера деятельности, действий несет в себе соответствующую ей систему значимости» [192, с. 368]. Поэтому только личности жизненные отношения даны целиком и полностью; они ей подвластны, равно как и деятельность, которая их воплощает. Личность является поздним новообразованием филогенетического и онтогенетического развития человека. Объективная потребность в этом новообразовании возникает тогда, когда к человеку со

стороны социальной ситуации развития (исторической или жизненной) предъявляются требования самостоятельного осуществления целостной деятельности, а не слагающего ее действия или дробной операции.

Далее можно предполагать, что прирост личностного начала был одной из главных тенденций психической эволюции человека в филогенезе. Личность с ее системой смысловой регуляции является довольно поздним, но решающим психическим образованием в антропогенезе потому, что развитие личности предрешило вопрос о сущности человека. Личность - это то, что отличает человека как субъекта деятельности от животных и новорожденных индивидуумов как субъектов активности. Необходимость в этом образовании встала тогда, когда индивид «откололся» от рода для самостоятельного выполнения деятельности. До этого момента деятельность целиком принадлежала роду, а индивид служил исполнителем одного из звеньев деятельности, но всей ее цепи в целокупности. В этом положении индивид не помышлял себя в отдельности от рода, ощущал свою полную принадлежность к нему. Истинным субъектом деятельности выступал род, община, а отдельный индивид им не был - он являлся частицей коллективного субъекта, реализатором его воли. Смысловые образования, которые регулировали деятельность, также изначально хранились родом в культурной обобществленной форме, в виде первобытных мировоззренческих систем. Эти мировоззренческие системы поставляли коллективному субъекту смысловое обоснование жизнедеятельности и депонировали его совокупный опыт. Этот момент хорошо раскрыт А.Н.Лобком в фундаментальном исследовании антропологии мифа [148].

Интерииоризация коллективного фонда смысловых образований, выработанных родом, положила начало процессу персонализации индивида и персонификации общественных отношений, в которых он участвовал. Точкой антропогенеза, в которой произош-

96

ло обособление индивидуального субъекта от коллективного субъекта, является момент зарождения личностно-смысловых форм психического отражения и регуляции. В этого момента человек перестал быть безликой «шестерней» в коллективной деятельности, «крутящейся» по велению рода. Он стал индивидуальным носителем идеальных личностно-смысловых форм деятельности. Это обстоятельство предрешило становление индивида личностью, а значит, субъектом деятельности. И далее на протяжении истории действовала закономерность: чем больше индивид автономизировался от человеческого сообщества, тем сильнее в нем был выражен рост личностного начала, тем интенсивнее шел процесс индивидуализации смысловых образований сообщества в смысловых структурах его личности [30]. Исторические флуктуации этого процесса прослежены в работе И.С.Ко-на: в разные исторические эпохи общество то подавляло и изгоняло, то возрождало и востребовало личностное начало в человеке. В истории общественного развития были фазы, когда общество до корня деперсонализировало и деиндивидуализировало человека; были также этапы, на протяжении которых в человеке восславлялось все личностное. В общем, отвлекаясь от конкретно-исторических переменных, можно констатировать выраженную тенденцию, согласно которой личностная регуляция жизнедеятельности постепенно набирала силу по ходу общественной истории [117]. С этим выводом соглашается, в частности, А.Н.Леонтьев. Он полагает, что личностная регуляция досталась индивиду нелегко, за счет разрыва его теснейшей связи с родом, который до определенных пор «пленял» индивида. В условиях совместной коллективной деятельности не было никакой необходимости в личностной регуляции. Только с изменением объективного характера человеческой деятельности индивид трансформировался в личность [134, с. 227-228].

Персонализация подвела человека к той черте, после которой он уже сознавал самого себя не как обезличенного представителя социальной группы, но как личность, имеющую помимо всеобщей родовой жизни жизнь внутреннюю. Другими словами, формирование личности способствовало развитию внутренних форм жизни - субъективности человека,

в противовес «овнешненным» формам групповой, общинной жизни. Обладание субъективностью как формой существования личности сделало человека относительно независимым от интересов общества индивидуальным саморегулирующимся субъектом. Именно здесь необходимо искать первые

97

зачатки того самосознания, которое именуется самосознанием личности, потому что здесь впервые перед сознанием человека разверзлась реальность его субъективного мира. В.В.Столин, например, считает, что отсчет собственно личностным формам самосознания надо вести с момента формирования субъективного мира человека. Здесь возникает и способность сознательного противопоставления индивида своему роду, отчуждения от общины или социальной группы. Животное никогда не отбивается от своего вида и в этом смысле не противопоставляет себя ему. Однако с сознанием человеком себя как личности и как индивидуального субъекта тоже не обошлось без социального влияния. Генетически первые формы самосознания были все-таки интро-ецированными социальными оценками. В этом аспекте социальная группа «шлифовала» самосознание и идентичность личности. Как пишет Д.А.Леонтьев, «на философском уровне основное отличие человека от животных определяется тем, что человек -существо общественное, то есть взаимодействует с миром не один на один, вооруженный лишь своим индивидуальным опытом, а использует опыт, накопленный человечеством и присвоенный им через социальные механизмы передачи этого опыта (общение, речь, знаковые механизмы культуры). Вместе с тем на ранних этапах становления человеческого общества социальные узы были столь прочны, что человек не обладал отдельным существованием в отрыве от социальной группы. У него не было еще ни осознания себя как отдельного человека, ни механизмов регуляции его индивидуального поведения, отличных от групповых механизмов социальной регуляции. Лишь постепенно общественный человек начинает заново обретать автономное существование - но уже на новом, высшем уровне, не имеющем ничего общего с автономным существованием животных. Человек не отрывается от социального опыта и социальных механизмов регуляции поведения, а вбирает их в себя (интериоризирует), строя на этой основе свой внутренний мир. Обладая внутренним миром, человек становится носителем социально выработанных форм поведения и накопленного опыта. Ему уже не обязательно жить постоянно в социальном окружении; он носит свою социальность в себе» [142, с. 7-8].

Таким образом, под философским углом зрения личность -это человек, который может выступать автономным носителем социального опыта и возделывать этот опыт в обществе и вне общества. С психологической точки зрения личность - это сис-

98

тема смысловой регуляции активности человека, которая производится в процессе усвоения человеком смыслового опыта культуры; это субъект общественно выработанных форм деятельно-стно-смыслового отношения к миру. Личность с ее имманентной способностью к смысловой регуляции активности есть продукт исторического развития, который продуцируется в системе общественных отношений на определенной стадии развития общества. В целях настоящего исследования важно акцентировать, что линии становления личности, субъекта и системы смысловой регуляции активности не просто переплетены, но составляют если не тождество, то органическое единство.

Нечто подобное совершается и по ходу индивидуального жизненного пути личности. Здесь господствует та же ситуация с коллективным субъектом, который первоначально «заглатывает» ребенка, обучая и воспитывая его, и уже потом выпускает как самостоятельную личность и индивидуального субъекта. Онтогенез личности как субъекта, конечно, не является рекапитуляцией филогенеза. Онтогенез личности подчиняется законам социального развития высших психических функций, в системе которых личность является наиболее совершенной и поздней функцией. Эти законы были открыты Л.С.Выготским, который подчеркивал недопустимость их механической

проекции на филогенез [72]. Примечательно то, что ареной для проявления этих закономерностей является совместная деятельность [30; 133; 198; 221]. Изначально ребенок втягивается в совместную с взрослым деятельность, в процессе которой зарождается и вырабатывается его субъективность (личностность) и субъектность. Причем носителем идеальной личностно-смысловой формы деятельности является именно взрослый, что поначалу делает только его субъектом разделенной с ребенком деятельности. Действия ребенка управляются и направляются взрослым, он же помогает манипулировать орудиями деятельности и рассекречивает для ребенка их значение и смысл. В деятельности взрослого активность ребенка занимает место действий или операций, выполняемых на уровне поставленных взрослым целей и задач.

Как правило, взрослый берет на себя все функции осознанной саморегуляции деятельности - целеполагание, планирование, программирование, прогнозирование, оценивание, принятие решений и коррекцию. Но с определенного момента взрослый посвящает ребенка в курс тех смысловых отношений, которые они совместно осуществляют, как бы передает свой личностно-смысловой опыт.

99

По ходу индивидуального развития отношения в диаде «ребенок - взрослый» расширяются до масштаба отношения «ребенок - общество». Но эти отношения не просто раздвигаются в социальном пространстве-времени, они качественно трансформируются: оборачивается расстановка сил в этих отношениях - ребенок все больше и чаще перехватывает у взрослого инициативу в побуждении, направлении и смыслообразовании деятельности, в организации контура психической регуляции деятельности. В конце концов взрослый превращается для ребенка лишь в условный элемент деятельности, присутствие которого необходимо для нюансировки или подстраховки индивидуальной активности ребенка. С определенного времени ребенок и вовсе эмансипируется от взрослого и становится полноправным субъектом своей деятельности. Этот этап совпадает с окончанием формирования человека как личности - системы смысловой регуляции активности. Фигурально говоря, ребенок присваивает деятельность при помощи смысловых структур личности, потому что в этих структурах заключена идеальная форма деятельности, ее психология. В конечном итоге человек обнаруживает себя как субъект в той мере, в которой он зрел и невредим как личность.

Таким образом, субъект индивидуальной деятельности по ходу онтогенеза «выковывается» в горниле совместной деятельности. Полноценный и функционально автономный субъект вырастает тогда, когда формируются структуры личностно-смысловой регуляции активности. Разумеется, абсолютизировать роль личностной смысловой регуляции в возникновении феномена субъектности не стоит, поскольку субъекта характеризует также фонд знаний, умений, навыков выполнения деятельности. Однако преуменьшать значение личностной регуляции в развитии субъекта также нецелесообразно, ведь субъектом деятельности является личность, а не биологический или социальный индивид. Собственно личность при этом развивается по законам формирования высших психических функций в определенную историческую эпоху в конкретной социальной среде. Используя парафраз известной психологической «максимы», можно утверждать: индивидом рождаются, а субъектом становятся по мере становления личностью.

Наиболее ярко субъектность проявляется в том, что личность может встать в практическое отношение к своей деятельности. «Субъектом можно назвать того, кто способен «вступить в особые отношения» с самим собой, обратиться к самому себе» [129, с. 17]. Необходимость в таком отношении возникает

100

тогда, когда деятельность не «справляется» со своей основной функцией - реализацией смысловой необходимости личности. Смысловая необходимость - это психический образ тех желательных преобразований действительности, модель которых запрограммирована

в смысловых структурах личности. В настоящее время исследователи сходятся во мнении, что в смысловых структурах личности запечатляется не наличное, а желаемое и должное состояние действительности [46; 144; 157]. Смысловая необходимость проистекает из реальных жизненных отношений личности, которые объективно требуют своего поддержания, улучшения, упорядочивания. С психологической точки зрения смысловая необходимость может сопоставляться с личностными притязаниями, поскольку личность действительно притязает на определенные успехи в преобразовании действительности, претендует на определенный уровень удовлетворения своих потребностей. Как считает К.А.Абульханова-Славская, «в своих притязаниях личность выдвигает требования не только к ожидаемому успеху, но и к самой себе - уровню, качеству, способу своей активности при осуществлении деятельности» [8, с. 228]. Смысловые структуры личности включают в обобщенном виде совокупность притязаний личности: ее требования к окружающей действительности, своей деятельности и самой себе.

Деятельность является как бы «орудием» смысловой необходимости личности: орудя в мире посредством деятельности, личность наводит желаемые преобразования. Смысл жизни - это также смысловая необходимость, которая содержит образ желаемого жизненного пути. Личность должна «вылепить» этот жизненный путь из «сырого материала» собственной жизни в процессе жизнедеятельности. Деятельность также относится к смысловой необходимости и к идеальной модели действительности, как жизнедеятельность - к смысложизненной необходимости и к образу желаемого жизненного пути.

Когда смысловая необходимость не претворяется в действительность, личность как субъект может заняться перестройкой и переналадкой своей деятельности - усовершенствовать, ликвидировать неполадки, изменить и натренировать операциональный состав. Подобные действия, направленные на саму деятельность, ее видоизменение и модернизацию, принято определять как «субъектные действия» [129]. Вообще субъект деятельности - это человек, осмысленно и осознанно конструирующий и реконструирующий собственную деятельность в опоре на ее внутренний

101

образ, идеальную форму жизненных отношений. Конструирование деятельности и проявляется в субъектных действиях, одним из вариантов которых является «опробование цели действием» (А.Н.Леонтьев), а также «опробование новых действий» (В.В.Давыдов). Но откуда берется необходимость в субъектных действиях? Почему субъект не довольствуется наличным состоянием своей деятельности? Что заставляет его переделывать собственную деятельность? В качестве общего ответа на поставленные вопросы можно предложить идею В.В.Давыдова: «Превращение самой деятельности человека в особый предмет, с которым он может действовать, не изменяя до поры до времени реального предмета, является процессом формирования ее идеального образа» [85, с. 32]. Идеальный образ деятельности в данном случае можно понимать как совокупность психологических структур, в которых зафиксировано субъективное отношение личности к собственной деятельности. По нашему убеждению, способность личности пристрастно отнестись к своей деятельности обусловлена наличием смысловой регуляции. Смысловые структуры «оценивают» и контролируют соответствие деятельности той внутренней необходимости, которую она призвана реализовать. Осмыслению могут быть подвергнуты не только внешние, не принадлежащие личности условия реализации смысловой необходимости, но и внутренние инструментальные свойства личности, а также отдельные сегменты ее деятельности. Здесь деятельность осмысливается как условие или помеха реализации смысловой необходимости личности, как фасилитирующий или ингибирующий фактор. Соответственно, то, что мешает в деятельности, будет удалено или заменено более совершенными формами активности, а то, что способствует реализации смысловой необходимости, будет оставлено и преумножено. Вообще каждой составляющей внешней и внутренней структуры

деятельности личность может присвоить определенный смысл - негативный, позитивный или амбивалентный. Кроме того, деятельность в целом или отдельное звено могут приобрести личностный смысл самостоятельного мотива, и тогда происходит коренная трансформация или метаморфоза деятельности. Все эти случаи систематизированы в классификации личностного смысла М.Кальвиньо. «Можно рассматривать четыре возможных отношения, в качестве которых может выступать то или иное явление в структуре деятельности: 1) явление выступает в качестве мотива, 2) явление представляет собой ус-

102

ловие, способствующее достижению мотива, 3) явление представляет условие, препятствующее достижению мотива, 4) явление представляет собой условие, содействующее достижению одного мотива и препятствующее достижению другого. Этим четырем отношениям соответствуют и четыре возможных смысла явления: смысл мотива, позитивный смысл, негативный смысл, конфликтный смысл» [Кальвиньо, 1981, с. 19].

Субъектные действия, адресованные деятельности, рассчитаны на сообразование деятельности со смысловой необходимостью личности. Как правило, субъектные действия побуждаются негативным или конфликтным личностным смыслом конкретной составляющей в структуре деятельности. Однако субъектные действия, нацеленные на «ремонтрование» и оптимизацию внешней и внутренней структуры деятельности, формально различаются. Переделка внешней структуры деятельности - это внешние практические действия, например, тренировка, упражнение, репетиция, опробование и экспериментирование с новыми действиями. Переделка внутренней структуры деятельности - это внутренние действия саморегуляции, самовоспитания и самосовершенствования личности, поскольку их мишенью выступают психические процессы, свойства и состояния, не удобные с точки зрения регуляторного оптимума деятельности.

В этой связи можно напомнить смысловой подход к самосознанию личности, который разработан В.В.Столиным. Деятельность социальных индивидов В. В. Сталин рассматривает как технологический и социально нормированный процесс, в котором регламентированы действия и операции, орудия и способы орудования. Технология деятельности составляет базу для оценок индивидами друг друга, поскольку технология предъявляет определенные требования к деятельности индивидов и вводит «сетку» технологически важных качеств. Социальные технологические «ожидания» интериоризируются индивидами в форме мотивов деятельности, а затем экстериоризируются в форме личностных оценок своей деятельности и собственных качеств. С этого момента к технологии прибавляется психология деятельности - субъективное отношение индивида к ней и к самому себе в сфере деятельности, преломленное сквозь призму собственных мотивов и потребностей. Самосознание личности стартует там, где индивид обращается к самому себе с вопросом: соответствуют ли мои собственные свойства запросам моих собственных мотивов и потребностей? Например, внутренние преграды или, говоря

103

обыденным языком, внутренние комплексы - это психологические помехи, которые встречаются в процесс функционирования деятельности подобно «палке в крутящееся колесо». Поэтому, естественно, внутренние преграды приобретают для личности отрицательный смысл, подталкивающий от них избавиться [207, с. 101-103].

Проще говоря, качества личности превращаются в условия реализации ее внутренней смысловой необходимости. Аналогичным образом можно рассуждать о превращении самой деятельности в объект оценки и контроля личности. «Личность в самом общем виде можно определить как функциональный психический орган, позволяющий индивиду интегрировать свое «Я» и свою жизнедеятельность в систем множественных связей с миром, или как особый способ интеграции психической жизни индивида» [207, с. 98]. С

точки зрения данного определения, личность является заказчиком, оценщиком, контролером и приемщиком деятельности и ее результатов - той психологической инстанцией, которая несет в себе идеальную форму, систему субъективных требований, притязаний и ожиданий к деятельности. Личностные требования и ожидания оформляются в виде смысловых оценок деятельности, активизирующих субъектные действия. И уже в субъектных действиях личность выражается как субъект деятельности. Таким образом, смысловая регуляция является «ядром» субъектности ввиду того, что с ее участием возможны субъектные действия, направленные на оптимизацию деятельности. Личность, предпринимающая субъектные действия, является подлинным субъектом - хозяином собственной деятельности, а не просто ее безучастным носителем. Личность не устраняется из деятельности; она устраняет в ней то, что не отвечает ее смысловой необходимости. Роль смысловой регуляции в инициации и программировании субъектных действий - это роль внутренней инстанции, которая оценивает необходимость, срочность, выгодность реструктурирования деятельности. Всякий акт личности, направленный на собственную деятельность, санкционируется личностным смыслом этой деятельности или ее компонента в контексте смысловой необходимости, для реализации которой предназначена деятельность. Важно подчеркнуть, что феномен субъектности возникает именно на личностно-смысловом уровне психической регуляции. Другими словами, запрос на модификацию деятельности исходит от личности - обладателя идеаль-

104

ной смысловой формы этой деятельности. «Индивид благодаря сознанию активно строит собственную деятельность (это становится возможным благодаря тому, что развиваются такие функции психики, как поиск и опробование, а также наличие идеального образа самой деятельности)» [85, с. 36].

Приступая к реализации намеченных в начале параграфа задач, необходимо вскрыть источники субъектной активности. Исследования личности как субъекта изменения собственной деятельности поставили исследователей перед проблемой: что побуждает личность к совершенствованию и развитию собственной деятельности? Исчерпывающее объяснение этой проблемы еще не выработано, но имеются некоторые подходы, указывающие на особую личностную потребность в деятельности. В этой связи необходимо выявить, что движет активностью субъекта и ради чего в его сознании строится система осознанного регулирования.

Общепризнано, что в основе любой разновидности активности должны лежать определенные побудительные причины. Что же побуждает личность к развитию и совершенствованию ее деятельности и самой себя как внутреннего момента этой деятельности? Этот вопрос можно переформулировать и так: какая потребность мобилизует субъектную активность личности и где искать росток этой потребности? Понятно, что речь идет о специфической потребности, которая свойственна личности как субъекту деятельности. Более углубленный анализ этой проблемы ориентирован на выяснение внутренних соотношений деятельности и смысловой сферы личности. Обычно это соотношение упрощается и примитивизируется: деятельность реализует жизненные отношения, заложенные в смысловых структурах личности. При этом указывается, что смысловые структуры участвуют в осмыслении личностью объектов и явлений жизненного мира. Однако этот угол видения смысловых структур в деятельности является «плоским». Возможно, не только воплощение смысловых структур в деятельности, но и «отложение», «конденсация» самой деятельности в смысловых структурах. Когда мы говорим об «отложении», а точнее - о выражении деятельности в смысловых структурах личности, имеется в виду возможность придания личностью определенного смысла своей собственной деятельности. Ведь сквозь призму смысловых структур личность способна осмыслить не только объекты и явления жизненного мира, но собственную деятельность. Другими словами, для личности не безразлично функциональное состояние деятельности и даже боль-

ше - личность активно «интересуется» состоянием своей деятельности и «заботится» о том, чтобы деятельность соответствовала функциональному оптимуму. Ценность деятельности для личности определяется теми возможностями самовыражения, которыми она снабжает личность. Точно так же личность не оставляет равнодушной ее собственные качества, свойства, способности в силу того, что все они являются существенными условиями реализации жизненных отношений личности. В самом общем аспекте деятельность приобретает для личности смысл инструмента, при помощи которого личность объективирует свои смысловые структуры, преобразует действительность в потребном направлении. При более скрупулезном подходе обнаруживается, что деятельность в контексте смысловых структур личности может приобретать смысл условия, преграды, помехи, средства реализации жизненных отношений. Деятельность в редких случаях выступает как постороннее и чужеродное для личности явление и всегда имеет тот или иной смысл. Личностная ценность деятельности флуктуирует на протяжении жизни в зависимости от того, насколько деятельность благоприятствует реализации частных жизненных отношений и смысла жизни личности.

На базе смысла, который получает деятельность в контексте реализации смысловых структур, формируется определенный тип потребностей личности. «Возможность выразить себя в деятельности - основная потребность личности как субъекта, отличающаяся от частных и конкретных мотивов» [8, с. 153]. Эти потребности всегда носят функциональный характер, потому что отражают пристрастное отношение личности к деятельности. Предметом функциональных потребностей личности является сама по себе деятельность. Причем не обязательно в ее наличном виде, скорее в том желательном состоянии деятельности, которое сулит наиболее полную актуализацию смысловых структур личности. Функциональная потребность психологически фиксирует потребное для личности состояние ее собственной деятельности. Понятно, что при такой трактовке функциональная потребность присваивается личности как субъекту и движет ее специфической активностью по перестройке деятельности. Конечно, психологическое содержание функциональных потребностей личности как субъекта может сильно варьировать; не всегда эти потребности центрированы на деятельность. Иногда функциональные потребности замыкаются на собственные свойства личности, например, на способности. Тогда личность настойчиво и

упорно занимается упражнением своих способностей, которые, по ее мнению, принесут успех в реализации значимых жизненных отношений. Будучи опредмеченной в личностных свойствах, функциональная потребность подталкивает личность к самоизменению и саморазвитию, к избавлению от некоторых качеств, к заведению некоторых привычек. Но в любом случае функциональные потребности - это особый тип смысловых структур личности, в которых фиксируется потребное, должное состояние деятельности и прочих инструментальных «ресурсов» личности. В функциональных потребностях «записаны» условия успешной реализации смысловых структур личности. Самая общая психологическая формула функциональной потребности следующая: улучшение деятельности и свойств личности гарантирует ее самореализацию. От этой формулы отталкивается личность, выступающая в качестве субъекта деятельности. Можно также констатировать, что функциональные потребности мотивируют активность личности как субъекта деятельности. В своей деятельности личность исходит из потребности в мире, а в своей активности она отправляется от потребности в деятельности. Генезис потребности в деятельности первично связан с той потребностью, которую данная деятельность призвана непосредственно осуществлять. С точки зрения К.А.Абульхановой-Славской, субъектная «активность вызывается потребностью в деятельности, представляет собой высший по отношению к деятельности уровень, но ее характер определяется и опосредуется высшими жизненными потребностями» [8, с. 80].

Итак, логический ход рассуждений наталкивает на мысль о том, что деятельность в целом должна иметь для личности какую-то значимость, на базе которой вырастает специфическая личностная потребность. При этом личность должна абстрагироваться от отдельных составляющих деятельности и окинуть смыслом всю деятельность целиком. Действительно, с точки зрения личности любая деятельность расценивается как значимый инструмент для реализации собственной смысловой необходимости. Иначе говоря, деятельность имеет для личности смысл «инструмента», которым личность распоряжается для воплощения собственной смысловой необходимости. Этот «инструмент» может быть подходящим или неподходящим, полезным или бесполезным, заменимым или незаменимым. Понятно, что от качества деятельности как инструмента реализации смысловой необходимости личности зависит судьба этой смысловой необходимости.

107

Отсюда также ясна заинтересованность, потребность личности в деятельности как в нормальном и оптимальном способе реализации смыслов. Потребность в деятельности можно определить как потребность личности в адекватных средствах реализации жизненных отношений к миру, в эффективных способах взаимодействия с миром. Критерием эффективности взаимодействия при этом служит возможность удовлетворения личностью своих потребностей и шире - возможность реализации своих смысловых потребностей.

Формирование особого класса субъектно-функциональных потребностей качественно повышает уровень реализации субъектной активности. Дело в том, что с момента консолидации функциональных потребностей и мотивов субъектная активность перерастает в самостоятельную деятельность со своими мотивами, целями, задачами и операционально-действенным составом (системой субъектных действий). Ведь, как известно, критерием автономности деятельности служит наличие у нее самостоятельного побуждающего мотива [133; 134; 189]. В одних случаях субъектная активность реализуется практически при помощи внешних действий, в других случаях - посредством внутренних действий, направленных на построение и исправление системы осознанного регулирования деятельности. В любом случае субъектная активность опосредована системой осознанной саморегуляции и, в частности, принятым субъектом решением о необходимости коррекции самого внутреннего регуляторного контура, внешней структуры деятельности или своих инструментальных качеств (способностей, ЗУНов, ролей). Поэтому можно сказать, что «структурно саморегуляция и активность представляют собой как бы две взаимодополняющие стороны» [8, с. 89-90].

Особого внимания заслуживает вопрос о регуляторной роли эмоциональных переживаний личности по поводу своих качеств и собственной деятельности как условий реализации смысловой необходимости. Как известно, эмоциональные явления на уровне образа мира индицируют смысловые отношения личности к отдельным объектам, выступают как формы репрезентации смысловых структур в сознании личности [68; 69; 70; 133; 144; 145]. Аналогичным образом эмоциональные переживания личности по поводу собственной деятельности или собственных качеств как условий деятельности сигнализируют об их функциональном смысле в контексте реализации смысловой необходимости. В специальной литературе эмоциональные переживания личности по

108

поводу себя и своей деятельности обозначаются разными понятиями, например, «эмоциональный смысл Я» или «эмоциональная составляющая личностного смысла Я» [207]. Однако регуляторное значение этих эмоциональных явлений в детерминации субъектной активности остается нераскрытым.

Чрезвычайную важность в контексте настоящего исследования имеет функциональная классификация эмоций, предложенная В.К.Вилюнасом. В зависимости от функций, выполняемых в регуляции деятельности, эмоции классифицируются на ведущие и производные [69; 70]. Разберемся с регуляторным значением выделенных классов эмоций

для активности личности как субъекта деятельности. Ведущие эмоции на уровне субъективного образа мира индицируют те объекты и явления, которые связаны со смысловой необходимостью личности и имеют личностный смысл. Можно сказать, что ведущие эмоции окрашивают предмет деятельности или предмет смысловой необходимости личности. Производные эмоции происходят от ведущих эмоций и окрашивают процесс деятельности, направленной на «овладение» искомым предметом. Они выступают как эмоции успеха-неуспеха, сопровождающие и корригирующие каждое отдельное звено деятельной реализации смысловой необходимости субъекта и всю деятельность в целом. По нашему мнению, производные эмоции являются субъективной формой существования смысловых процессов и структур, обеспечивающих функции личности как субъекта деятельности. Как пишет В.К.Вилюнас, «механизм эмоций успеха-неуспеха релевантен не потребностям, а деятельности как таковой и организующему ее субъекту» [69, с. 96]. Другими словами, производные эмоции оценивают функциональный смысл деятельности в контексте смысловой необходимости личности, а не объекты и явления жизненного мира, соответствующие этой необходимости. В этой связи они обеспечивают побудительную регуляцию субъектной активности личности. Производные эмоции возникают в результате переключения ведущих эмоций с предмета деятельности на ее процесс. В основе этого переключения лежат процессы смыслообразования индивидуальной деятельности в контексте смысловой необходимости личности.

Согласно В.К.Вилюнасу, можно выделить констатирующую, предвосхищающую и обобщающую функции производных эмоций [69, с. 100-105]. На наш взгляд, общее для этих трех функций производных эмоций - репрезентация функционального смысла деятельности в контексте реализации смысловой необходимости

109

личности. Особенное в этих трех функциях - временной период, в который производится смысловая оценка деятельности в контексте смысловой необходимости личности. Так, констатирующие эмоции успеха-неуспеха завершают каждую отдельную деятельную пробу реализации смысловой необходимости. Они представляют собой «обратную афферентацию», которая информирует субъекта от успешности достижения «акцептора действия». Удавшуюся деятельность констатирующие эмоции закрепляют (положительные эмоции), а в случае неудачи - санкционируют перепрограммирование деятельности и усиливают поиск более совершенных способов деятельности (отрицательные эмоции) [19]. Предвосхищающие эмоции предшествуют началу деятельности субъекта и на основе прошлого смыслового опыта сигнализируют о ее вероятном успехе или неуспехе в сложившихся обстоятельствах. Негативные эмоции позволяют субъекту задержать реализацию деятельности и доработать ее программу. Положительные эмоции подстегивают субъекта начать деятельность в предчувствии вероятного успеха. Наконец, обобщенные эмоции успеха-неуспеха как бы «подытоживают» совокупный смысловой опыт реализации субъектом определенной деятельности. Они несут в себе обобщенную транситуативную смысловую оценку данной конкретной деятельности с точки зрения ее адекватности смысловой необходимости личности. Обобщенные эмоции взаимодействуют с ситуативными эмоциями успеха-неуспеха, регулируя субъектную активность личности. Негативные эмоции ослабляют и стопорят эту активность, как бы говоря о безысходности и бесполезности работы над усовершенствованием деятельности, что наиболее ярко наблюдается при «выученной беспомощности» субъекта. Положительные эмоции, напротив, выражают удовлетворение личности возможностями и состоянием собственной деятельности, усиливают побуждение данной деятельности. Именно в класс производных обобщенных эмоций, управляющих субъектной активностью, необходимо классифицировать такие глобальные переживания личности, как общая удовлетворенность -неудовлетворенность деятельностью, пройденным жизненным путем и собой.

Таким образом, личность как субъект деятельности обладает ее «идеальной формой» - субъективным образом деятельности. В этом образе отображаются не только объективные свойства и условия деятельности, но и смысловое отношение личности к ней. Смысловое отношение личности к собственной деятельно-

110

сти презентуют эмоциональные переживания по поводу ее процесса и результатов. Эмоциональные сигналы оценивают успешность реализации смысловой необходимости личности в данной конкретной деятельности. Поэтому эмоциональные сигналы являются, в известной степени, личностно-смысловой оценкой самой деятельности. Негативные переживания результируют неуспех и неадекватность процесса деятельности, положительные эмоции сигнализируют об успехе и адекватности процесса деятельности. Эмоциональные переживания личности по поводу собственной деятельности выступают универсальной формой пред-ставленности функциональной (субъектной) мотивации на уровне субъективного образа деятельности. Посредством эмоциональных сигналов функциональный смысл деятельности в контексте реализации смысловой необходимости открывается ее субъекту. Тем самым эмоциональные переживания непосредственно мотивируют субъекта перестроить собственную деятельность посредством субъектной активности.

Очевидно, что для возникновения эмоциональных переживаний необходимо сличение наличного состояния деятельности с эталонным образом деятельности и ее результатов. Эмоциональные переживания личности по поводу деятельности выступают в функции обратной афферентации. Они афферентируют активность личности как субъекта, направленную на изменение и оптимизацию деятельности. Однако эталоны деятельности и ее результатов не существуют в психике субъекта как априорные «акцепторы деятельности». Как уже отмечалось, они усваиваются в процессе совместной деятельности ребенка с взрослыми - носителями культурных образцов деятельности. В процессе усвоения этих эталонов и в генезисе субъекта деятельности в целом огромное значение приобретает так называемая «меточная деятельность» взрослого [144; 148]. Сущность данной деятельности состоит в том, что взрослый «маркирует» окружающие ребенка объекты и явления определенными смыслами, посредством предъявления, экспрессии соответствующих эмоций. Объекты и явления мира, а также собственные действия ребенка метятся эмоциональными знаками в зависимости от того, насколько они отвечают интересам реализации смысловой необходимости ребенка. Можно предположить, что именно за счет меточной деятельности взрослого у ребенка складывается эталонный образ и развивается функция оценивания собственной деятельности. Кроме того, со временем происходит эмоциональный «поворот на

111

себя». С этого «поворота» эмоции отражают качества индивида как условия осуществления задачи и деятельности в целом [242, с. 497]. Во всяком случае, развитие личности в качестве субъекта деятельности начинается с интериоризации культурной системы смыслов, релевантной данной деятельности. Это развитие следует основной закономерности: индивидуальный субъект с его внутренним планом деятельности нарождается из совместных действий с взрослыми, которые передают ребенку функции самодетерминации деятельности.

Ранее уже отмечалось, что субъект как инстанция психической регуляции активности является высшей психической функцией. Логически закругляя этот тезис, можно предположить, что формирование личности как субъекта деятельности проходит ряд универсальных стадий. Согласно культурно-исторической теории Л.С.Выготского, высшая психическая функция первоначально существует в интерпсихическом плане, из которого сворачивается и погружается в интрапсихический план [72]. Существенное дополнение к культурно-исторической психологии Л.С.Выготского предлагается в деятельностном подходе. Здесь утверждается, что интериоризация культурных

психических функций осуществляется в процессе и по поводу совместно выполняемых видов деятельности. Совместная деятельность между взрослым как персонифицированным носителем культурного опыта и ребенком является той рамкой, в которую «вставлен» генезис высших психических функций. Поэтому содействие понимается как источник социализации индивида и рождения личности в онтогенезе [30; 133; 242]. Так, В.А.Лекторский пишет: «Индивидуальный субъект, его сознание и познание должны быть поняты, учитывая их включенность в различные системы коллективной практической и познавательной деятельности» [131, с. 281].

Действительно, одна из главнейших закономерностей онтогенеза такова, что индивидуальному субъекту предшествует коллективный субъект. Это значит, что первоначально деятельность ребенка оценивается и корректируется взрослым или группой взрослых, которые олицетворяют собой общество и сличают действия ребенка с культурно выработанным эталоном деятельности. В этом эталонном образе деятельности спрессован опыт многих поколений по реализации определенных смысловых потребностей. Разумеется, что культурный эталон деятельности вбирает в основном наиболее успешные способы реализации той или иной смысловой потребности. Такие эталоны - «обще-

112

ственно-исторические формы деятельности» (К.А.Абульханова-Славская) - бытуют в культуре как «технологическое приложение» к смысловым образующим культуры. Поэтому в процессе интериоризации культурного опыта фазы преимущественного научения способам деятельности чередуются с фазами преимущественного овладения смыслами и мотивами деятельности. Противоречия в развитии операционально-технической и смысловой сторон деятельности являются движущими противоречиями психического развития личности как субъекта деятельности [46; 85; 133; 242].

Этот вывод правомерен и в отношении развития личности как субъекта деятельности. Движущим противоречием формирования личности как субъекта служит противоречие между смысловыми потребностями личности и неадекватными им возможностями деятельности. Критические периоды развития субъекта обусловлены расхождением наличной деятельности с новыми образцами, которые преподносит культура. Периоды стабильного, литического развития субъекта заполнены овладением новыми, более прогрессивными, сложными и эффективными образцами деятельности. Переходы между критическими и литическими стадиями развития субъекта провоцируются возникновением новых образцов деятельности, более адекватных смысловым потребностям личности. Неадекватность наличной деятельности смысловым потребностям личности переживается в форме эмоциональных явлений, которые некоторыми авторами определяются как «оценивающие эмоции» или «эмоции успеха-неуспеха». Непосредственная функция этих переживаний - это оценка деятельности, как удовлетворительной или неудовлетворительной с точки зрения реализации смысловой потребности. Глубинная функция состоит в том, что эти переживания сигнализируют личности о необходимости всмотреться в свою деятельность и изменить ее; это своего рода требования, предъявляемые изнутри самой деятельности, сигналы о внутреннем противоречии в ней. Это противоречие заставляет личность активно вклиниваться в ход деятельности с тем, чтобы приспособить ее к соответствующей смысловой потребности.

Недовольство личности собственной деятельностью и собой как главным ее условием есть тенденция к самоизменению, импульс к развитию субъекта деятельности. Здесь в зачаточных формах можно увидеть субъектные действия и точки роста субъектных способностей личности. Но еще раз повторим, что

113

для обнаружения и устранения такого противоречия ребенок какое-то время нуждается во взрослом, который владеет культурным прототипом деятельности. С точки зрения этого

эталона, сравниваются реальные результаты деятельности ребенка и объективные требования к ней. Если изъять из ситуации общения взрослого и ребенка эти культурные эталоны деятельности, то путь развития субъекта деятельности обращается в путь «проб и ошибок». Привилегией психического развития человека является возможность приобщения к социальному опыту, в котором аккумулирован деятельностный опыт «проб и ошибок» предыдущих поколений людей. Не оставь они культурных эталонов деятельности и способов их трансляции последующим поколениям, каждому человеку пришлось бы формировать индивидуальный субъектный опыт - наугад искать оптимальные формы деятельности и не раз спотыкаться при реализации смысловых необходимости. Сотрудничество взрослого с ребенком по ходу совместной деятельности позволяет ребенку достаточно быстро и безболезненно набрести на оптимальные формы деятельной реализации смысловой необходимости. Его индивидуальный опыт многократно усиливается культурными эталонами деятельности, завещанными ему многими поколениями предшественников.

В этой связи при оценке деятельности ребенка взрослый выступает не от собственного имени, он действует на основании культурного эталона деятельности, в котором кристаллизован совокупный социальный опыт. Поэтому правильным будет полагать, что первичным субъектом активности, направленной на изменение, оптимизацию и совершенствование деятельности ребенка, является групповой субъект, или полисубъект. Конечно, правку деятельности в конечном итоге осуществляет сам ребенок, ведь она принадлежит только ему. Но он способен сделать это только в тесной кооперации с взрослым. Можно сказать, что те психические функции, на которых специализирован субъект, на этой стадии поделены между ребенком и взрослым, то есть существуют в интериндивидуальном плане. Уровень психологической готовности ребенка как индивидуального субъекта можно определить по тому сравнительному вкладу, который он вносит в развитие совместной - диадной или коллективной деятельности. «Индивидуального субъекта мы можем определить по его неповторимому вкладу в совокупную (Д.Б.Эльконин), целостную деятельность, по степени участия ребенка и взрослого в ее «проектировании», построении и развитии» [129, с. 18].

114

В чем конкретизируется активность группы или конкретного взрослого как субъекта деятельности, выполняемой ребенком? В «интерсубъектных» действиях, которыми взрослые помогают ребенку. В качестве этих действий могут выступать указания, инструкции, похвалы, демонстрации, команды и прочие воздействия, которые взрослый оказывает на ребенка. Общее во всех этих действиях - стремление взрослого научить ребенка не только оптимальным с точки зрения результативности способам деятельности, но также избранным способам организации системы ее саморегуляции. Взаимодействие взрослого с ребенком опосредуют и сопровождают внешние оценки деятельности ребенка. По этой причине способы воздействия взрослого на ребенка носят оценочный, а значит - смысловой характер. В осмысленности действий ребенка - росток развитой в будущем системы смысловой регуляции и начало субъекта деятельности. Если закрыть глаза на широкий спектр оценок, которыми взрослый маркирует отдельные действия, операции или даже целую деятельность ребенка, то останется базовая дихотомия смыслов «хорошо - плохо». Как пишет А.М. Лобок, «маленький ребенок осваивает смыслы окружающего его предметного мира... наблюдая за действиями взрослых и за сопровождающими эти действия эмоциональными репликами» [148, с. 518]. «Младенец начинает испытывать потребность в оценке своего участия в «общем деле». Разумеется, в оценке положительной, но именно - за дело» [129, с. 20]. Эмоциональный аккомпанемент, которым взрослый провожает каждое действие ребенка, является абсолютно необходимым условием зарождения субъекта. Ребенок, конечно, копирует и имитирует образцы деятельности, предъявляемые взрослым. В этом проявляется «взрослоцентризм» (Д.Б.Эльконин) детей. Однако репликацией и репродукцией этих культурных эталонов дело не заканчивается.

Ребенок экспериментирует с культурными образцами, как бы проверяя деятельность на прочность, пластичность, растяжимость, пригодность в различных условиях. Ярким примером экспериментирования с культурными образцами деятельности являются инверсионные действия. Это действия - перевертыши, в которых переворачивается и выполняется с точностью наоборот какое-либо культурное действие. «Оперирование перевертышами позволяет ребенку не просто прочнее усвоить норму, но также осмыслить источники ее происхождения и - что особенно важно - границы ее применения» [129, с. 22]. Инвертирование ребенком культурных эталонов деятельности

115

должно вознаграждаться, а не пресекаться, как того требует традиционная педагогика. Эксперимент над культурными аналогами является внешней развернутой формой и средством осмысления ребенком своей деятельности. Поэтому в нем - зачатки тех умственных действий, которые обеспечивают процессы смыслооб-разования. Не случайно С.Ю.Степанов рассматривает смысловую инверсию как механизм обогащения смыслового опыта личности [203]. Впоследствии, по мере усвоения культурного эталона деятельности и системы смысловых оценок, ребенок перенимает от взрослого функции осмысления своей деятельности. Кроме того, ему прививаются культурные способы воздействия на деятельность, которыми опосредованы субъектные действия. Такие способы самооценивания, как, например, самопоощрение, самонаказание, самостимуляция, являются сугубо культурными. На определенном этапе субъектные действия со всеми обеспечивающими их психическими процессами становятся достоянием сознания личности. Они реализуются в «интрасубъектном» плане. Благодаря этому личность начинает существование автономного субъекта деятельности. Психологическим эффектом вступления личности в обязанности субъекта является авторизация деятельности, то есть ее «авторское», нешаблонное осуществление личностью.

В нарисованной перспективе по-новому могут быть интерпретированы факты развития личности как субъекта деятельности и жизни. Так, к примеру, становится очевидным тот факт, что «секреты» мастерства в определенной сфере деятельности невозможно почерпнуть из учебника без взаимодействия опанта с живым носителем этой деятельности. Высокий уровень мастерства в определенной сфере деятельности превосходит просто умелость как хорошее владение приемами, способами и средствами деятельности. Мастерство - это прерогатива субъекта деятельности, который может не только адекватно применять на практике свои умения, но также шлифовать, оттачивать их. Для этого ему необходимы эталоны и мерки мастерского исполнения деятельности, с которыми сличаются его собственные действия и операции. Иначе говоря, мастерство проявляется не в большом запасе умений и навыков выполнения некоторой деятельности, а в умении организовать систему саморегуляции, наладить субъектную активность, «опекающую» данную деятельность. Живой меркой, эталоном мастерства выступает уже достигший определенных высот в деятельности мастер. Поэтому мастерству нельзя

776

научиться, его можно только передать и перенять, как говорится, «из рук в руки». Эта и есть передача субъектного опыта, то есть опыта организации субъектной активности и самодетерминации в деятельности.

Таким образом, развитие личности как субъекта деятельности подчиняется универсальной закономерности формирования высших психических функций. Личность как субъект проявляется сначала в контексте совместной деятельности, где субъектность деятельности обставлена интерсубъектными действиями ребенка и взрослого. Намного позже, по мере интериоризации основных функций субъектности, личность автономизируется и становится способной к самостоятельному управлению собственной деятельностью. Психологическими предпосылками становления личности как самостоятельного субъекта деятельности являются следующие условия: формирование иерархической системы динамических смысловых систем, интериоризация культурного

опыта и накопление индивидуального опыта деятельной реализации смысловой необходимости (субъектного опыта). Во всех случаях действует «железная» закономерность: «Изначальным и подлинным субъектом всех форм деятельности (особенно предметно-практической) является коллективный субъект; лишь включаясь во все многообразие коллективных форм деятельности, индивид приобретает форму субъективности, форму сознательной регуляции своей индивидуальной деятельности» [85, с. 216].

Различные виды активности человека объективно требуют участия разных механизмов, уровней и логик психической регуляции. Деятельность и «обволакивающая» ее субъектная активность личности с необходимостью востребуют логику смысловой регуляции. Системное описание разнообразных логик психической регуляции предлагает Д.А.Леонтьев в мультирегуляторной модели личности. Логика психической регуляции отвечает на ключевой для психологии личности вопрос: почему люди делают то, что они делают? Возможны, по меньшей мере, шесть ответов на этот вопрос, каждый из которых отражает один из шести механизмов психической регуляции. В качестве самостоятельных выделяются логика удовлетворения потребностей, логика реагирования на стимул, логика предрасположенности, логика социальной нормативности, логика смысловой необходимости и логика свободного выбора. По мнению автора данной модели, перечисленные логики состоят в иерархических отношениях: вышележащая логика подчиняет нижележащую логику психической регуляции. В реаль-

117

ном поведенческом акте констеллируют сразу несколько логик психической регуляции, одна из которых создает ведущий, а остальные - фоновый уровень детерминации [144].

Во многом сходную модель выстраивает М.Страс-Романовская в рамках экзистенциально-персоналистической концепции судьбы. Исследователь постулирует различные системы отношений человека с миром: биологическую, социальную, экзистенциальную. На регуляции человеческого бытия в этих измерениях специализируются различные структуры и механизмы психики. В биологическом измерении человек руководствуется «принципом наслаждения» или «хочу», который узаконен его потребностями. В социальном измерении человек послушается конвенциональным предписаниям по принципам реальности («могу») и долженствования («должен»). В экзистенциальном измерении человек ориентируется на бытийные ценности и смыслы. Его экзистенциальное кредо - «это важно для моей жизни» [281].

В контексте настоящего исследования наиболее важно выяснить, почему же логика смысловой необходимости иерархизирует все остальные регуляторные логики. Прямого ответа на этот вопрос исследователи не предлагают. На наш взгляд, доминирование логики смысловой необходимости обусловлено специфическими преимуществами, которыми система смысловой регуляции одаривает личность. Эти преимущества заключаются в том, что с участием смысловой регуляции может быть превзойден любой регуляторный фактор не смысловой природы, а в некоторых случаях - и исконно смысловые детерминанты. Дело в том, что всякая сила, детерминирующая деятельность личности, должна быть санкционирована самой личностью. Это положение есть частное следствие психологического закона о том, что внешние условия не механически определяют активность, а в преломлении через совокупность внутренних условий - личность. Принцип детерминизма в такой его редакции наиболее годится для изучения личностно-субъектного уровня регуляции деятельности. Всякая детерминанта, преломляясь через личность как совокупность внутренних условий, наделяется определенным смыслом. Личность как субъект собственно и представляется как система осмысления внешних и внутренних факторов, условий деятельности. Регуляторная сила этих факторов и условий напрямую зависит от того смысла, который они снискали в преломлении через личность. Личность как бы уполномочивает или, наоборот, разжалует действующие причины, наделяя их определенным регулятор-

ным смыслом. Можно также сказать, что не всякая действующая причина становится детерминантой деятельности, а лишь в зависимости от личностного смысла. Личность избирательна в выборе тех причин, которые она пропускает в систему психологической регуляции деятельности. Чем же определяется эта высокая селективность личности в отношении падающих на нее детерминант? С нашей точки зрения, эту избирательность необходимо усматривать в смысловой необходимости, которой живет личность. Действительно, если представить, что все сваливающиеся на личность воздействия автоматически отклоняли бы линию деятельности, то о реализации смысловой необходимости не было бы и речи. Поэтому смысловые структуры личности осуществляют селекцию тех детерминант, которые не сбивают личность с генеральной линии реализации ее смысловой необходимости. Детерминанты, облегчающие для личности реализацию смысловой необходимости, осмысляются как позитивные условия, средства, просто благоприятные сопутствующие факторы ее деятельности. В противном случае, когда детерминанты противоречат смысловой необходимости личности, они получают отрицательный личностный смысл и задерживаются личностью. Такие детерминанты осмысляются как преграды на пути реализации смысловой необходимости личности.

Таким образом, мы видим, что личность активна по отношению к внешним и внутренним детерминирующим условиям, а возможность этой субъектной активности создает именно смысловая регуляция. Активность личности по отбору и санкционированию факторов, регулирующих ее деятельность, является одним из проявлений субъекта деятельности. Эта разновидность субъектной активности защищает систему психической регуляции деятельности от тех помех и возмущений, которые могли бы столкнуть деятельность с курса реализации смысловой необходимости. Личность как субъект деятельности встает в смысловое отношение не только к внешним и внутренним составляющим ее деятельности, но также ко всем воздействующим на эту деятельность факторам. Ограждая от разного рода помех, личность предохраняет свою деятельность, и гарантирует успех в реализации смысловой необходимости. Напротив, позволяя отдельным факторам занять место в системе психической регуляции деятельности, личность аккумулирует условия для успешной самореализации.

Субъектная активность личности в этом направлении также представлена субъектными действиями. Эти действия могут быть

7 79

внутренними, свернутыми, и внешними, развернутыми. Поясним это на примерах. Например, в систему психической регуляции деятельности может вторгнуться внезапно возбужденная потребность, которая отвлекает личность от реализации ее смысловой необходимости. В этом случае личность как субъект деятельности может предпринять внутренние действия, связанные с сознательной дискредитацией возникшего соблазна. Внешние субъектные действия заметны в том случае, когда личность пытается манипулировать своим окружением с целью устранения из него смущающих факторов. Простейший пример тому - поведение человека, который старается бросить курить. Важно, чтобы его позиция по отношению к табаку была обоснована смысловыми структурами. Тогда активность по отвыканию от вредной привычки переходит в ранг отдельной деятельности. Так вот, личность, реализующая такую деятельность, может сознательно и осмысленно избегать общества курящих людей. Причина тому простая: эти люди своим поведением искушают личность и ее потребность в курении, а, следовательно, имеют отрицательный личностный смысл помех для реализации смысловой необходимости «бросить курить». В этом примере субъектные действия - это те меры поведения, которые человек предпринимает для того, чтобы не встретиться с помехами для своей смысловой необходимости, своей деятельности.

Теперь обратимся к более подробному анализу соотношения различных регуляторных

логик. Каждая регуляторная логика жестко и однозначно связана с определенными внешними или внутренними детерминирующими факторами. Логика удовлетворения потребностей - с потребностями и влечениями индивида, логика реагирования на стимул - с приобретенными условными рефлексам, логика предрасположенности - с укорененными в индивидуальном опыте навыками, привычками и стереотипами, логика социальной нормативности - с социальными предписаниями и ожиданиями к личности. Все эти детерминанты конкурируют за доминирующее место в системе психической регуляции деятельности, норовят подчинить себе деятельность личности. Личность как субъект может им противопоставить систему смысловой регуляции, с помощью которой возможно выборочное санкционирование тех или иных детерминант. Поэтому логика смысловой необходимости, которая обеспечивается смысловыми структурами личности, субординирует все перечисленные регуляторные логики. Реализуя логику смысловой необходимости, личность функ-

120

ционирует как субъект собственной деятельности и субъект саморегуляции. Здесь актуализируется дополнение, которое внес А.Н.Леонтьев в принцип детерминизма: внутреннее действует через внешнее и тем самым себя изменяет и детерминирует [133]. Расшифровать этот принцип в рамках нашего исследования можно следующим образом: личность как система смысловой регуляции определяет значимость тех или иных детерминант и тем самым детерминирует себя и свою деятельность, в чем объективирует свою субъектность.

Детализируем высказанные выше концептуальные идеи. Продемонстрируем, в частности, соотношение логики смысловой необходимости с логикой предрасположенности и логикой социальной нормативности. Проблему соотношения логики смысловой необходимости с логикой предрасположенности можно перевести в плоскость обсуждения проблемы «личность и характер». Обзор различных научных версий о соотношении личности и характера дан Ю.Б.Гиппенрейтер, поэтому специально останавливаться на этом не будем [79]. Отметим лишь, что характер понимается как совокупность характерных для личности способов действия и социального поведения [16; 46; 79]. «Притаким подходе отличие характера от личности обычно разъясняется следующим образом: черты характера отражают то, как, какими способами действует человек, а черты личности - то, в каком направлении, ради чего он действует» [79, с. 11]. Важно то, что структуры характера предрасполагают личность к определенным способам реагирования и поэтому относятся к логике предрасположенности. По сути, вопрос о соотношении логики предрасположенности с логикой смысловой необходимости - это вопрос о влиянии личности на свой характер. Принципиальное решение этого вопроса в признании факта, что личность в своем развитии и функционировании «снимает» (преодолеывает) стереотипизированные способы поведения, засевшие в ее характере. Поэтому в жизни встречаются хорошие люди с плохим характером, и плохие люди с «золотым характером». «Снятие» личностью характера происходит не автоматически, а в процессе особой работы над собой, которую мы назвали субъектной активностью. Те образования характера, которые не удовлетворяют личность по своему влиянию на реализацию смысловой необходимости, подавляются, изживаются и сглаживаются. Такие черты характера личность сдерживает и старается не выказывать. Те черты характера, которые по своему смыслу допускаются личностью в регуляцию поведения

121

и деятельности, образуют предпосылки дальнейшего формирования личности. В онтогенезе неизбежно наступает такой момент, когда характер и личность меняются местами: если до этого момента поведение личности всецело определялось характером, то после него характер определяется личностью настолько, насколько личность позволяет характеру проявляться в поведении. «По мере своего развития личность начинает все

более выступать в качестве детерминанты поведения, что приводит к стиранию характера, а точнее - к «снятию» его личностными образованиями» [79, с. 21].

Проиллюстрируем теперь соотношение логики социальной нормативности с логикой смысловой необходимости. Этот вопрос упирается в более широкую проблему соотношения личности и факторов социальной регуляции ее деятельности. Мы же раскроем это соотношение в системе «личность - социальная роль». Социальная роль понимается как нормированная программа социального поведения, регламентирующая участие личности в определенных сферах общественной жизни [118]. Существуют концепции, которые отождествляют личность с системой интернализованных социальных ролей. Однако эти концепции, если можно так выразиться, отмахиваются от многих психологических феноменов, как, например, внутренние личностно-ролевые конфликты и социально-психологические конфликты личности и социального окружения на почве неоправданных личностью ролевых экспектаций. А ведь именно смысловой конфликт личности со своей ролью выпячивает несовпадение личности с этой ролью. В этом случае наблюдается отбрасывание личностью своей роли, что можно считать частным проявлением соотношения смысловой и социальной регуляции. Личность в данном случае отказывается от социальной роли потому, что эта роль каким-то образом препятствует реализации ее смысловой необходимости, не удобна и не угодна личности по своему смыслу. Противоположная картина наблюдается там, где социальная роль является социальным способом для самореализации и самовыражения личности. В этом случае личность акцептирует социальную роль по смыслу, полагая ее удобной возможностью для осуществления смысловой необходимости. Не случайно А. Н. Леонтьев указывал, что принятая личностью роль - это уже не роль, а личностная миссия [133, с. 170]. В этих жизненных соотношениях личности с социальной ролью обнаруживается факт несводимости личности к социальной роли. Наоборот, личность решает судьбу

122

социальной роли в зависимости от того смысла, который приобретает эта роль в свете смысловой необходимости личности.

Таким образом, логика смысловой регуляции доминирует в системе регуляторных логик, что связано с особенными функциями смысловых структур личности. За счет этих функций личность превращается в субъекта, который налаживает не только саму деятельность, но и систему психической регуляции деятельности. При этом займет или не займет та или иная детерминанта свое место в системе психической регуляции деятельности, напрямую определяется ее смыслом для личности. Это значит, что личность является главной детерминантой в системе психической регуляции деятельности и, следовательно, субъектом этой деятельности.

С этой точки зрения следует пересмотреть некоторые определения, в которых личность фигурирует как система противодействия всем неличностным детерминантам активности человека или как система их нейтрализации. По существу такие определения повторяют старую ошибку, которая заключается в попытке выдать взаимодействие разноуровневых детерминаций в виде конфронтации [24]. В простейшем виде - это теории конфронтации биологических и социальных факторов в детерминации личностной активности. К сожалению, эта ошибка возрождается в рамках все новых формулировок личности. Так, например, Д.А. Леонтьев считает, что личность регулирует свою активность «в противовес секундным импульсам и внешним стимулам» [144, с. 154]. Бывают, конечно, ситуации, что личность вынуждена нейтрализовать эти детерминанты активности в интересах своей смысловой необходимости. Но бывают также ситуации, когда личность хватается за эти детерминанты как за удобно подвернувшийся шанс реализации своей смысловой необходимости. Поэтому нельзя догматизировать противоположность смыслового уровня и неличностных уровней психической регуляции. Такое определение личности имплицитно поляризует функциональные отношения между смысловой регуляцией и другими системами психической детерминации. Поэтому оно может быть принято лишь

отчасти.

Действительно, смысловая регуляция позволяет личности превозмочь силу рефлекторного реагирования на стимул, внезапно пробудившегося влечения, высвободиться из-под власти диспозиции и социальной необходимости. Однако вытесняет ли смысловая регуляция эти детерминанты из системы психической регуляции деятельности вообще? Неужели логика смысловой

123

необходимости оккупирует и монополизирует деятельность? Очевидно, что ответы на эти вопросы будут отрицательными. Всякая деятельность осуществляется сразу на нескольких взаимослаженных и содействующих один другому уровнях психической регуляции. Психологические свойства деятельности зависят от того, какой уровень регуляции является ведущим, а какие уровни субдоминантными. Другими словами, психологическая характеристика активности человека определяется причастностью личности к этой активности. Активность человека облекается в форму деятельности в том случае, если ведущий уровень психической регуляции деятельности образован смысловыми структурами личности. Деятельностная форма активности релевантна личности как субъекту деятельности. Именно личность обладает динамическими смысловыми системами, которые выступают в качестве собственных «мотивов» деятельности и квантуют активность на самостоятельные виды деятельности. Когда активность выполняется не на смысловом уровне, а на других уровнях психической регуляции, личность непосредственно в нее не включается. Значит, в нее не ангажируется и субъект и активность не может претендовать на статус деятельности. Такая активность оказывается не столь подконтрольной и подотчетной личности, как это бывает при включении смысловой регуляции активности.

Отсюда можно заключить, что смысловая регуляция является ведущим уровнем психической регуляции деятельности. На этом уровне психической регуляции в права субъекта деятельности вступает личность. Но может ли личность справиться с управлением деятельностью без участия нижележащих уровней психической детерминации? Конечно, не может. Поэтому личность регулирует деятельности по логике смысловой необходимости не в противовес и не вопреки другим психическим регуляторам, а совместно с ними. Однако не следует думать, что каждый уровень системы психической регуляции деятельности детерминирует ее по-своему. Такая ситуация привела бы к расшатыванию, дизрегуляции деятельности и сделала бы ее беспорядочной. Все уровни психической регуляции работают так, чтобы в рамках своих «полномочий» максимально содействовать другим уровням и, в конечном итоге, фасилитировать деятельность. Координирует эту работу уровней именно смысловая регуляция, которая «снимает» каждый из уровней в отдельности и сводит их в единую динамическую систему. Систему психической регуляции деятельности можно образно представлять как иерархию уровней, но также

124

можно моделировать в виде планетарно-спутниковой системы. Центром этой системы является динамическая смысловая система личности, которая конституирует деятельность и является «ядром» ее психической регуляции. Эта динамическая смысловая система обуславливает содержание смысловой необходимости, которую личность воплощает в деятельности. Динамическая смысловая система «излучает» смыслы, которыми освещаются (смыслообразуются) все прочие детерминанты деятельности. Эти детерминанты как бы вращаются на периферии системы психической регуляции деятельности. Причем чем ближе «орбита» той или иной детерминанты прилегает к центру, тем весомее ее вклад в психическую регуляцию деятельности. Радиус «орбиты» в свою очередь зависит от смысла той или иной детерминанты в контексте смысловой необходимости личности: чем в большей степени детерминанта способствует реализации смысловой необходимости, тем ближе к функциональному центру пролегает ее «орбита».

Образно говоря, такие детерминанты личность подпускает к себе близко, то есть позволяет им вмешиваться в регуляцию своей деятельности. Наоборот, те детерминанты, которые освещаются отрицательным смыслом, вообще не втягиваются в систему психической регуляции, так как могут грубо нарушить траекторию деятельности.

Можно попытаться вывести общий закон личностной регуляции активности - закон зависимости места и роли конкретной детерминанты в системе психической регуляции от личностного смысла этой детерминанты. **Вклад той или иной детерминанты в психическую регуляцию деятельности определяется ее смыслом в рамках смысловой необходимости, реализуемой данной деятельностью.** Этот закон обобщает и более частную закономерность, действующую в границах уровня собственно смысловой регуляции, а точнее - в пределах динамической смысловой системы личности. Эта закономерность была обнаружена Д.А.Леонтьевым и оприходована как принцип зависимости регуляторного воздействия смысловой структуры от ее места в функциональной ДСС (динамической смысловой системе - К.К.) регуляции деятельности [144, с. 240].

Результаты проведенного анализа показывают, что регуляторное влияние любой психической структуры зависит от ее места в динамической системе психической регуляции деятельности. Что касается смысловых структур, то и они не являются исключением из данного закона. Вклад той или иной смысловой

125

детерминанты в психическую регуляцию деятельности определяется системным смыслом этой детерминанты в рамках динамической смысловой системы регуляции деятельности. Таково внутреннее соотношение между смысловой регуляцией и всеми остальными детерминантами не смысловой природы в системе психической регуляции деятельности.

Итак, личность действует не в противовес детерминантам не смысловой природы; она их ассимилирует по смыслу и интегрирует в динамическую систему психической регуляции. Психофизиологическим аналогом такой психологической системы является функциональная система регуляции активности [19; 209]. В динамической системе психической регуляции деятельности все детерминанты не смысловой природы присутствуют в личностно превращенном виде. Смысловым отношением личности они наделяются сверхчувственными регуляторными качествами. Так, непосредственная потребность, опосредованная смысловыми структурами личности, перерастает в личностную ценность, условно-рефлекторный стимул становится личностно значимым знаком или символом, социальная роль обращается в личностную миссию, а способ поведения, безликий навык, черта характера может преобразоваться в самостоятельный мотив личности. В таком «снятом» личностью виде эти детерминанты и связываются в динамической системе психической регуляции деятельности.

Функциональные соотношения смыслов и других детерминант не смысловой природы подобно тому отношению, которое В.Франк называет соотношением причин и оснований поведения. Причины представлены побуждениями, влечениями, инстинктами, механизмами обусловливания, а субъективные основания - ценностями и смыслами. По мнению Франкла, причины не властны над человеком до тех пор, пока он не подведет под них субъективное основание [224, с. 82]. Иначе говоря, регулирующее воздействие того или иного фактора на деятельность человека может быть уполномочено лишь соответствующим смыслом этого фактора. Сам по себе этот фактор без санкционирующего отношения личности лишен регуляторной силы применительно к деятельности. Поясним сказанное на примере. Допустим, человек панически боится высоты, но желает обучиться прыжкам с парашютом. Паническая боязнь в данном случае будет регулировать его поведение с точки зрения удовлетворения потребности в самосохранении. Стремление научиться прыжкам с парашютом будет являться для него смысловой необходимостью. Как поведет себя такой человек

126

перед первым в своей жизни прыжком? В этой ситуации страх приказывает человеку стоять, заставляет его оцепенеть, а смысловая необходимость командует оттолкнуться, ступить в бездну. Очевидно, что для того, чтобы прыгнуть, ему будет необходимо внутренне перебороть свой страх. Ясно также, что психологически борьба со страхом будет выражаться в психологической девальвации этого страха - в осмыслении его как барьера на пути к заветному стремлению. В конце концов, поведение человека будет определяться его способностью к смысловой регуляции: либо страх «заклинит» реализацию смысловой необходимости личности, либо личность переосмыслит и заглушит свой страх. Для регуляции поведения «значимы не наши страхи и не наша тревожность, а то, как мы к ним относимся» [224, с. 79].

Аналогичный пример с парашютированием разбирает А.Н.Леонтьев в целях анализа психологической сущности воли [132]. Приведенные им данные позволяют дорисовать картину внутренней борьбы между смысловой необходимостью и логикой удовлетворения потребностей. В первую очередь интерпретация фактов, изложенных А.Н.Леонтьевым, наводит на мысль, что различным логикам психической регуляции соответствуют различные психофизиологические механизмы и уровни организации активности. Так, низшим логикам психической регуляции отвечают подкорковые уровни, в то время как логика смысловой регуляции обеспечивается корковыми процессами. Это закономерно потому, что различные логики психической регуляции корреспондируют с различными видами активности человека, а эти виды активности имеют различную психофизиологическую представленность. Наиболее интересный фактический материал в работе А.Н.Леонтьева - интерпретация психологических причин отказов от прыжка. Отказы прыгать учащались тогда, когда испытуемые были не мотивированы спуститься на парашюте вниз, то есть у них отсутствовала смысловая необходимость. «Неприятно в никуда шагать, а куража, сознания высоты, отважности, риска нет. Получается неуравновешенность: верхний уровень не командует, потому что он очень слабый, а нижний уровень сам по себе громко кричит: «не хочу!» [132, с. 10]. Отказы от прыжка становились реже в том случае, когда экспериментатор выключал парашютисту зрительное пространственное поле или инструктировал «просто шагнуть вперед» в роковой момент внутренней борьбы. При помощи этих хитрых уловок подавлялся страх высоты и, следовательно, расчищался путь для реализации смысловой необходимости. Опи-

127

сывается также случаи с женщиной, которая ретировалась из-за страха, не спрыгнула. На следующий день эта же женщина пришла пристыженная и полная решимости спрыгнуть во что бы то ни стало. По мнению А.Н.Леонтьева, у этой отказницы психологическая ситуация прыжка осложнилась высшей регуляцией - социальными мотивами и мотивами самоутверждения, которые подтолкнули ее к повторной попытке [132, с. 11]. Таким образом, в рассмотренном примере на передний план выступают сложные отношения между регуляторными логиками различной психологической природы. Во всех случаях смысловое отношение личности оказывается решающим фактором в детерминации психологически трудного поступка.

В этом пункте анализа можно еще раз возвратиться к вопросу о необходимости постулировать свободу и ответственность как механизмы, преодолевающие смысловую необходимость. На наш взгляд, такой необходимости нет, потому что способность субъекта превозмочь смысловую необходимость объясняется возможностями самой смысловой регуляции. Незачем «плодить» красивые, но не верифицируемые объяснения и без того объяснимых фактов. Как полагает В.Франки, «человеческая свобода - это конечная свобода. Человек не свободен от условий. Но он свободен занять позицию по отношению к ним» [224, с. 77]. Другими словами, свобода человека по отношению к детерминантам своей активности - это свобода личностно-смыслового отношения к этим детерминантам. Относительная автономия субъекта от собственной смысловой необходимости также заключена в способности отнестись к ней как к условию своего существования. Свобода

субъекта в отношении смысловой необходимости коренится в способности отделиться от этой необходимости с тем, чтобы придать ей определенный функциональный смысл. Как пишет С.Л.Рубинштейн, «свобода человека - в возможности самому определить линию своего поведения, отвергнув все решения, несовместимые с ней» [186, с. 281].

Каждому уровню психологической организации активности человека - своя регуляторная логика. Все логики психической регуляции, известные в зарубежных и отечественных исследованиях, можно условно сгруппировать по трем категориям. Первая категория представлена теми логиками психической регуляции, которые регламентируют активность человека как биологического индивида. Это - логика удовлетворения потребностей и логика реагирования на стимул. Эти логики психической регуляции

128

считаются необходимыми и достаточными для уравнивания активности индивида с биологической средой и носят явно выраженный гомеостатический характер. Попытки возомнить одну из данных логик главным регуляторным принципом активности человека остро и по существу критиковались В.А.Петровским [178]. Однако не следует и полностью отречься от этих логик психической регуляции человеческой активности; надо просто ограничить диапазон их распространения в объяснении активности человека. Подчеркнем, что гедонизм и гомеостазис, заложенные в основание этих логик, являются принципами детерминации активности биологического индивида.

Эти логики психической регуляции присущи психике человека наряду с психикой животных. Действительно, в психике животных доминируют два основных механизма психической регуляции: механизм безусловных рефлексов или инстинктивных реакций и механизм условных рефлексов или индивидуального опыта. Как пишет А.Н.Леонтьев, «у животных известны совместно действующие механизмы поведения двух типов. Это, во-первых, врожденные, наследственные механизмы поведения (безусловные рефлексы, инстинкты), во-вторых, механизмы, осуществляющие индивидуальное приспособление» [134, с. 120]. Отчетливо видна связь упомянутых логик психической регуляции с этими типами механизмов поведения. Так, логика удовлетворения потребностей в чистом виде разворачивается в инстинктивном поведении животных, которое запускается биологическим смыслом биотических факторов среды. Иначе говоря, логика удовлетворения потребностей прочно связана с врожденным биологическим смыслом тех или иных объектов среды и обслуживает фонд врожденного видового поведения. Логика удовлетворения потребностей во многом предзадана видовым генетически наследуемым опытом, в котором закодированы не только потребности живого существа, но и отвечающие им по биологическому смыслу объекты среды. Однако наследственный опыт не реализуется отдельной особью полностью в нетронutom, неизменном виде. Даже наиболее машиноподобные формы животного поведения приспособляются к изменчивым элементам среды. Этому служит период отсрочки, в который врожденные формы поведения не просто тренируются, но приравниваются к подвижным условиям среды. Под влиянием этих условий «врожденные механизмы поведения быстро обрастают условными рефлексами» [134, с. 121]. Психологическая сущность условных рефлексов как базы инди-

129

видуального опыта в том, что в них раздражитель с безусловным биологическим смыслом ассоциируется с абиотическим стимулом, благодаря чему последний может активировать поведение животного. Здесь появляется новая логика психической регуляции, а именно логика реагирования на стимул, непосредственно не являющийся биотическим фактором, но зато сигнализирующий о приближении такового. Реакции животных на условнорефлекторный стимул кажутся не имеющими отношения к удовлетворению их потребностей. Если, однако, проследить всю цепочку их формирования, то можно увидеть, как они вырастают из инстинктивного поведения за счет механизма подкрепления и оперантного обуславливания. Наглядный тому пример - поведение дрессированного животного,

наученного реагировать на определенный набор якобы нейтральных стимулов. Такое поведение выступает результатом дрессуры и приучения, основанных на логике подкрепления (удовлетворения) потребностей животного. «Основная функция, которую выполняют механизмы формирования индивидуального опыта, заключается в приспособлении видового поведения к изменчивым элементам внешней среды» [134, с. 123]. Перефразируя, отметим, что функция логики реагирования на стимул - в адаптации логики удовлетворения потребностей к вариативным стимулам, могущим сигнализировать о близости объекта потребности.

Третьей логикой, которую можно обнаружить в психической регуляции активности биологического индивида, является логика предрасположенности. Эта логика является пограничной между психикой человека и психикой животных. Она венчает усовершенствование механизмов хранения и накопления индивидуального опыта в условиях усложнения форм поведения. Эта логика базируется на принципе прагматизма, то есть рационализации и экономии усилий биологического индивида в процессе удовлетворения потребностей. Действительно, обратной стороной замыкания условного рефлекса является закрепление наиболее эффективных и отторжение наиболее неэффективных способов поведения. Без такого отбирающего механизма поведение животных стало бы похожим на беспорядочные метания, слепой перебор всех знакомых способов реагирования, хаотический процесс проб и ошибок. Психологические механизмы фиксации полезного опыта значительно сокращают усилия по выбору и реализации наиболее прагматичной стратегии поведения. Логика предрасположенности в регуляции активности собственно и от-

130

ражает фиксированные, проверенные, стереотипные и оправданные прошлым опытом способы поведения.

Можно ли настаивать на том, что перечисленные логики психической регуляции не присущи активности человека вообще? Ответим: конечно же, нет. На наш взгляд, недопустимо атрибутировать эти логики психической регуляции всем формам активности человека, в частности, расширять их на активность социального индивида и личности. Но в детерминации активности биологического индивида эти логики, несомненно, превалируют, что можно наблюдать, например, в период новорожденности и в раннем младенческом возрасте. Иногда эти логики психической регуляции «оккупируют» систему психологической регуляции активности взрослого или взрослеющего человека. Например, психологические механизмы регуляции аффективного поведения, которое является биологически сообразным, аварийным способом преодоления ситуаций, угрожающих самосохранению человека. «Аффект означает возвращение к инстинктивной форме мотивации в случае, если более совершенное поведение не обеспечивает необходимого результата» [69, с. 9]. Поведение человека в аффекте регрессирует на уровень удовлетворения базовых потребностей и реакций на аффектогенные стимулы. Шаблонность и персеверативность поведения человека, находящегося в состоянии аффекта, свидетельствуют о том, что аффективное отреагирование регулируется также по логике предрасположенности. Охваченный аффектом человек действует по схеме отработанных в опыте навыков, умений и автоматизмов.

С учетом всего вышесказанного можно утверждать, что в системе психической регуляции деятельности человека соседствуют различные регуляторные логики. Логики регуляции активности биологического индивида в нормальных условиях, как правило, сублимированы системами психической регуляции активности социального индивида и личности. И только в раннем онтогенезе и в ограниченном круге ситуаций взрослой жизни биологически сообразные логики захватывают систему психической регуляции активности человека.

Заметим также, что в условиях человеческой психики рассмотренные логики психической регуляции являются эволюционными гомологами, но не полными аналогами механизмов

психической регуляции поведения животных. Поведение животных урегулировано опытом двоякого рода: видовым опытом, фиксированным в механизмах инстинктов и безусловных рефлексов, и он-

131

тогенетическим опытом в форме системы условных рефлексов. Животное «стиснуто» пределами своего видового и индивидуального опыта, в условиях же человеческой психики эти пределы разжимаются общественно-историческим опытом. «В отличие от животных у человека имеется опыт еще одного рода. Это общественно-исторический опыт, которым человек овладевает в процессе своего онтогенетического развития... Присвоение общественно-исторического опыта создает изменение общей структуры процессов поведения и отражения, формирует новые способы поведения и порождает подлинно новые его виды и формы» [134, с. 123]. На этой основе развиваются особые механизмы психической регуляции и особые виды регуляторной логики, которые не встречаются в животном мире. Они-то и образуют вторую группу регуляторных логик.

Указанную категорию наполняют те логики психической регуляции, которые свойственны активности человека как социального индивида. К этой категории можно смело отнести логику социальной нормативности. Нормирование поведения социального индивида в соответствии с образцами общественно-исторического опыта является сквозным процессом в регуляции активности на данном уровне. Конвенциональные значения, способы социального действия, конкретные операции, предметные и коммуникативные социальные нормы, социальные роли все суть нормативы и регулятивы активности социального индивида. Другими словами, общий принцип психической регуляции по логике социальной нормативности - уподобление активности человека требованиям, исходящим от общественно-исторического опыта. Для этого развились специальные механизмы хранения, обогащения, обновления и трансляции общественно-исторического опыта. На уровне социального индивида эти механизмы конкретизируются как механизмы социализации. По меткой характеристике А.Н.Леонтьева, эти механизмы психической регуляции есть механизмы построения механизмов поведения человека [134, с. 123]. Становление и функционирование этих регуляторных механизмов происходит в теснейшем контакте и взаимодействии ребенка с социальным окружением, в процессе совместной деятельности. Логика социальной нормативности в какой-то момент переламинает логику удовлетворения потребностей, логику реагирования на стимул и логику предрасположенности.

Проанализируем яркий пример того, как происходит уподобление активности ребенка в раннем возрасте логике социального

132

норматива. В качестве социального норматива возьмем предметное значение, кристаллизующее совокупную общественную практику действия с предметом. Предметы, с «наслоенными» на них общественными значениями, предъявляют объективные требования к активности ребенка. Допустим, что младенцу вручается ложка, с помощью которой он должен поесть. До тех пор, пока он будет манипулировать ложкой в соответствии с ее физическими свойствами, логика социальной нормативности будет «молчать». Помощь взрослого заключается в том, что он управляет активностью ребенка: задерживает неадекватные и поощряет адекватные предметному значению акты обращения с ложкой. С тех пор, как ребенок впервые употребит ложку в соответствии с ее предметным общественным значением, его активность начнет перестраиваться. В конце концов предметное значение «решит» то, каким образом будет оперировать человек с предметом: место манипуляторной активности заступят предметные действия и операции, подчиненные социальному способу обхождения с предметом, общественному значению этого предмета. Еще более сложные трансформации претерпевает активность человека в процессе уподобления социальным нормам поведения. Этот процесс, по замечанию М.И.Бобневой, предполагает соизмерение индивидом способов и средств

индивидуального поведения с социальными мерками, образцами и моделями возможного и должного поведения [40].

Водораздел между естественными и социально необходимыми формами активности, таким образом, проходит там, где активность начинает уподобляться социальным нормативам.

Описанные виды регуляторной логики еще не имеют никакого касательства к собственно субъектно-личностной регуляции деятельности. «Личностные» логики регуляции активности - это логика смысловой необходимости и логика личностного выбора. Историческое развитие этих логик психической регуляции обязано реальным изменениям в строении деятельности и психического отражения человека.

Соотношение этих логик в регуляции активности животных и человека является наиболее интересным вопросом. Вопрос на самом деле не надуманный: ведь, как известно, активность животного обуславливается биологическим смыслом природных объектов и явлений, а следовательно, в психике животного можно усмотреть зародышевые формы смысловой регуляции. Однако говорить о том, что в психике животных впервые зарождается лич-

133

ностный пласт отражения и регуляции, никому не приходит в голову. В чем же противоречие? А противоречие кроется в объективных различиях между биологическим и личностным смыслом. Д.А.Леонтьев, например, дифференцирует смысловую регуляцию в психике животных и человека по критерию соотношения ценностей и потребностей как источников смысла. У животных потребности «монополизируют» смысловую регуляцию, а у человека остается выбор между потребностями и ценностями, а также между самими потребностями. По этой причине «понятия смысла и смысловой связи приложимы к описанию поведения и животных, и человека, но по-разному» [144, с. 272].

На наш взгляд, биологический и личностный смысл следует также разводить по критерию устойчивости: биологический смысл нестабилен, он флуктуирует под воздействием складывающейся ситуации, а личностный смысл устойчив и трансситуативен. За этой особенностью лежит более основательное субстанциональное различие биологического и личностного смысла. С субстанциональной точки зрения биологический смысл не является составляющей психики животных, он - такое свойство природных объектов и явлений, которое мобилизует активность живого существа. В психике животных, кроме потребностей, нет иных структур, которые можно было бы отнести к разряду смысловых образований. Активность животных регулируется смыслом тогда, когда биологическая потребность раздражается определенным стимулом с безусловным биологическим смыслом. Поэтому активность животных не может выходить за границы непосредственно воздействующей среды. Животное не может преобразовывать природный мир, но лишь респондентно реагировать на него.

Личностный смысл субстанционален, то есть является образующей психики человека. В структуре психического отражения выделяется особый слой структур и процессов, в которых человеку дан личностный смысл окружения. Он не привязан жестко к каким-либо объектам и явлениям мира, как биологический смысл, но зато может диффундировать от одного объекта к другому. Человек как личность несет смысл в себе и поэтому его активность не нуждается в обязательной внешней стимуляции, раздражителями. Этим объясняется устойчивость смысловых отношений человека и способность на их основе изменять свой жизненный мир. Личностный смысл к тому же задает градиент изменения жизненного мира: мир сообразуется со смысловыми структурами личности. Смысловая регуляция, «при-

134

обретая у человека чрезвычайно разветвленные сложноопосредованные формы, ...позволяет ему освободиться от власти непосредственной ситуации, произвольно регулировать свое поведение, ставить и реализовывать отдаленные цели.

Детерминированность жизнедеятельности субъекта миром, выражающаяся в смысловых связях, развиваясь, переходит в свою диалектическую противоположность - в способность субъекта активно действовать, целенаправленно изменяя свой жизненный мир» [144, с. 275].

Более того, человек как личность оказывается способным действовать вопреки биологическому смыслу, что рельефно проступает, например, в подвиге, самопожертвовании, экстремальных видах деятельности и в прочих биологически неадаптивных формах поведения. Отрицательный биологический смысл, который диктует ситуация, в этих случаях гасится положительным личностным смыслом биологически нецелесообразного поступка. Конечно, биологический смысл и личностный смысл не всегда соударяются, ведь источником смыслообразования выступают биологические потребности, на базе которых формируются структуры личностной смысловой регуляции. Но человек все же способен отступать от биологически сообразной линии поведения, если того требует личностный смысл. Именно в этих отступлениях становится видна конкуренция логики удовлетворения потребностей и логики смысловой регуляции.

Таким образом, зачаточные формы механизмов смысловой регуляции встречаются в структуре психики животных. Однако эти механизмы основываются на биологическом, а не на личностном смысле, сохраняя интимную связь с логикой удовлетворения потребностей. У человека биологический смысл заменяется личностным смыслом, что связано с развитием личности и становлением логики смысловой необходимости и логики личностного выбора. Логика смысловой регуляции активности в условиях человеческой жизнедеятельности берет верх над логикой удовлетворения потребностей. Еще раз акцентируем тезис о том, что логики смысловой регуляции активности принадлежат именно личности, поскольку она несет в себе смысловые структуры. Активностью личности преодолеваются детерминанты активности человека как социального и биологического индивида.

В этом контексте новым смыслом наполняются определения личности как особой регуляторной инстанции, предложенные в культурно-исторической и системно-деятельностной психологии. Первое определение принадлежит Л.С.Выготскому, который по-

135

лагает, что личность - это высшая психическая функция, назначение которой в «снятии» всех возможных детерминант и в овладении человеком собственной активностью. «Сущность культурного развития, - пишет Л.С.Выготский, - заключается в том, что человек овладевает процессами собственного поведения, но необходимой предпосылкой для овладения является образование личности, и поэтому развитие той или иной функции всегда производно от развития личности в целом и обусловлено им» [72, с. 316]. Это определение на новом уровне восстанавливается Д.Б.Элькониным: «Личность - высшая психологическая инстанция организации и управления своим поведением, заключающаяся в преодолении самого себя» [242, с. 517]. Данное определение есть, по сути, психологическое определение личности как субъекта деятельности и индивидуального жизненного пути. Ведь личность как субъект отличается особой субъектной активностью, дающей способность непротиворечиво соединять все уровни регуляции деятельности, которая и «есть способность саморегуляции... Саморегуляция - это тот механизм, посредством которого обеспечивается централизующая, направляющая и активизирующая позиция субъекта» [8, с. 154-155].

Нередко для объяснения психологии субъекта вводятся эмпирически неподтвержденные гипотезы о существовании «ядерных механизмов» свободы и ответственности. Теоретическое закрепление эта гипотеза получила, например, в модели личности Д.А.Леонтьева [142; 144]. Из работ А.Г.Асмолова и Б.С.Братуся им воспринята общая схема психологической структуры личности, но демаскирован существенный, по мнению исследователя, недостаток этой схемы. Д.А.Леонтьев считает целесообразным выделять

три уровня структурной организации личности: 1) уровень ядерных механизмов личности, которые образуют несущий психологический каркас, на который впоследствии нанизывается все остальное; 2) смысловой уровень - отношения личности с миром, взятые с их содержательной стороны; 3) экспрессивно-инструментальный уровень - структуры, характеризующие типичные для личности формы или способы внешнего проявления смысловых отношений, внешнюю оболочку личности. Д.А.Леонтьев склоняется к мысли, что психофизиологический уровень не следует встраивать в структуру личности, и считает его органической предпосылкой личности. От себя к устоявшейся структуре личности Д.А.Леонтьев добавляет так называемые «ядерные механизмы личности» - свободу и ответственность. С его точки

136

зрения эти механизмы «заведуют» процессами изменения смысловых отношений личности и позволяют преодолеть логику смысловой регуляции.

На наш взгляд, это положение является концептуально важным, так как открывает ту психологическую реальность, которая просвечивает за смысловой регуляцией. Это положение пододвигает науку к более глубокому пониманию психологии субъектной активности личности. Однако в то же время нельзя не отметить дискуссионность этого положения. Действительно, личность способна трансцендировать те требования, которые исходят от ее смысловой необходимости. Например, человек может решить, что все из его прежней жизни теперь незначимо, и тем самым психологически порвать со старым образом жизни. Но стоит ли для психологического объяснения этого факта вводить какие-то другие личностные механизмы, помимо собственно личностных механизмов смысловой регуляции? По нашему мнению, системность смысловых структур как раз и предоставляет личности возможность свободного и ответственного выбора значимого и незначимого в ее жизни. Ведь осмыслению сквозь призму смысловых структур могут быть подвергнуты как свойства личности не смысловой природы, так и сами смысловые структуры личности, например, мотив, смысловая установка, личностная ценность. Так, значимая сама по себе личностная ценность в свете других ценностей может вовсе дискредитировать себя, если она обрезает возможность воплощения этих ценностей. Если можно так выразиться, по своему смыслу смысловая структура может для личности смысла и не иметь; она может также иметь «горький смысл», то есть досаждать личности своим присутствием.

Разве человеку не приходится иногда сожалеть о том, что он кого-то или что-то любит либо ненавидит? А ведь это сожаление результирует осмысление личностью своих собственных мотивов, ценностей - смысловых отношений, одним словом. Это сожаление, раскаяние личностной природы поскольку их причиной служит смысловая структура как свойство личности. А почему человека огорчают или радуют его собственные мотивы и ценности? Не потому ли, что эти самые мотивы и ценности конфликтуют с другими смысловыми отношениями человека, пересекаются с другими мотивами и ценностями. Или не потому ли, что эти мотивы и ценности синергически усиливают другие смысловые структуры личности. Ведь еще А.Н.Леонтьев утверждал, что в любой динамической иерархии мотивов есть мотивы смыслооб-

137

разующие и мотивы-стимулы, мотивы-помехи [133]. Но это положение безосновательно сужалось тем, что смыслообразующая функция мотива опрокидывалась только на внешнюю структуру деятельности - деятельность, действия, операции. Парадоксально, но факт: плоскость взаимоотношений между смысловыми структурами специально не разрабатывалась, несмотря на то, что эти отношения составляют динамику внутренней жизни личности как субъекта. Шагом вперед стало изучение смыслообразующей функции мотива по отношению к инструментально-экспрессивным свойствам личности, что было сделано В.В.Столиным и его коллегами в концепции «личностного смысла Я». Это положение можно спроецировать на плоскость отношений между мотивами. Тогда

одна смысловая структура помимо того непосредственного смыслового отношения, которое она консервирует в себе, будет иметь еще и внешний, системный смысл. Этот смысл будет производным от отношения смысловой структуры к другим смысловым структурам личности. Так, например, мотив -это не просто мотив, но, возможно, нейтральный мотив, мотив-помеха или мотив-стимул по отношению к другим мотивам. Как пишет А.Н.Леонтьев, «чем более расширяются связи субъекта с миром, тем более они перекрещиваются между собой. Его действия, реализующие одну его деятельность, одно отношение, объективно оказываются реализующими и какое-то другое его отношение» [133, с. 211]. Следует добавить, что пересечения жизненных отношений в деятельности задают внутренние соотношения смысловых структур личности.

А что делает человек в том случае, когда один мотив объективно противодействует другим его мотивам или, наоборот, содействует им? Ответ прост: он попытается ослабить этот мотив, в конце концов, устранить или, напротив, усилить, закрепить его. А как человек проделывает это со своими смысловыми структурами? Вероятно, за счет особых внешних и внутренних действий, адресатом которых является смысловая сфера личности. Сфера этих действий являются абсолютно не исследованной, но весьма перспективной областью психологического исследования. В постановочном порядке эти действия можно определить как действия смысловой (личностной) саморегуляции или субъектные действия. Понятие «субъектные действия» весьма уместно в этом контексте, поскольку эти действия предпринимает личность как субъект саморегуляции, самоизменения, саморазвития. В родовом значении субъектные действия - это проявление активно-

138

сти личности как субъекта деятельности. Но не надо понимать деятельность вульгарно, сводя ее лишь к операционально-технической стороне. Такое понимание деятельности огрубляет и при-митивизирует ее сущность. Существует еще и личностно-смысловая сторона деятельности, которая также должна и может быть отлажена личностью как субъектом деятельности. Однако если в первом случае личность корректирует свои знания, умения, навыки, развивает способности, то во втором случае личность совершенствует саму себя как «внутренний момент деятельности». Итак, посредством субъектных действий перестраивается и внешняя сторона деятельности, и смысловая сфера личности как внутренняя сторона деятельности. Поэтому личность как субъект целостной деятельности складывается из двух «половин»: субъекта регуляции операционально-технической стороны деятельности и субъекта смысловой саморегуляции. Разъять эти стороны субъекта деятельности не представляется возможным. Если убрать личность как субъекта одной из сторон деятельности, то будет «хромать» именно та сторона деятельности, которая лишилась своего субъекта. Отстранение субъекта от регуляции деятельности ведет к разладу и дезорганизации последней хотя бы потому, что в реальной деятельности пересекаются разнодействующие мотивы. Личность как субъект смысловой саморегуляции «наводит порядок» в смысловых структурах, регулирующих деятельность, и устраняет конфликты между этими смысловыми структурами. Причем это она может делать как загодя, до начала реальной деятельности, предупреждая ситуацию смыслового конфликта, так и после совершения определенного поступка с конфликтным личностным смыслом.

В свободном и ответственном определении значения своих личностных, а значит, смысловых структур собственно и заключается активность самовоспитания и самосовершенствования личности. Наивно было бы полагать, что самовоспитанию, то есть произвольному, волевому, отчетному улучшению или устранению, подлежат лишь структуры экспрессивно-инструментального уровня. Надо подразумевать возможность воздействия личности на свои собственно личностные свойства - смысловые отношения к миру. И здесь личностное значение той или иной смысловой структуры, полученное в процессе осмысления этой структуры в контексте других смысловых образований личности, определяет психологическую судьбу этой структуры. Психологическая участь

той или иной смысловой структуры как свойства личности ре-
139

шается не столько ее собственным значением, сколько ее системным смыслом. Этот системный смысл отражает отношение личности к этой смысловой структуре с позиции других смысловых структур.

Принимая во внимание все вышесказанное, можно не согласиться с положением о необходимости рассмотрения «чистых механизмов» свободы и ответственности как высшего уровня структуры личности. Ведь, как было показано, смысловая регуляция преодолевается силами самой смысловой регуляции, поэтому логика поиска высшего уровня личности, «снимающего» низший уровень, здесь подводит. Обращаясь к известной в гносеологии познавательной процедуре - «бритве Оккама», следует признать, что в данной ситуации нет надобности «множить сущности». Тем более, что удовлетворительного ответа на вопрос о психологической сущности свободы и ответственности сами инициаторы этого вопроса не дают [35; 143]. Обсуждение этой проблемы в психологии скорее уводит в пространные рассуждения о свободе и ответственности как изначальной данности человеческого бытия. И здесь следует напомнить предостережение А.Н.Леонтьева об опасности антропологизма в психологии личности. Антропологизм угрожает подлинно научной психологии личности в той мере, в какой постулирует специфические для человека свойства, типа свободы, ответственности, эксцентричности и бесприютности в мире и т.п. По мнению А.Н.Леонтьева, такой подход в психологии заметно мистифицирует психологическую сущность и функции личности как особого системного качества человека [133, с. 168]. Более того, такая позиция не вяжется с уже достигнутым психологией личности уровнем теоретического развития. Отметим, что этот путь был историей борьбы с биологизаторскими, социологизаторскими, культурно-антропологическими учениями о личности. По словам И.С.Кона, путь, который прошла психология личности, явился путем демистификации психологической природы личности [117]. Поэтому сейчас говорить о присущих только человеку, родоспецифических механизмах свободы и ответственности, - значит отступить от подлинно научного пути изучения личности и ее субъектной активности. На самом деле, «проблема свободы и необходимости - это вопрос о человеке как о субъекте и условиях его деятельности, о зависимости человека от объективных условий жизни и о его господстве над ними» [186, с. 282].

В то же время, если следовать научному пути, то, как можно увидеть, необходимость в теоретически инвалидных конструктах

140

отпадает. Более того, прецеденты решения проблемы субъектной активности, не выходящие за традиционное понимание смысловой регуляции, имеются в системно-деятельностной теории личности. Возьмем, например, концепцию конфликтного личностного смысла «Я» как «двигателя» в развитии самосознания личности [207]. Если настаивать на существовании каких бы то ни было «ядерных механизмов личности», типа свободы и ответственности, то конфликтный личностный смысл «Я» как раз требует немедленного вмешательства этих механизмов. Но, как показали исследования В.В.Столина и его учеников, выбор личностью одной из граней своего «Я» целиком и полностью основывается на «банальных» механизмах смысловой регуляции. В психологической основе этого выбора лежит соподчинение смысловых структур, придающих свойству личности амбивалентный смысл, по их значимости в контексте индивидуальной жизни в целом. Та смысловая структура, которая представляется менее значимой, блокируется более значимыми смысловыми структурами личности, и вместе с этим купируется конфликтный смысл «Я». Можно утверждать, что своим выбором-поступком в ситуации конфликтного смысла «Я» личность «голосует» за одни структуры и против других структур своей смысловой сферы. Причем по своей психологической природе движущие механизмы поступка как действия в ситуации смысловых альтернатив кажутся

механизмами сугубо смысловой регуляции поведения. Можно также упомянуть исследования В.А.Иванникова, посвященные проблеме волевой саморегуляции личности. Казалось бы, такую психическую функцию личности как воля никак нельзя разуместь без привлечения априорных представлений о свободе человека. Но целый ряд исследований свидетельствует о том, что психологические механизмы воли есть механизмы смысловой саморегуляции личности, а способы и приемы волевой регуляции эксплуатируют закономерности смысловых процессов [100]. И здесь нет нужды проблематизировать сущность субъектной активности дополнительными, загадочными механизмами свободы и ответственности.

Таким образом, смысловые структуры могут быть условием или препятствием для реализации вышеставленных или ря-доположенных смысловых структур личности. Системный личностный смысл всякой смысловой структуры зависит от ее объективного отношения к реализации других составляющих смысловой сферы личности. Активность личности, направленная на перестройку собственной смысловой сферы, является прояв-

141

лением личностной способности к смысловой саморегуляции. В процессе этой активности личность как нигде предстает в качестве субъекта не только своей деятельности, но к тому же и самой себя. И эту способность личности необходимо усматривать в системе смысловой регуляции и саморегуляции. Поэтому мы отвергаем трехуровневую модель личности и остаемся на позициях более валидной и доказанной двухуровневой модели.

С учетом изложенного необходимо внести некоторые коррективы в понимание регуляторной логики свободного выбора, а также обсудить вопрос о соотношении данной логики психической регуляции с логикой смысловой необходимости. С точки зрения Д.А.Леонтьева, это - абсолютно несовпадающие регулятор-ные логики, поскольку они атрибутируются различным уровням психической организации личности. Логика свободного выбора связана с самодетерминацией и свободой личности и, следовательно, превосходит смысловую регуляцию [143; 144]. По нашему мнению, эти логики отражают единые принципы смысловой регуляции деятельности, но просто в разных жизненных ситуациях. Логика смысловой необходимости выражает такую стратегию регуляции деятельности, которая возможна только при условии единственности этой деятельности. Эта логика является в большей степени теоретической абстракцией и объяснительным принципом, нежели действительной стратегией регуляции. Она также отвлечена от жизни, как человек, реализующий одну-един-ственную смысловую необходимость. Конечно, с точки зрения психологической определенности ситуация человека с одной все-охватывающей смысловой необходимостью - это идеальный случай для изучения логики смысловой регуляции. В реальности жизненные отношения, смысловые необходимости и реализующие их деятельности человека пересекаются, вступают в коллизии. «Реально человек в любой период жизни реализует некоторую совокупность жизненных отношений» [207, с. 106]. Поэтому в действительной жизни человек не может избежать ситуации выбора между несколькими смысловыми необходимостями, растягивающими, раскачивающими его деятельность в разные стороны. Такая ситуация, когда одна и та же деятельность приближает субъекта к одному мотиву и одновременно разлучает его с другой смысловой необходимостью, является скорее закономерностью, чем случайностью. Тезис о полимотивированности и полиосмысленности деятельности человека стал почти трюизмом. В такой ситуации оказывается, что человек больше и чаще востре-

142

бует логику свободного выбора, чем прибегает к «идеализированной» логике смысловой необходимости. Руководствуясь в такой ситуации логикой смысловой необходимости, человек просто оторопее и впадет в невроз из-за неразрешимости смысловой дилеммы. Логика свободного выбора более реалистична и практична, поскольку предполагает наличие нескольких смысловых альтернатив (смысловых необходимостей), в которых личности необходимо определяться. Поэтому обе анализируемые логики являются

проявлением закономерностей смысловой регуляции и принадлежат личности как субъекту деятельности. Их различие состоит в том, что логика смысловой необходимости - это логика смысловой регуляции в «лабораторных условиях», а логика свободного выбора - это логика смысловой регуляции с поправкой на реальность человеческой жизни. В заключение заметим, что термин «логика свободного выбора» является не совсем подходящим, поскольку он апеллирует к недоказуемым постулатам о свободе или несвободе человека. Более адекватным представляется термин «логика личностного выбора», который отражает жизненную ситуацию субъекта с полем смысловых альтернатив. Этот термин уже достаточно прижился в аппарате психологической науки и имеет практически однозначное толкование у всех авторов. Личностный выбор - это поступок личности в ситуации нескольких смысловых возможностей, действие на «перекрестке» нескольких смысловых необходимостей [207, с. ПО]. Соответственно, логика личностного выбора - это общий принцип регуляции активности субъекта в ситуации с множеством смысловых исходов.

В перспективе смыслового подхода к изучению субъектной активности по-новому раскрываются некоторые проявления личности как субъекта деятельности.

Активность личности как субъекта деятельности не всегда видима. Особенно если она выполняется во внутреннем плане и принимает характер самовнушения, внутренней работы личности над собой или над психическими образами, процессами, структурами, регулирующими деятельность. Скрытость, неуловимость субъектных действий во многом предопределила низкую степень изученности активности личности как субъекта деятельности. Психологии известны лишь некоторые из потенциального многообразия феноменов данной разновидности активности, например, феномены бескорыстного, немотивированного риска и феномены надситуативной активности. В этих феноменах с

наибольшей на-

143

глядностью регистрируется активность личности в качестве субъекта деятельности.

В рамках изложенной концепции эти феномены высвечиваются в новом качестве и получают вполне логичное истолкование. Рассмотрим сначала феномен надситуативной активности, потому как бескорыстный риск является вторичным по отношению к ней явлением. Надситуативная активность - это способность субъекта подниматься над уровнем требований ситуации, ставить цели, избыточные с точки зрения исходной задачи [183, с. 15]. Надситуативная активность подразумевает действие личности над порогом ситуативных требований и условий, а также сверх исходной мотивации деятельности. Вообразим себе общий абрис ситуации, в которой проявляется надситуативная активность личности. Это ситуация, когда личность окончательно реализовала свою смысловую необходимость, достигла всех поставленных ранее целей, но все еще продолжает свою деятельность, хотя никаких видимых мотивационных оснований для этого не имеется. О такой «добавочной» деятельности В.А.Петровский предпочитает говорить как о немотивированной активности, хотя и вычленяет в ней мотивационные, целевые и операциональные движущие моменты [178, с. 88-89]. Такая позиция видится не совсем корректной, потому что никакая активность не может состояться без побуждающих факторов и причин. Этот момент четко прописан в теории функциональных систем, которые управляют активностью как всеобщей характеристикой живых существ [19; 209]. Какая побудительная сила движет надситуативной активностью личности?

По нашему мнению, надситуативная активность стимулируется функциональными потребностями личности как субъекта деятельности. Действительно, в той ситуации, когда первоначально побуждавшие деятельность смысловые структуры личности исчерпаны, у личности в зависимости от успеха самореализации может возникнуть то или иное смысловое отношение к собственной деятельности. Если деятельность «смогла» реализовать смысловую необходимость личности, функциональный смысл этой

деятельности будет положительным. В противном случае деятельность будет помечена негативным функциональным смыслом. В любом из этих крайних вариантов у личности как у субъекта сложится некоторое функциональное смысловое отношение к проделанной деятельности. Именно это смысловое отношение - функциональная потребность - и разбудит в личности надситуативную активность. Вероятно, что если деятельность была успешной,

144

интерес личности в том, чтобы ее закрепить, упрочить и тем самым сохранить для последующих ситуаций самореализации. Поэтому здесь надситуативная активность личности проявится как повторение, закрепление деятельности впрок. Внешне это будет выглядеть как сверхнормативная деятельность личности. В остальных случаях, когда деятельность окрашивается негативным или более умеренным смыслом, то есть в чем-то не устраивает личность, она будет изменена. Здесь в ходе надситуативной активности личность может опробовать новые и ликвидировать неадекватные способы действия, качественно «подтянуть» деятельность и подстраховать ее успех в будущем. В процессе надситуативной активности личность как бы «перекраивает» свою деятельность, в результате чего наблюдается «скачок» к качественно новой или обновленной форме деятельности. Поэтому надситуативная активность личности направлена не на наличную ситуацию, а на саму деятельность, свершившуюся в данной ситуации. Собственным мотивом надситуативной активности выступает, таким образом, функциональный смысл деятельности, а надситуативная активность в свою очередь выступает собственным проявлением личности как субъекта деятельности.

Таким образом, смысловая регуляция деятельности и субъектной активности личности есть единая, но не тождественная динамическая смысловая система. Развитие смысловых структур позволяет личности превратить формы активного взаимодействия с действительностью в разнообразные виды человеческой деятельности. В свою очередь на базе этих смысловых структур, релевантных отдельным видам деятельности, формируются функциональные смысловые структуры, которые соотносятся с субъектной активностью личности. Эти структуры генерализуются и стабилизируются в структуре личности, в результате чего складывается самостоятельный класс функциональных потребностей, смыслов, установок, диспозиций, ценностей и мотивов, устойчиво побуждающих и направляющих субъектную активность личности. Именно они обуславливают генеральную способность личности как субъекта - способность осмысления собственной деятельности и самой себя как значимого условия деятельности. Личность как субъект деятельности - это всегда носитель специфической активности, направленной на развитие и оптимизацию деятельности и собственных качеств с тем, чтобы они максимально способствовали реализации личностной смысловой необходимости.

145

АЭААА 2. INEOIEIAEE EEХПНОЕ ЭАЭ NOAUAEOA

2.1. Ю поауаеоа аауоаеиііное ё пбайаёбб жё?1ё

Современная психология далеко продвинулась в изучении отдельных сфер и проблем человеческой жизни. Внутренняя дифференциация отраслей и разделов психологической науки зачастую отражает объективную инвариантную структуру жизненного пути человека. Обособление психологии семьи, психологии профессионального развития личности, психологии труда, политической психологии, например, связано с разграничением основных сфер жизни человека - семейной, профессиональной, досугово-рекреационной, а также выделением сферы общественно-политической активности. Однако такой подход, направленный на «расчленение» человеческой жизни на отдельные составляющие, не позволяет подступиться к психологической проблеме субъекта жизни. В этой связи все чаще звучат призывы к изучению жизненного пути личности сквозь призму субъектного подхода. Это, по мнению исследователей, даст возможность вникнуть

в специфичную только для человеческого бытия проблематику смысла жизни и бессмысленности, любви и одиночества, счастья и веры, отношения к жизни и смерти [26; 87; 97; 146; 216; 235].

Проблема смысловой регуляции жизненного пути числится в ряду актуальных научных проблем, имеющих прямое касательство к психологическим исследованиям субъекта жизни. По ходу индивидуального жизненного пути наблюдается закономерное возрастание субъектной активности, что обуславливает непрерывность развития личности в качестве субъекта вариативных видов деятельности. Но только ли прогрессирует способность личности быть субъектом единичной деятельности? Идет ли психическое развитие субъекта экстенсивным путем, приводящим к расширению «каталога деятельностей», или же оно идет интенсивным путем, приводящим к соподчинению этих деятельностей в некоторую систему? Эти и многие другие вопросы обращают внимание психологов на проявления субъектной активности личности в масштабе биографии, в котором единственно и решается психологическая судьба каждой отдельной деятельности.

Уровень развития личности как субъекта детерминируется степенью развития и сохранности, во-первых, ее смысловой

146

сферы и системы смысловой регуляции и, во-вторых, зрелостью и завершенностью всей системы осознанной саморегуляции. На разных этапах прижизненного развития личности выраженность ее способности субъективировать разнообразные виды деятельности объективно разнится. На определенной стадии развития личность неминуемо превращается из субъекта отдельных видов предметной деятельности в субъекта жизни. При психологическом подходе к данной проблеме исследователей прежде всего интересуют психологические обстоятельства, изнутри подготавливающие эту личностную «метаморфозу». Повторим, что уровень психического развития субъекта коррелирует с уровнем развития смысловой регуляции в частности и системы осознанного саморегулирования в целом. В этой связи толчок для перехода личности от субъективации отдельных видов деятельности к субъективации жизни в целом следует искать в закономерностях формирования психических структур и процессов, из которых строится система осознанной личностной саморегуляции жизненного пути.

Специальный анализ современного состояния проблемы вынуждает констатировать не только лапидарность эмпирических исследований, посвященных психологии субъекта жизни, но также отсутствие единого концептуального подхода в этих исследованиях.

Тем не менее психологическое изучение системы осознанной саморегуляции жизненного пути личности должно базироваться на общих принципах и подходах, принятых в исследованиях всех уровней и форм психической регуляции. Концептуально важным представляется понимание психической регуляции как многоуровневой системы психических образований, построенной одновременно по координационному и субординационному принципу (системный подход) и складывающейся в процессе развития и самодвижения деятельности (принцип деятельностного опосредования). Существенный вклад в концептуальное осмысление психической регуляции вносит положение об ее личностной обусловленности (личностный подход) и индивидуальном своеобразии (индивидуальный подход) [2; 4; 45; 120; 161; 186].

Эти общие положения были конкретизированы в исследованиях специфических механизмов и закономерностей психического регулирования различных видов профессиональной деятельности - операторского труда, педагогической, управленческой, спортивной и учебной деятельности, а также общения. Обозначенные принципы и подходы нашли приложение в исследованиях

147

различных уровней психической регуляции - неосознанной психической регуляции и осознанной оперативной и сенсорно-перцептивной регуляции предметной деятельности,

рефлексивной и смысловой регуляции мыслительной деятельности, нравственной, социально-психологической и нормативно-ролевой регуляции межличностного взаимодействия, смысловой регуляции предметной деятельности и общения.

Кроме того, проблема психической регуляции ставилась в возрастно-психологическом аспекте как проблема онтогенетического развития регуляторных механизмов; в дифференциально-психологическом аспекте как проблема индивидуальных различий механизмов психической регуляции; в патопсихологическом аспекте как проблема нарушения, распада нормальных и формирования патологических механизмов психической регуляции; в криминально-психологическом аспекте как проблема механизмов психической регуляции преступного поведения; в сравнительно-психологическом аспекте как проблема сходства и различия механизмов регуляции в психике человека и животных.

В результате обобщения общих и частных закономерностей было выработано концептуальное понятие психической регуляции. Оно претендует на всеобщность и может быть преломлено на предмет любого конкретно-психологического исследования, а также спроецировано на любой уровень психической регуляции активности. **Психическая регуляция - это функция психического отражения, сущность которой заключается в согласовании активности индивида с внешними условиями и объективными связями объектов и явлений действительности, с одной стороны, и внутренними необходимо-стями субъекта, с другой** [45; 120; 153]. Исследователи различают осознанный и неосознанный уровень психической регуляции, полагая, что осознанная регуляция в условиях человеческой психики выступает как саморегуляция. Психическая саморегуляция деятельности является высшим уровнем регуляции поведенческой активности биологических систем, отражающая качественную специфику реализующих ее психических средств отражения и моделирования человеком действительности и самого себя [119; 120; 161; 204]. Рассмотрение психических механизмов и закономерностей саморегуляции особенно актуально в связи с тем, что оно проливает свет на внутреннюю организацию субъектной активности личности. **Психическая саморегуляция концептуализируется как преимущественно осознанное, целенап-**
148

равленное планирование, построение и преобразование субъектом своих действий и поступков в соответствии с личностно значимыми целями, актуальными потребностями [45, с. 7].

В особое направление выделяются пока что малочисленные исследования психической регуляции жизненного пути личности. Оно зародилось в связи с переходом от изучения оперативной и ситуационной регуляции единичных актов поведения и дискретных видов деятельности к выяснению закономерностей психической детерминации индивидуального жизненного пути личности. Теоретическую значимость исследованиям психической регуляции жизненного пути личности придает программная установка, выдвинутая О.А.Конопкиным в целях интенсификации исследований всех видов психической регуляции: «Раскрытие закономерностей формирования и функционирования произвольной осознанной саморегуляции, реализуемой человеком в различных видах и формах деятельности, в поступках и поведении в целом, - одна из общезначимых задач психологической науки» [121, с. 19].

При изучении психической регуляции отталкиваются от следующего определения жизненного пути. **Жизненный путь личности — это история развития и формирования личности в определенном обществе в конкретную историческую эпоху, обусловленная комплексом объективных макросоциальных и микросоциальных условий, а также активностью личности как субъекта жизни** [8; 16; 21; 23; 30; 116; 118; 149; 150; 151; 173; 189; 217]. Все множество психологических исследований, приуроченных к проблеме жизненного пути личности, можно условно подразделить на три основных аспекта: объективный, субъективный и субъектный.

Объективный аспект анализа жизненного пути личности не является сугубо психологическим. В рамках данного аспекта анализируется объективная пространственно-временная и событийная структура жизненного пути, его обусловленность комплексом политических, экономических, идеологических, правовых и прочих макросоциальных факторов эпохи, зависимость от исторического контекста, культурной среды и когортной принадлежности индивида, а также от социальной стратификации и общественного образа жизни [88; 116; 118]. Вышеуказанные проблемы психологи прорабатывают совместно с представителями социальных наук - социологии, культурологии, этнографии, истории. Психологической науке принадлежит монополия в освоении субъективно-

149

го и субъектного аспектов, в рамках которых актуализируется проблема психической регуляции жизненного пути личности.

Субъективный аспект психологического анализа жизненного пути предполагает исследование субъективных репрезентаций биографии в индивидуальном сознании и выявление их особых отражательных, регуляторных, коммуникативных, жизнетворческих функций. Рассмотрение конкретных психических структур и процессов, на основе которых личность осуществляет регуляцию жизненного пути, является важным шагом в познании психологии субъекта. При обсуждении проблемы психической регуляции жизненного пути в ряду регуляторных структур и механизмов называются жизненные цели [156], жизненные планы и программы [80; 202], временная перспектива и временная транспектива [3; 8; 112], психологическое время и психологический возраст личности [81; 126; 171], субъективная картина жизненного пути [18; 33; 81; 126; 189; 230], жизненная позиция [6; 8], жизненный выбор [124; 200], жизненные притязания [8; 80], жизненное призвание [174], автобиографическая память [167].

В постановочном, дискуссионном порядке предлагается концепция индивидуального стиля жизни, обусловленного индивидуально-психологическими особенностями личности, и концепция жиз-нетворчества, предопределенного развитием творческой уникальности субъекта жизни [62; 89; 206]. В эмпирическом плане наиболее продвинутой областью исследований является психическая регуляция биографического времени [3; 8; 81; 112], а также регуляция индивидуального жизненного пути посредством комплекса образов личной биографии в сознании субъекта - субъективной картины жизненного пути [16; 33; 81; 126; 167; 174; 230].

Большинство исследований психической регуляции жизненного пути личности характеризуются некоторыми общими недостатками. Первый из них заключается в отсутствии системности при раскрытии регуляторных функций отдельных психических структур, процессов и механизмов. Игнорирование требований системного подхода приводит к тому, что каждое регуляторное образование рассматривается в отрыве от целостной и неделимой системы психического регулирования и саморегулирования. При этом «исследование процесса саморегуляции часто подменяется по сути установлением самого факта детерминации деятельности, поведения отдельными психическими или даже средовыми факторами... В результате саморегуляция как процесс, имеющий закономерное строение, исчезает, а вместе с этим сни-

150

мается и вопрос о реальной роли и месте изучаемого фактора в регуляторном процессе» [119, с. 7].

По этой причине задача будущих исследований состоит в том, чтобы из разрозненных, изолированных структур и механизмов собрать единую систему осознанной личностной саморегуляции индивидуального жизненного пути. При решении обозначенной задачи необходимо ликвидировать еще один серьезный недостаток психологических исследований регуляции жизненного пути личности. Он проявляется в тенденции изучать различные регуляторные структуры и механизмы как бессубъектные, то есть не принадлежащие личности как подлинному и изначальному субъекту психической

регуляции. Получается искаженная картина, в которой каждая регуляторная структура формируется, функционирует, изменяется и прекращает существовать сама по себе, без вмешательства и помимо воли личности. В представлении о функциональной самодостаточности отдельных регуляторных структур проглядывает неверная методологическая установка, обозначаемая как «постулат непосредственности». Как отмечалось ранее, в психологии постулату непосредственности противоборствует субъектный подход, в связи с чем особую актуальность приобретает субъектный аспект анализа жизненного пути личности.

С точки зрения субъектного подхода необходимо определить роль личности с ее системой смысловой регуляции в контуре психического регулирования жизненного пути. В настоящем исследовании проблема смысловой регуляции жизненного пути личности формулируется впервые, несмотря на то обстоятельство, что различные смысловые структуры - смысл жизни, личностные ценности, смысловые конструкты, мотивы - неоднократно выдвигались в качестве инстанций психической регуляции жизненного пути [8; 16; 117; 133; 142; 181; 184; 192; 235; 237]. Важные теоретические предпосылки для исследования смысловой регуляции жизненного пути содержатся в работе А.С.Сухорукова, который осветил одну из форм активности субъекта жизни - жизнотворчество - в динамике смысловой системы личности [211]. Трудно переоценить теоретическое значение результатов исследования В.С.Хомика, который концептуализировал некоторые механизмы психической регуляции жизненного пути как способы смысловой переработки жизненного опыта [230].

Субъектный аспект психологического анализа жизненного пути подразумевает исследование личности как организатора жизненных событий и времени жизни - соиздателя индивидуаль-

151

ной биографии в целом. В рамках данного аспекта анализа находит применение субъектный подход, который требует проследить не только зависимость личности от ее неповторимого жизненного пути, но также обратную зависимость жизненного пути от субъектной активности личности [7; 8; 16; 150; 189; 192]. Наиболее веским аргументом в пользу психологической концепции субъекта жизни является тот факт, что психическая регуляция жизненного пути на основе субъективных автобиографических репрезентаций не может быть бессубъектной. Субъектом жизни является не психика и не сознание, а владелец психических репрезентаций жизненного пути - личность. В то же время «субъект и его психика суть одна единая система, а не две» [59, с. 31]. Другими словами, субъективность является неотъемлемым условием субъектности человека в отношении собственной жизни, и в этой связи произвести дизъюнкцию субъективного и субъектного аспектов психологического анализа жизненного пути просто невозможно. Субъектный аспект психологического анализа жизненного пути личности располагается на стыке объективного и субъективного аспектов. И это закономерно, потому что именно в построении субъективных образов индивидуальной биографии, на основе которого управляется реальный жизненный путь, выражается субъектная активность личности. Ввиду данного обстоятельства, одной из наиболее актуальных и значимых задач психологии жизненного пути на современном этапе является разработка концепции личности как субъекта жизни.

Несмотря на то, что отмеченная концепция является теоретическим «мостом», через который сообщаются объективный и субъективный аспекты анализа жизненного пути, субъектный подход остается наименее разработанным. Современное состояние психологической концепции субъекта жизни заставляет констатировать теоретическую неоднородность составляющих ее положений и их ярко выраженный философский уклон. Такое положение дел не случайно и отражает историю развития субъектного подхода в контексте психологических исследований жизненного пути личности. Психологическая концепция субъекта жизни вобрала методологически и теоретически разобщенные идеи

отечественных и зарубежных психологов. Симптоматично уже то, что до сих пор не выработано единое конкретно-психологическое определение субъекта жизни, которое отсылало бы к сущностным характеристикам и однозначно фиксировало бы онтологический статус данной формы субъектности. Философскому «крену» и

152

теоретической разрозненности концепции субъекта жизни сопутствует неразвитость методики психологической диагностики, приемов, методов и средств эмпирического изучения этого системного проявления личности. По этой причине те свойства субъекта жизни, которые активно постулируются в теории, плохо улавливаются в процессе психологического анализа повседневной жизни и не могут быть проверены на уровне эмпирического исследования.

Вместе с тем субъектный подход призван разрушить крайности редукционизма в психологических исследованиях детерминации жизненного пути. К редукционным представлениям в психологии жизненного пути можно отнести следующие: представление о жизненном пути как о бессубъектном, а значит, механическом и самовоспроизводящемся процессе, а также тенденции типизации и индивидуализации жизненного пути. Тенденция типизации в психологических исследованиях приводит к тому, что жизненный путь предстает как «смонтированный» из всеобщих социальных вех, а личность «срастается» со своей социальной маской, которая «стирает» все ее индивидуальные отличия. Тенденция индивидуализации в психологических исследованиях проявляется в том, что жизненный путь рисуется как неповторимая линия развития личности, «изломанная» ее свободной и ничем не лимитированной волей.

В первом случае абсолютизируются социально-типические черты биографии, во втором случае над универсальными чертами одерживают верх уникально-неповторимые особенности жизненного пути. По сути, эти тенденции представляют собой утрированные варианты одностороннего детерминизма в отношении жизненного пути. Рассмотрение жизненного пути как бессубъектного процесса и вовсе насаждает позиции пандетерминизма (фатализма), поскольку отнимает у личности право на самоосуществление, отбирает возможность активного участия в личной судьбе. Психологическая концепция субъекта жизни позволяет не только выровнять отмеченные негативные тенденции, но и исследовать жизненный путь с позиций диалектического детерминизма. С позиций субъектного подхода в реальной жизни присутствует как объективная, так и субъективная детерминация, а индивидуальным или типичным является лишь соотношение между ними. «Понятием субъекта индивидуализирующий и типизирующий подходы соединяются следующим образом: по единым для всех личностей критериям и направлениям - развитию, активности и интегративности - рассматриваются мера и характер разви-

153

тия, степень активности и владения жизненными ситуациями, степень организованности, структурированности и цельности жизни» [9, с. 222].

Концепция субъекта жизни, таким образом, помогает решить важную проблему психологии жизненного пути - проблему соединения и примирения уникально-биографического и социально-нормативного подходов к индивидуальной жизни.

Психологическая концепция субъекта жизни должна основываться на общеметодологическом субъектном подходе. Кроме того, ее разработка предполагает обращение к общим методологическим принципам и подходам к пониманию субъектной активности, изложенным в первой главе настоящего исследования. Отправным пунктом при создании психологической концепции личности как субъекта жизни может быть признан тезис о том, что личность является особой регуляторной инстанцией, которая обеспечивает овладение индивидом своим поведением, развитием и, что наиболее важно, индивидуальным жизненным путем. Такое понимание личности сложилось в рамках культурно-исторического и деятельностного подхода и содержится преимущественно в

работах отечественных психологов. Зачатки культурно-исторического понимания личности были заложены Л.С.Выготским. «Личность, - пишет он, - есть понятие социальное, она охватывает надприродное, историческое в человеке. Она не врожденна, но возникает в результате культурного развития, поэтому «личность» есть понятие историческое. Она охватывает единство поведения, которое отличается признаком овладения... Сущность культурного развития... заключается в том, что человек овладевает процессами собственного поведения, но необходимой предпосылкой для овладения является образование личности...» [72, с. 315-316]. Примечательно то, что Л.С.Выготский спроецировал это общее положение на процесс осуществления личностью жизненного пути. По его убеждению, реальное овладение жизненным путем начинается с формирования жизненного плана, который созревает на пороге подросткового и юношеского возраста и знаменует старт самостоятельной жизни. Жизненный план, согласно Л.С.Выготскому, представляет собой культурное средство приспособления личности к жизни и управления ею [72, с. 327-328].

Позднее эта мысль возродилась в контексте системно-деятельностного и историко-эволюционного подхода к личности. Согласно такой трактовке личность является системой психической регуляции, функциональное назначение которой заключается

154

в приведении деятельности субъекта в соответствие с устойчивой структурой его отношений с миром [64, 133]. Будучи личностью, человек выступает как автономный носитель общественно и индивидуально выработанных форм отношения к объектам и явлениям окружающего мира [141]. Сущность формирования личности составляют процессы интериоризации культурно-исторических способов деятельной реализации этих отношений [31]. Переход от ассимиляции к деятельной культивации культурно выработанных форм отношения к миру связан с возникновением субъективности как «отношения» личности к самой себе и своей деятельности в мире [102; 103; 115]. Этот переход четко прослеживается с того момента, когда жизнедеятельность становится предметом отношения со стороны своих носителей как в антропогенезе [1], так и в онтогенезе [197; 198]. При этом личность раскрывается именно как «орудие» или «функциональный орган» усвоения культурно-исторического смыслового опыта, как посредник в процессе приобщения человека к смысловому фонду человеческой культуры и воспроизводства культурного опыта в индивидуальной жизнедеятельности [30; 46; 49; 207]. Психологическая «ткань», в которой непосредственно презентированы отношения индивида к своей жизнедеятельности - это смысловые структуры и процессы, синтезированные в смысловой сфере личности [144; 145]. Посредством смыслового плана отражения индивид приобретает способность ориентироваться в своих отношениях к действительности, надстраиваться над ними и видоизменять их [10]. В конечном итоге личность утверждается как система смысловой регуляции активности.

Наиболее продуктивный анализ психологической проблемы субъекта жизни представлен в работах С.Л.Рубинштейна и К.А.Абульхановой-Славской. Впервые в отечественной психологии проблема личности как субъекта жизни была поставлена С.Л.Рубинштейном при изучении жизненного пути с позиций субъектного подхода. Тогда возник вопрос о том, каким образом личность не просто зависит от индивидуального жизненного пути, не только «шлифуется» и «формуется» личной биографией, но как она подчиняет жизненный путь своему жизненному замыслу, детерминируя характер собственного развития. В качестве ответа на этот вопрос С.Л.Рубинштейном была предложена концепция личности как субъекта жизни, выработанная им в контексте онтологического учения о двух фундаментальных способах бытия человека в мире.

155

Концепция жизненного пути личности является логическим завершением всего учения С.Л.Рубинштейна. Психология, по мысли С.Л.Рубинштейна, является наукой, исследующей жизненные процессы. Проходя через изучение отдельных психических

функций, процессов, свойств и состояний, психология не должна отрываться от жизненного контекста и познания реальной жизни. Познание того, каким образом все эти психические процессы, функции, свойства и состояния обеспечивают отражение и регуляцию реальной жизни человека, является итогом пройденного психологией пути [189, с. 236-237]. С такой постановкой вопроса согласен Л.С.Выготский, который пишет: «В сфере психологии мы никогда не пойдем до конца человеческой личности, если будем рассматривать ее статически, как сумму проявлений, поступков и т.п., без единого жизненного плана этой личности, без лейт-линии, превращающей историю жизни человека из ряда бессвязных и разрозненных эпизодов в связный единый биографический процесс» [73, с. 157].

Понятие жизненного пути венчает психологию личности, поскольку в отличие от других живых существ человек не просто существует и развивается во времени, но и имеет историю развития собственной личности. Личностью, как известно, человек не рождается; личностью он становится. Соответственно, жизненный путь - это история становления личности в определенном обществе, подчиненная социальным закономерностям. В этой трактовке жизненного пути личности ударение ставится на социальную природу и социальную детерминацию личностного развития. Как пишет С.Л.Рубинштейн, «существенными, определяющими, ведущими для человека в целом являются не биологические, а общественные закономерности его развития» [189, с. 238].

Жизненный путь личности не столько отражает закономерности общественного образа жизни, сколько воплощает и индивидуализирует эти закономерности. Такое понимание жизненного пути было не случайным ввиду нескольких обстоятельств. Во-первых, С.Л.Рубинштейн проводил в психологию марксистские взгляды, согласно которым решающим фактором развития личности является жизнь в обществе. Во-вторых, С.Л.Рубинштейн полемизировал с экзистенциальными концепциями жизненного пути, в которых абсолютизируется свободная воля личности и недооценивается роль социальных детерминант. Однако предложенное С.Л.Рубинштейном понимание жизненного пути также яв-

156

ляется односторонним и абстрактным, поскольку личность оказывается отчужденной от собственной жизни. Получается, что общественный образ жизни «чеканит» личность и «штампует» ее жизненный путь без учета множественных различий индивидов и их активности по созиданию личной жизни.

Первоначально понятие жизненного пути определялось через указание на то, что история формирования личности подчиняется всеобщим закономерностям социального образа жизни. Позже С.Л.Рубинштейн отходит от этой узкой трактовки, в которой есть место лишь для объективной социальной детерминации жизненного пути личности. В своей последней работе «Человек и мир» он расширяет понятие жизненного пути личности и переводит его в плоскость проблемы личной жизни. Понятие личной жизни намного шире и богаче понятия жизненного пути личности, поскольку в личной жизни действует не только объективная, но и субъективная детерминация. Понятие личной жизни как раз и акцентирует преобладающий вклад активности личности в детерминацию индивидуального жизненного пути. «Личная жизнь человека в таком понимании - это самое богатое, самое конкретное, включающее в себя как единичное многообразие, так и иерархию все более абстрактных отношений... В своей конкретности она содержательнее, чем каждая из тех абстракций, которую из нее можно извлечь. Таким образом, личная жизнь выступает не как частная жизнь, т.е. жизнь, из которой все общественное отчуждено, но как жизнь включающая общественное, но не только его, а и познавательное отношение к бытию, и эстетическое отношение к бытию, и отношение к другому человеку как человеческому существу, как утверждение его существования» [192, с. 348-349].

По мысли С.Л.Рубинштейна, единицей личной жизни является жизненное отношение человека к различным явлениям и сторонам бытия. Понятию жизненного отношения

С.Л.Рубинштейн придает двойное значение, отражающее двойную онтологию реальных отношений субъекта к явлениям собственной жизни. В первом значении жизненное отношение фигурирует как объективная связь между субъектом и явлениями его жизненного пути, означающая объективную важность этих явлений для субъекта. Во втором значении - как составляющая индивидуального сознания субъекта, через которую пристрастно открывается смысл объектов и явлений мира в контексте его целостной жизнедеятельности. Динамика жизненных отношений - их строительство, реконструкция и трансформация личностью - рассматривается

157

как основной фактор развития индивидуальной жизни. «Жизнь -это процесс, в котором объективно участвует сам человек. Основной критерий его отношения к жизни - строительство в себе и в других новых, более совершенных, внутренних, а не только внешних форм общественной жизни и человеческих отношений» [192, с. 379].

Центральным понятием, которое сгруппировало вокруг себя все учение С.Л.Рубинштейна о личной жизни, является понятие субъекта жизни. Субъект жизни - это личность, которая активно строит, модифицирует, совершенствует жизненные отношения и тем самым детерминирует индивидуальный жизненный путь. Понятие субъекта жизни впервые было использовано С.Л.Рубинштейном для критики концепции жизненного пути Ш.Бюлер. Напомним, что с точки зрения Бюлер жизненный путь личности является процессом развертывания заложенного в детстве ценностно-смыслового проекта. Это положение было встречено скептически, поскольку, по мнению С.Л.Рубинштейна, личность способна сбросить с себя бремя детского опыта и в любой точке круто изменить течение жизненного пути. Понятие субъекта жизни как раз привлекалось для обозначения активного участия личности в построении жизненного пути. В таком контексте жизненный путь трактуется как история формирования личности, обусловленная как объективными социальными, историческими факторами, так и собственной активностью личности в качестве субъекта жизни.

Категория субъекта жизни конкретизируется С.Л.Рубинштейном через понятие «способ существования». Способ существования - это характерный для личности способ построения и воспроизводства жизненных отношений. Выделяются два основных способа существования человека и, следовательно, два типа отношения к жизни. Первый способ существования отличается тем, что человек вырабатывает определенное отношение к дискретным событиям жизни, но не к целостному жизненному пути. В силу данного обстоятельства он не способен понять смысл жизни, поставить жизненные цели и задачи, составить долгосрочную программу действий. При таком способе жизни наличествует тактика действий в отдельных жизненных ситуациях, но отсутствует единая стратегия жизненного пути. Не человек управляет и распоряжается своей жизнью, а напротив, жизненные обстоятельства поглощают человека и диктуют ему свои «требования». «Здесь человек весь внутри жизни, всякое его отношение - это

158

отношение к отдельным явлениям, но не к жизни в целом. Отсутствие такого отношения к жизни в целом связано с тем, что человек не выключается из жизни, не может занять мысленно позицию вне ее для рефлексии над ней» [192, с. 351]. Разумеется, что первый способ существования не присущ личности как субъекту жизни.

Второй способ жизни характерен для субъекта жизни. Его развитие приурочено к развитию механизмов рефлексии жизненного пути и формированию смысла жизни. Второй способ существования специфицируется тем, что личность способна встать в познавательное и практическое отношение к целостному жизненному пути и конструировать его на сознательной, осмысленной основе. Эти новообразования в системе психической регуляции коренным образом меняют характер детерминации жизненного пути личности. «С появлением рефлексии связано философское отношение к жизни. Сознание выступает здесь как разрыв, как выход из полной поглощенности

непосредственным процессом жизни для выработки соответствующего отношения к ней, занятия позиции над ней, вне ее для суждения о ней. С этого момента каждый поступок человека приобретает характер философского суждения о жизни, связанного с ним общего отношения к жизни» [192, с. 352]. Другими словами, личность как субъект жизни в каждой ситуации действует в соответствии с необходимостью реализации смысла жизни, что требует от нее большой сознательности и ответственности. Смысл жизни «отливается» в форму жизненных целей, задач и смыслов отдельных ситуаций. Нацеливая свою активность на эти смыслы, личность в каждом жизненном событии реализует частицу смысла жизни. Смысл ситуации, производный от смысла жизни, поднимает личность в положение над ситуацией и дистанцирует от непосредственных требований ситуации. «В человеке, включенном в ситуацию, есть что-то, что выводит его за пределы ситуации, в которую он включен. Ситуация - это лишь один из компонентов, детерминирующих его действия» [192, с. 341]. Второй компонент - это смысл жизни, жизненные ценности и проистекающие от них смыслы жизненных ситуаций, в которых участвует человек.

Однако в каждой ситуации в сознании личности могут конкурировать побуждения, исходящие от смысла жизни, и требования, предъявляемые ситуацией. Например, соблазн расслабиться, отдохнуть, повеселиться может бороться с необходимостью заняться перспективными делами. Не случайно С.Л.Рубинштейн отмеча-

159

ет, что со вторым способом существования связана проблема «ближней» и «дальней» мотивации. Это «проблема соотношения, взаимосвязи непосредственного отношения человека к жизни, к окружающему его и осознанного отношения, опосредствованного через «дальнее» [192, с. 352]. «Ближняя мотивация» - это совокупность ситуативных побуждений, которые актуализируются в отдельных жизненных ситуациях и производны от непосредственных жизненных отношений. «Дальняя мотивация» - это совокупность побуждений, которые производны от смысла жизни и выражают отношение личности к жизни в целом. Отличительной чертой субъекта жизни является способность отстраниться от сиюминутных требований ситуации, устоять перед ее соблазнами, воздержаться от импульсивных решений в пользу интересов реализации перспективных задач. В этой связи С.Л.Рубинштейн упоминает об огромном значении правильной временной перспективы для воспитания личности в качестве субъекта жизни [192, с. 372].

Таким образом, субъект жизни - это личность, детерминирующая индивидуальный жизненный путь на основе осознанной необходимости реализации смысла жизни.

Философская концепция С.Л.Рубинштейна была поддержана ведущими специалистами в области психологии жизненного пути [16; 133; 150; 112] и взята К.А.Абульхановой-Славской за основу при разработке конкретно-психологической теории субъекта жизни [4; 5; 8]. С точки зрения последней субъектом жизни личность становится по мере активного овладения жизненными отношениями, из которых «соткан» индивидуальный жизненный путь. Как пишет К.А.Абульханова-Славская, «отношения - это экзистенциальная «ткань» жизни личности... Отношения личности - это ценностная временно-пространственная устойчивая архитектура ее жизни» [3, с. 227-228]. Способ самореализации личности как субъекта жизни есть «выявление основных жизненных отношений», которые «характеризуют ее способ включения себя в общий ход жизни с учетом и объективной логики этой жизни, и своих, уже измеренных, обективированных, примененных, получивших объективную оценку возможностей» [7, с. 27]. В анализируемой концепции особо акцентируется смысловая природа жизненных отношений личности: «анализируемые отношения личности - те «мосты», которые она строит в жизни, без которых невозможно дальнейшее движение и личности, и жизни, - есть ценностно-смысловые и вместе с тем жизненно-практические обобщения» [7, с. 28]. В совокупности они образуют основные

160

направления, в которых разворачивается активность личности как субъекта жизни, задают жизненному пути общую смысловую направленность и регламентируют общую логику организации жизни. Своей активностью личность приводит в движение, культивирует жизненные отношения, завязывая в определенный «узел» дела, поступки, совокупность деятельностей и событий жизни [7, с. 28].

Таким образом, субъекта жизни дифференцирует способность к регуляции собственного жизненного пути на основе жизненных отношений, носящих смысловой характер.

2.2. Психическая регуляция жизненного пути реализуется личностью на основе субъективно превращенных или «идеальных форм» жизненных отношений.

Уровень развития субъекта всегда соизмеряется со степенью сформированности и цельности субъективных репрезентаций жизненных отношений. В системе «идеальные формы» конституируют внутренний план регуляции жизненного пути личности, то есть являются регуляторными основаниями для активности личности, нацеленной на модификацию, совершенствование, улучшение жизненных отношений. Наличие у человека субъективных репрезентаций его собственных жизненных отношений позволяет ему воссоздавать их в улучшенном качестве, продуцировать и генерировать новые формы жизни. «Как общий принцип существования субъектность обнаруживает себя в способности человека встать в практическое отношение к собственной жизнедеятельности» [199, с. 389]. С философской точки зрения личность как субъект жизни выступает в качестве носителя «идеальных форм» своих жизненных отношений, на базе которых она воспроизводит свою личную жизнь. Человек в сознании и действии выходит за рамки непосредственных жизненных отношений, возносится над ними благодаря тому, что он обладает личностью. Внутренний план жизненных отношений образован совокупностью психических образований субъективного мира личности. Как пишет К.А.Абульханова-Славская, «личности как субъекту жизненного пути присущи особые структуры, функции которых - построение жизненной позиции, проведение и реализация жизненной линии, переживание смысла жизни» [9а, с. 113]. Удачным собирательным понятием, охватывающим совокупность субъективных регуляторов жизненного пути, является введенный

161

Н.А.Логиновой термин «психобиографические образования личности» [150]. При изучении личности в роли субъекта жизни ставится задача исследовать эти регуляторные структуры, связанные с детерминацией индивидуального жизненного пути.

Как отмечалось ранее, с точки зрения смыслового подхода к личности именно смысловые структуры и процессы рассматриваются как субъективно превращенные формы существования жизненных отношений в человеческой психике. Отличие смысловых структур личности от всех других субъективных репрезентаций жизненного пути в том, что смысловые структуры фиксируют отношения субъекта к объектам и явлениям жизни, а остальные модальности психического отражения - запечатлевают объективно существующие отношения между этими объектами и явлениями. Ввиду данного различия именно смысловые структуры образуют идеальный план личной жизни, который и делает личность ее субъектом. Субъективные репрезентации жизненного пути не смысловой природы функционально усиливают регуляторные возможности личности, ориентируя ее в объективных связях явлений личной жизни. Так, К.А.Абульханова-Славская, описывая психику как инструментальный ресурс личности, утверждает следующее: «Психика выступает как способность субъекта в широком смысле слова, как его возможность, активность, сила, или, точнее, «усилитель» и «проявитель», как его «организатор» или дезорганизатор, как его умение, способность разрешения возникающих в его жизнедеятельности противоречий, как «орган индивидуальности» [2, с. 210].

Субъектность жизни - это такая способность личности, которая консолидируется не сразу, а по мере вызревания необходимых внутренних условий. В первую очередь в структуре личности должны сложиться ведущие структуры смысловой регуляции жизненного пути,

поскольку именно данный уровень психической регуляции доминирует в детерминации субъектной активности. При изучении смысловой регуляции жизненного пути личности необходимо предварительно осветить психологическую сущность данного уровня в общей структуре психической регуляции, а также выделить те смысловые структуры, которые эту регуляцию непосредственно реализуют. Другими словами, необходимо оценить возможности и эвристический потенциал смыслового подхода в контексте психологии личности как субъекта жизни.

Научно-психологический анализ смысловой регуляции прошел путь от обособления отдельных психических структур смыс-

162

ловой природы и разграничения их регуляторных функций - личностных смыслов [133], смысловых установок [29], смысловых диспозиций [164], смысловых конструктов [207], личностных ценностей [48] - к объемлющему понятию смысловых образований личности [46; 48]. В тезаурус смыслового подхода был введен специальный термин, обозначающий структурно-функциональную организацию различных смысловых образований в структуре личности - «смысловая сфера личности» [47; 92]. В диссертационном исследовании Д.А.Леонтьева была выполнена задача теоретического упорядочивания различных смысловых образований в структуре смысловой сферы личности и теоретического разведения регуляторных функций этих смысловых образований. В целях решения указанной задачи было продуктивно возрождено понятие динамической смысловой системы (Л.С.Выготский), при помощи которого разнородные смысловые структуры были объединены в молярные единицы смыслового строения личности и функциональные единицы смысловой регуляции жизнедеятельности [145]. Смысловая сфера личности была конкретизирована как особым образом организованная совокупность смысловых образований (структур) и связей между ними, обеспечивающая смысловую регуляцию жизнедеятельности субъекта во всех ее аспектах [144; 145]. В более поздних работах Д.А.Леонтьев дополнил представление о структурной организации смысловой сферы личности (синхронический аспект) представлением о ее динамической организации (диахронический аспект). Для этого было использовано понятие смысловых процессов - форм развития и преобразования смысловых структур личности [139].

Таким образом, к настоящему времени в психологической науке сложилось полноаспектное представление о сущности смысловой регуляции, осуществляющих ее смысловых структурах и процессах. Системное обоснование и завершающий вид понятие смысловой регуляции получает в рамках мультитрегуляторной модели личности, предложенной Д.А.Леонтьевым как экстракт смыслового подхода к психологическому анализу личности [144]. С точки зрения данной модели, единый контур психической регуляции можно условно расчленить на несколько достаточно автономных регуляторных систем, каждая из которых отвечает за особенную логику регуляции жизнедеятельности. Постулируется, что «личность вбирает в себя и интегрирует различные механизмы регуляции деятельности и жизни в целом», среди которых неизменно присутствуют логика удовлетворения потребностей, ло-

163

гика реагирования на стимул, логика предрасположенности, логика социальной нормативности, логика смысла или жизненной необходимости и, наконец, логика свободного выбора [144, с. 155 -157]. Конституирующей собственно личностный уровень психической регуляции является логика жизненной необходимости, которая отправляется смысловыми структурами личности. Логика свободного выбора, надстраиваемая над логикой смысловой регуляции, образует высший уровень психологической организации личности, на котором действуют механизмы экзистенциального выбора и ответственности [142; 143; 144]. В целом можно утверждать, что личность как психологическое образование, как регуляторная система конституируется функциями выделения субъектом себя из окружающего мира, выделения, презентации и структурирования им своих

отношений с миром и подчинения своей жизнедеятельности устойчивой структуре этих отношений [144]. Личность в строгом научном понимании собственно и является системой смысловой регуляции [144; 281].

Учитывая общетеоретическую трактовку психической регуляции, и оглядываясь на понимание личности в контексте смыслового подхода, представляется возможным дать сводное определение смысловой регуляции. **Смысловая регуляция — это система психической регуляции, осуществляемая смысловой сферой личности, направленная на выделение, презентацию и структурирование субъектом своих отношений с миром в индивидуальном сознании и на практическое подчинение активности субъекта устойчивой структуре этих отношений.** Определяющими в понимании смысловой регуляции являются следующие теоретические моменты: во-первых, смысловая регуляция является одним из уровней психической регуляции; во-вторых, смысловая регуляция реализуется смысловыми структурами и смысловыми процессами, систематизированными в смысловой сфере личности, в силу чего смысловая регуляция конституирует собственно личностный уровень психической детерминации; в-третьих, смысловая регуляция предназначена для приведения активности в соответствие с устойчивой совокупностью жизненных отношений субъекта, а не объективных связей действительности, что составляет ее онтологическую и функциональную характеристику. Как уже отмечалось выше, в качестве элементарной структурно-функциональной единицы смысловой регуляции действует динамическая смысловая система, сохраняющая все функцио-

164

нальные и структурные свойства целого - смысловой сферы, и являющаяся, тем самым, «молярной», неаддитивной единицей в конструкции личности [31; 46; 144; 145]. С учетом последних достижений смыслового подхода **динамическую смысловую систему можно определить как относительно устойчивую и автономную совокупность разнопорядковых смысловых структур, смысловых процессов и их связей, организованную по принципу иерархии (субординации) и гетерархии (координации), функционирующую как единое целое и специализированную на регуляции отдельной формы или отдельного вида активности субъекта.** Важными свойствами динамической смысловой системы, экстерииорирующимися в процессе регуляторного воздействия на активность субъекта, являются: системная целостность и относительная автономия от рядоположенных смысловых систем; сочетание иерархических и гетерархических структурных связей; генетическая опосредованность деятельностью, регуляции которой смысловая система служит; композиция динамической системы из разнородных смысловых структур, а также узкая специализация на регуляции определенного вида деятельности.

Как видно из приведенного перечня, гипотетическое представление о динамической смысловой системе корреспондирует с важнейшими методологическими принципами и подходами к исследованию психической регуляции, а именно с системным подходом и принципом деятельностной опосредованности, а также с личностным подходом. Однако для конкретно-психологического исследования необходимо однозначно очертить совокупность тех смысловых структур, которые реализуют смысловую регуляцию жизненного пути, и раскрыть системный характер их взаимодействия. В качестве ведущей структуры смысловой регуляции жизненного пути личности чаще всего предлагается смысл жизни [46; 144; 235].

Функционально-генетическая связь между смыслом жизни и становлением субъекта жизни предполагается подавляющим большинством исследователей. Общая суть их представлений по этому поводу сводится к тому, что складывание и поддержание смысла жизни является необходимым и в некоторых случаях достаточным основанием для выдвигания личности как субъекта жизни. Не случайно и современные исследования жизнотворчества [62; 203; 211], жизненного выбора [124; 200], жизненной стратегии [8],

заостряют основное внимание на смысловой сфере личности и в первую очередь на смысле жизни и жизненных ценностях как предпосылках субъектности жизни. «Восходящий характер жизненной линии и самой личности - движение и достижение ею уровня субъектности, акме - связано прежде всего с ролью смысловых ценностей в жизни и ее главного смысла жизни» [3, с. 249]. Например, Е.П.Варламова, С.Ю.Степанов, С.А.Сухоруков указывают, что житнетворчество является формой деятельной реализации смыслового потенциала личности, способом его воплощения в жизнь, согласно чему взаимообусловленность смысла жизни и житнетворчества проявляется в процессе целостного преобразования и переосмысления жизни [203].

Пожалуй, в наиболее эксплицитной форме связь между смыслом жизни и формированием субъекта жизни определена В.Э.Чудновским. Он категорически отрицает правомерность трактовки смысла жизни как всего лишь объяснительного понятия, необходимого для раздачи нравственно-этических оценок. Исследователь ратует за субстанциональное понимание феномена смысла жизни как особого психического образования, обладающего достаточной устойчивостью и независимостью от породивших его условий. Субстанциональность смысла жизни проявляется в его конструктивном и деструктивном влиянии на реальный жизненный путь личности [233-237].

В.Э.Чудновский раскрывает соотношение смысла жизни и судьбы в преломлении через всеобщий принцип взаимодействия «внешнего» - объективных условий жизни - и «внутреннего» - психических свойств личности как субъекта жизни. Для обоснования своих мыслей он заручается хорошо изученной в психологии закономерностью: в филогенезе и онтогенезе происходит ступенчатое формирование и суммация внутренних условий, что позволяет личности на определенном этапе своего развития совершить скачок от внешней детерминации к самодетерминации, то есть вырасти автономным субъектом. Не вызывает сомнения тот факт, что для смены способа детерминации необходимо вызревание определенных личностных структур, помогающих субъекту встать над внешними условиями жизни. По мнению исследователя, эту функцию обеспечивает в ряду прочих психических новообразований и смысл жизни. Он пишет: «Суть смысла жизни как психологического феномена в том, что, возникая в результате взаимодействия «внешнего» и «внутреннего», он, вместе с тем, эмансипируется от того и другого и начинает действо-

вать как «буферный механизм», как «система сдержек и противовесов», не допускающих одностороннего подчинения «внешнему» и, вместе с тем, препятствующих превращению человека в раба собственных потребностей, влечений, сиюминутных интересов» [237].

Понимание того, что вместе с возникновением смысла жизни личность «оснащается» психическими орудиями овладения жизнью, дает возможность рассуждать о диалектике смысла жизни и судьбы - извечной антиномии субъектного и несубъектного способов человеческого бытия. «Поиск и обретение человеком подлинного смысла жизни есть в то же время поиск выхода из «объективной предопределенности» судьбы» [235, с. 181].

Этот тезис может быть подкреплён размышлениями других исследователей. А.В.Суворов, например, указывает на «освобождающую» функцию смысла жизни: «Смысл жизни - это то, что делает человека свободным, то есть, собственно, делает его «человеческой индивидуальностью» [208, с. 41]. Таким образом, линия становления субъекта жизни идет параллельно с процессом формирования смысла жизни - необходимого «психического орудия» для овладения субъектом индивидуальным жизненным путем. Появление смысла жизни связано с возрастающей эмансипацией личности от внешних условий жизнедеятельности и переключением на самодетерминацию индивидуального развития и бытия.

Этот тезис подтверждается результатами теоретического анализа философско-

психологической концепции субъекта жизни, созданной в рамках отечественной и отчасти зарубежной психологии. Этот анализ помогает вычленить основную сущностную характеристику личности как субъекта жизни, решающий атрибут субъектной стратегии осуществления жизни. В качестве такой характеристики в работах отечественных психологов инвариантно указывается **способность личности к выделению себя из процесса жизни, умение дистанцироваться от собственных жизненных отношений, имеющих смысловую природу, то есть способность к смысловой регуляции жизненного пути.** Краткое резюме философско-психологической концепции субъекта жизни, данное выше, позволяет более обстоятельно аргументировать выдвинутое положение.

Во многом аналогичные положения содержатся в зарубежных экзистенциальных концепциях личности, которые мы не можем детально проанализировать в связи с ограниченным объемом работы. Типичным представителем этих концепций можно

167

считать С.Мадди - основоположника экзистенциальной персоно-логии, - на чьих представлениях о личности следует кратко остановиться.

В экзистенциальной персонологии С.Мадди смысл считается интегральной основой личности, которая пронизывает все стороны ее существования, проникает во все, что делает человек. Согласно этому учению человек является существом ищущим, пытливым, которое задается вопросом о смысле, в оригинальной трактовке называемом «экзистенциальным вопросом». В любой ситуации, в любом виде деятельности человек ищет смысл и если не находит ответа на «экзистенциальный вопрос», прекращает заниматься бессмысленным делом [269; 271].

В структуре человеческих нужд Мадди выделяет три группы потребностей - физиологические, социальные и психологические. Если физиологические и социальные потребности характеризуют личность лишь косвенно, то психологические потребности - символизации, воображения и суждения - конституируют ее. Психологические потребности в совокупности закладывают интегральную потребность личности - потребность в поиске и реализации смысла. «В конечном счете, цель или объект всех трех психологических потребностей, вместе взятых, - увеличение смысла. Отчетливо что-то осознать - значит вложить в это больше смысла, чем оно бы имело, будучи неосознанным. Стремиться к изменениям - значит пытаться повысить осмысленность переживания, делая его более волнующим, менее скучным. Наконец, упорядочивать опыт в свете ценностных суждений и предпочтений - значит повышать его осмысленность, помещая в личностный контекст» [271, р. 154; цит. по 144, с. 48].

На основе баланса трех групп потребностей в структуре личности и приоритета их реализации в жизнедеятельности выделяются два полярные типа личностного развития. Конформистский тип личностного развития и существования основывается на биологических и социальных потребностях, которые навязывают человеку логику удовлетворения сиюминутных нужд и следования социальным нормативам. Конформист всецело отдается во власть социальной системы, над ним довлеют биологические импульсы, он пасует перед необходимостью воплощения смысла жизни и необходимостью контролировать свой жизненный путь. Индивидуалистический тип личностного развития и существования опирается на сильно выраженные психологические потребности, в особенности на потребность в поиске смысла жизни. Ин-

168

дивидуалист реализует смысловую логику регуляции жизненного пути, поступаясь, где необходимо, своими биологическими и социальными потребностями. Он не подстраивается под социальные нормативы, биологические импульсы не диктуют ему готовых решений; он свободно и ответственно детерминирует свою жизнь в опоре на открытые смыслы.

Резюмируя положения экзистенциальной персонологии, нельзя не заметить, что

выделенные С.Мадди способы личностного развития существования чрезвычайно схожи с предложенным С.Л.Рубинштейном делением способов бытия человека как не субъекта и субъекта жизни. Индивидуалистическая модель развития личности совпадает с субъектным способом осуществления жизни, а идея не субъектного способа бытия созвучна модели конформистского развития личности. Особенно примечательно то, что индивидуалистический путь личностного развития основывается именно на хорошо развитой смысловой регуляции жизнедеятельности, что и отличает подлинного субъекта жизни от не субъекта, конформиста.

В настоящее время между исследователями нет единства в понимании онтологического статуса и психических функций смысла жизни. Все множество философско-психологических трактовок смысла жизни и его функций можно условно подразделить на три условные категории. Трактовки первой категории сближает то, что смысл жизни определяется в них как объективное свойство реального жизненного пути личности, как объект или явление индивидуального жизненного мира. Зачастую таким объективным смыслом жизни декларируется общая смысловая (интенциональная) направленность жизненного пути или объект самоотдачи, на который собственно устремлен жизненный путь личности [104; 166; 223; 224; 228; 238]. Эти трактовки раскрывают онтологическую плоскость существования смысла жизни.

Трактовки второй категории роднит то, что в них смысл жизни устойчиво приписывается структуре индивидуального сознания, личности или механизмам психической регуляции жизненного пути, то есть рассматривается как фрагмент субъективной реальности. В структуре сознания смысл жизни уподобляют главной жизненной цели [113; 114; 153; 162], субъективному идеалу жизни [162; 179], жизненной программе [202], системе ценностных или смысло-жизненных ориентации [93; 147; 179; 213], субъективным представлениям о смысле жизни [93], ведущим жизненными идеям [259; 278], индивидуальной философии жизни или концепции смысла жизни [244; 257; 278]. В структуре личности

169

смысл жизни отождествляется с разнообразными смысловыми структурами и интегральной основой личности, о чем речь пойдет ниже. В структуре механизмов психической регуляции жизненного пути смысл жизни выдают за схему жизни [277], стиль жизни [255], неосознанную интерпретацию жизни [255], механизм упорядочивания жизни [280; 281], потребность в смысле жизни [168]. Некоторые исследователи постулируют многогранные модели смысла жизни, охватывающие одновременно его феноменологические, личностные и деятельностные измерения в структуре субъективной реальности [282].

Трактовки третьей категории объединяются на основании того, что в них смысл жизни представляется как социально-психологический феномен, включенный в структуру уже не индивидуального сознания, а погруженный в коллективную ментальность или инкорпорированный в смысловое поле культуры. Здесь, по мнению исследователей, смысл жизни бытует в форме общественных идеалов жизни [162; 179], смыслонесущих символов и архетипов [244], артефактов культуры, мифов и мировоззренческих концепций [67; 76; 148].

Некоторые философы и психологи пытаются собрать разрозненные измерения смысла жизни воедино и предложить интегрированные концепции, учитывающие объективные, субъективные и межличностные проекции феномена [15; 66; 218; 239; 282].

В контексте конкретно-психологического исследования более продуктивным представляется понимание смысла жизни как составляющей смысловой сферы личности. В данном случае однозначно фиксируется онтологический статус смысла жизни - его положение в системе психического отражения, локализация в субъективной реальности - и тем самым проясняются его регуляторные функции как функции именно смысловой регуляции. Однако если исследователи солидарны в том, что смысл жизни является

смысловой структурой, то они по-прежнему противоречат друг другу в выборе того разряда смысловых структур, к которому принадлежит смысл жизни. Сам по себе смысл жизни и его функции в контексте смысловой регуляции отождествляются с генеральным личностным смыслом [46], смысловой установкой [30], жизненным мотивом [133] и функциями данных смысловых структур. Смысл жизни также идентифицируют с личностной ценностью [48; 224; 236], индивидуальной потребностью [168] и смысловой диспозицией - устойчивым смысловым отношением личности к собственной жизни [8; 192].

170

По нашему мнению, смысл жизни является сложносоставной, многоуровневой системой смысловых структур высокой степени обобщенности, занимающих центральное место в смысловой сфере личности и совместно программирующих общую смысловую направленность индивидуального жизненного пути. «Плоскостное» понимание смысла жизни как «монолитной», односоставной структуры не выдерживает критики по той причине, что регуляторные функции смысла жизни простираются на целостный жизненный путь. Соответственно, для тонкой смысловой регулировки и нюансировки активности субъекта в разнообразных жизненных событиях и ситуациях необходима не одна смысловая структура, а целый их ансамбль, функционирующий как единая система. Более того, по свидетельству исследователей смысл жизни выполняет множество функций в системе смысловой регуляции жизненного пути, а в частности, ему атрибутируют функции, свойственные собственно личностному смыслу, смысловой установке, смысловой диспозиции, личностной ценности, индивидуальной потребности, то есть разнородным смысловым структурам. Логично предположить, что смысл жизни является системой, которая сконструирована из перечисленных смысловых структур, что позволяет ему гибко осуществлять разнотипные, смешанные функции смысловой регуляции жизненного пути. Для раскрытия системного характера функционирования и строения смысла жизни целесообразно рассматривать его как **динамическую смысловую систему**, потенцирующую основные функции смысловой регуляции жизненного пути личности.

В последнее время в специальной литературе по проблеме смысла жизни просматривается тенденция определять его как системное, «ансамблевое» образование (Б.Г.Ананьев) внутреннего мира личности. Понимание смысла жизни как динамической смысловой системы оправдано уже имеющимися в психологической литературе изысканиями, предусматривающими системное определение феномена. В первую очередь здесь необходимо вспомнить трактовку смысла жизни в логотеории и логотерапии В.Франкла [223; 224]. По Франклу, каждый человек в своей жизни реализует индивидуальный смысл жизни, устремлен к определенным жизненным ценностям, в реализации которых заключен этот глобальный смысл [223, с. 184-185]. Наряду с глобальным смыслом в жизни человека соседствуют множество уникальных смыслов единичных ситуаций, которые в сумме слагают и детализируют смысл жизни. «Смысл - это всякий раз также и конкретный

171

смысл конкретной ситуации. Это всегда «требования момента» [223, с. 29]. Предполагается, что спрашивать о смысле жизни вообще -ложная постановка вопроса, которая апеллирует к туманным и недоказуемым общим представлениям о жизни; надо спрашивать об уникальном смысле конкретной ситуации [223, с. 190]. В теории В.Франкла, таким образом, имплицитно присутствует идея о том, что смысл жизни является системой, которая скомпонована из множества «малых» смысловых структур.

В.Э.Чудновский в своих исследованиях также исходит из того, что в основе структуры смысла жизни лежит иерархия смыслов, соотношение «больших» и «малых» смысловых образований. По мнению исследователя, становление и функционирование смысла жизни в целом определяется не только содержанием «главного смысла», но и характером его соотношения с другими жизненными смыслами. В конечном итоге смысл жизни

формируется как «динамическая система», «структурная иерархия, система больших и малых смыслов» [1999, с. 76-77]. Г.А.Вайзер метафорически определяет смысл жизни как «динамичную иерархическую систему, в которой наряду с множеством так называемых малых смыслов существует и большой, главный жизненный смысл, как бы своеобразное ядро, которое конкретизируется, воплощается в жизненных ситуациях, то обрастая оболочками, то оголяясь и освещая как факел путь в неведомое или, наоборот, помогая оценить прожитые годы» [61, с. 6]. Самую недвусмысленную характеристику смыслу жизни как динамической смысловой системе дает Д.А.Леонтьев, согласно которому смысл жизни является стержневой и обобщенной динамической системой смыслов, ответственной за общую интенциональную направленность жизни субъекта как целого [144, с. 250].

Таким образом, смысл жизни включается в смысловую сферу личности в форме сложной системы разнопорядковых смысловых структур или, иными словами, в форме динамической смысловой системы. В настоящем исследовании в качестве рабочей принимается нижеследующая формулировка смысла жизни.

Смысл жизни - это динамическая смысловая система, интегрирующая множество разноуровневых смысловых структур и процессов и детерминирующая общую смысловую направленность жизненного пути личности. Смысл жизни является ведущей структурой смысловой регуляции жизненного пути личности.

Если интерполировать общую формулировку смысловой регуляции на регуляцию жизненного пути личности, то можно выйти

172

на следующее определение: **смысловая регуляция жизненного пути - это система смысловых структур и процессов, интегрированных в динамическую систему смысла жизни, обеспечивающих подчинение жизнедеятельности субъекта устойчивой совокупности жизненных отношений и обслуживающих выделение, презентацию и структурирование этих отношений в субъективной картине жизненного пути.** Как следует из предложенного определения, в качестве центральной инстанции смысловой регуляции жизненного пути выступает смысл жизни личности, который связывает в своей структуре воедино множество смысловых структур, осуществляющих оперативную и ситуативную регуляцию жизненного пути. В конечном итоге смысловая регуляция жизненного пути является результатом сопряженного регулирования жизнедеятельности субъекта смыслом жизни и более мелкими смысловыми структурами, функционирующими как слаженные звенья единой смысловой регуляции в рамках динамической системы смысла жизни.

Смысловая регуляция жизненного пути, как и всякая форма психической детерминации, может осуществляться в двух формах: неосознанной, произвольной форме и произвольной форме как регуляция через сознание. В последнем случае можно говорить о смысловой саморегуляции жизненного пути в связи с тем, что саморегуляция есть процесс психической детерминации активности субъекта, преломляющийся через сознание и движимый его механизмами [45; 119]. Единую систему смысловой регуляции можно также условно расщепить на уровни осознанной и неосознанной регуляции [32; 144], что корректно и в отношении регуляции жизнедеятельности субъекта смыслом жизни [236; 237]. В контексте настоящего исследования осознанная форма смысловой регуляции представляет больший интерес. Это связано с тем, что признак осознанности является важной характеристикой субъекта жизни как носителя системы осознанной произвольной саморегуляции жизненного пути [7; 192; 198].

Предложенное выше определение смысла жизни фиксирует лишь его субстратный аспект, то есть место и роль смысла жизни в структуре личности и в структуре механизмов психической регуляции жизненного пути. При этом из поля зрения выпадает феноменологическая плоскость анализа смысла жизни, то есть форма его представленности в структуре индивидуального сознания. Без определения формы

представленности смысла жизни в структуре сознания невозможно вести речь об осознанной само-

173

регуляции жизненного пути, которая столь присуща субъекту жизни. Анализ работ, в которых затрагивается смысложизненная проблематика, свидетельствует о том, что формой отражения смысла жизни в индивидуальном сознании является понимание, вербализированное в имплицитной концепции смысла жизни конкретной личности [98; 168; 223; 279; 281; 282]. Разумеется, мы далеки от мысли, что понимание смысла жизни - когнитивная репрезентация - полностью исчерпывает феноменологические формы смысла жизни. Несомненно, существуют эмоциональные формы репрезентации смысла жизни в структуре индивидуального сознания и, по мнению некоторых исследователей, эти формы являются более значимым для психологического благополучия личности, нежели четкое, рассудочное понимание смысла жизни. Д.А.Леонтьев, например, пишет, что с психологической точки зрения главным является не осознанное представление о смысле жизни, а насыщенность реальной повседневной жизнедеятельности реальным смыслом, чувство осмысленности жизни [144, с. 249]. Однако для сознательной регуляции жизненного пути понимание смысла жизни оказывается незаменимой и наиболее существенной формой презентации смысла жизни в структуре сознания субъекта. Именно с системой субъективных представлений о смысле жизни личность согласовывает свою активность при построении индивидуального жизненного пути.

Понимание смысла жизни - это форма его существования в структуре индивидуального сознания, которая заключается в более или менее полном и адекватном осознании субъектом общей смысловой направленности индивидуального жизненного пути, в системе представлении субъекта о содержании смысла своей жизни.

Понимание смысла жизни в данной работе изучается преимущественно в результативном аспекте как индивидуальная внутренняя концепция смысла жизни, складывающаяся в результате осознания, рефлексии личностью смысла своей жизни. Конечно, наряду с результативным аспектом понимание смысла жизни можно выставлять в процессуальном аспекте как мыслительный процесс понимания, результирующийся осознанием смысла жизни, и в мотивационном аспекте как специфическую потребность в понимании смысла жизни. Понимание смысла жизни является субъективной репрезентацией жизненного пути, фиксирующей одно из его объективных свойств - общую смысловую направленность. Ввиду данного обстоятельства понимание смыс-

174

ла жизни выполняет функцию осознанной регуляции жизненного пути, посредством чего субъект намеренно и произвольно подчиняет свою жизнедеятельность реализации смысла жизни, то есть поднимается на уровень осознанной произвольной саморегуляции, самодетерминации жизненного пути.

В осознанной и произвольной форме смысловая регуляция жизненного пути предстает как смысловая саморегуляция. **Смысловая саморегуляция жизненного пути - это преимущественно осознанное, целенаправленное, произвольное планирование, построение и преобразование субъектом собственного жизненного пути в соответствии со смыслом своей жизни, осуществляемое на основе его понимания.**

Необходимо отметить, что смысловая саморегуляция не покрывает всей системы осознанной произвольной саморегуляции жизненного пути личности. Смысловая регуляция представляет важное звено этой системы и соответствует, в терминах С.Л.Рубинштейна, подсистеме побудительной регуляции жизненного пути [186]. Смысловые структуры, задействованные в смысловой регуляции жизненного пути, обеспечивают энергетическую подпитку и наполняют смыслом содержательную сторону мотивации жизнедеятельности субъекта. Смысловая регуляция является исключительной функцией личности и в этой связи выполняется теми структурами, которые диктуют мотивационное

содержание, смысловое наполнение активности субъекта, а именно терминальными [30], личностно-смысловыми [46], содержательно-смысловыми [142] особенностями личности. Иными словами, структуры и процессы смысловой регуляции жизненного пути ответственны за «содержательно-смысловую сторону регуляционных процессов, содержание внутреннего смысла деятельности для субъекта, за содержание побуждающих мотивов...» [121, с. 167]. Хотя, конечно, психическая регуляция жизненного пути смысловой регуляцией не лимитируется, так как, согласно общей концептуальной модели психической регуляции, существует другой блок регуляторных структур, детерминирующих формально-динамические, временные параметры психического регулирования и контролирования [120] или исполнительскую регуляцию [186]. Эти регуляторные структуры объединяются в инструментальную подструктуру личности [30], индивидуально-исполнительский [46] или экспрессивно-инструментальный [142] уровень личностного устройства, который служит адекватной исполнительской операционализации и инструментализации смысловых отношений субъекта.

175

С точки зрения мультирегуляторной модели личности [144], сводящей в единую систему большинство уровней и подсистем психической регуляции, смысловая регуляция жизненного пути также является одним из высших уровней психической детерминации. Если нижележащие уровни психической регуляции обеспечивают ориентировку субъекта в объективных свойствах, связях и закономерностях жизненного пути и локальных жизненных событий, то смысловая регуляция служит для ориентации субъекта в устойчивой структуре смысловых связей между событиями жизненного пути и индивидуальным смыслом жизни. Подчинение жизнедеятельности субъекта устойчивой и инвариантной структуре смысловых связей связано с реализацией **логики смысложизненной необходимости** как одной из плюралистичных логик психической регуляции. Данная логика существует как разновидность смысловой логики или логики смысловой необходимости, присущей исключительно личности как внутренней инстанции психической регуляции [144; 164]. Если личность во всех своих проявлениях культивирует общую логику смысла, то личность в своей частной ипостаси - как субъект жизни - реализует логику смысла жизни или смысложизненной необходимости.

На практике данная логика психической регуляции жизненного пути объективируется тогда, когда личность своими жизненными выборами, решениями и поступками отдает предпочтение смысловым связям, происходящим от смысла жизни, и сличает свою жизнедеятельность преимущественно с этими связями. Действительно, личность как субъекта жизни отличает прежде всего стремление к первоочередной реализации смысла жизни по принципу «Я сделал это потому, что это важно для осуществления смысла моей жизни». Логика смысложизненной необходимости отстоит от большинства логик регуляции активности субъекта ввиду того, что она выступает как логика преобразующей, творческой, созидательной, гетеростатической активности субъекта, в процессе которой достигаются самореализация личности и сотворение индивидуальной биографии. На логике смысловой регуляции жизненного пути зиждется продуктивная разновидность жизнедеятельности - житнетворчество [211]. Другие логики типа логики удовлетворения потребности и логики реагирования на стимул являются гомеостатическими потому, что субъект на их основе не преобразует действительность, а довольствуется наличными условиями. Недаром В.Э.Чудновский образно характеризует смысл жизни как некий «буферный меха-

176

низм», который эмансипирует субъекта от диктата «внешнего» и «внутреннего»: не позволяет индивидуальным потребностям поработать субъекта и дает ему шанс преодолеть реактивную регуляцию жизнедеятельности внешними стимулами [237].

Таким образом, логика смысложизненной необходимости - это одна из логик психической регуляции жизненного пути, связанная с преимущественной

ориентацией личности на смысловые связи, производные от смысла жизни, и проявляющаяся в доминировании этих связей при отражении жизненного пути в сознании и в практической деятельности личности как субъекта жизни. Логика смысложизненной необходимости — это логика регуляции жизненного пути смыслом жизни, эксклюзивная логика регуляции жизнедеятельности личности как субъекта жизни.

По нашему мнению, способность быть субъектом жизни личность обретает только в связи с появлением в ее структуре динамической системы смысла жизни, которая курирует регулятор-ную логику смысложизненной необходимости. Регуляторные функции этой логики присущи исключительно системе смысловой регуляции жизненного пути и немислимы в отрыве от динамической системы смысла жизни. Психологическим критерием зрелости личности в качестве субъекта жизни является сформированность и сохранность в ее структуре смысла жизни как динамической смысловой системы.

Если рассматривать смысловую регуляцию жизненного пути в контексте общей системы психического саморегулирования, то следует признать, что она составляет один из высших уровней развития и строения этой системы. Именно на этом уровне возникает специфический феномен субъектности жизни как способности личности к самодетерминации жизненного пути. Обычно называют две отличительные особенности саморегулирования: осознанность психических и деятельных процессов и их опосредованность знаками, орудиями, среди которых главную роль играет слово, речь. С развитием психологической теории смысла к этим особенностям добавилась еще одна характеристика саморегулирования в человеческой психике - осмысленность, которая позволяет сделать активность мотивосообразной и целесообразной, а значит, подотчетной личности как носителю субъектности [31; 64; 90; 100; 144].

Действительно, смысловая сфера личности имеет огромное значение в построении системы психической саморегуляции жиз-

177

ненного пути. Не случайно исследователями констатируется связь между мотивационно-смысловой регуляцией активности и самодетерминацией личности, ведь произвольная инициация, побуждение и поддержание активности являются функциями смысловой сферы личности. Всякая форма активности начинается с выделения и самостоятельного оформления релевантных ей мотивов и смыслов и полагания на их основе целей и задач [27; 28]. Как пишет С.Л.Рубинштейн, «развитие мотивационной системы, формирование иерархии мотивов приводит к тому, что человек перестает быть рабом непосредственной ситуации, действия его становятся опосредованными, могут определяться не только стимуляцией, исходящей из непосредственной наличной ситуации, но и целями и задачами, лежащими за ее пределами, они становятся избирательными, целевыми и волевыми» [192].

Выше при обсуждении места и роли смысловой регуляции в системе психического саморегулирования подчеркивалось, что смысловые структуры личности являются главным фактором структурной организации и нормального функционирования этой системы. Напомним, что психическая саморегуляция представляет собой системно организованный процесс внутренней психической активности человека, направленный на инициацию, построение, поддержание и управление различными видами и формами произвольной активности, реализующими процесс достижения сознательных целей [119]. По ходу настоящего изложения также отмечалось, что в исследованиях различных психобиографических структур личности, как правило, пренебрегают требованиями системного подхода. Это приводит к тому, что исследователи упускают из виду системные функции различных регуляторных структур в целостной системе психической саморегуляции жизненного пути личности.

Тем не менее все множество известных психологической науке структур, регулирующих реальный жизненный путь личности, можно разместить по блокам системы психического

саморегулирования, выделенных в концептуальной модели ОА.Конопкина [119; 120]. Так, целесообразным представляется выделение целевого блока, в который входят жизненные цели и жизненные программы, возникающие в результате целеполагания личности в масштабе биографического времени. Также необходимо выделять модель значимых условий жизненного пути, в которой интегрированы все субъективные автобиографические репрезентации, ориентирующие личность в наиболее важных событиях. Это - временная перспек-

178

тива и транспектива, а также субъективная картина жизненного пути. Важно дифференцировать блок планирования и программирования жизненного пути, в котором задействованы жизненные планы личности, а также блок критериев жизненного успеха, в который включены эталоны жизненного пути, жизненные притязания личности. С последним из выделенных блоков тесно связан блок контроля и оценки реальных результатов жизненного пути, а также блок коррекции всей системы саморегулирования. Здесь особое внимание следует обратить на процессы принятия жизненных решений, на механизмы биографического выбора личности. При этом нельзя забывать, что целостность, системность, функциональную слаженность всем перечисленным блокам придает личность с ее «сквозными» процессами смысловой регуляции. Это закономерно, потому что, как было сказано, личность, а не сознание, владеет и распоряжается всеми ресурсами осознанного произвольного саморегулирования.

Таким образом, **сформированность смысловой регуляции жизненного пути является основанием для развития всей системы осознанного саморегулирования, по отношению к которой смысловые структуры и процессы личности выполняют системообразующую, организующую, интегрирующую, модулирующую функции.**

Смысловая саморегуляция жизненного пути - это тот уровень развития психической саморегуляции, на котором личность присваивает уже не единичные акты общения, подчиняет себе не только отдельные виды предметной деятельности, а проявляет способность к координации, упорядочиванию, регламентации частных видов деятельности в масштабе индивидуального жизненного пути, в ракурсе биографического времени. Она овладевает способностью распоряжаться, руководить своей жизнью, конструировать собственную судьбу за счет того, что смысл жизни выступает как смысловая структура личности, которая объемлет весь жизненный путь целиком. Другими словами, смысл жизни - это отношение личности к своей жизни как целому. По мнению О.А.Конопкина, «глубина» временной перспективы, доступная адекватному программированию активности субъекта, выступает в качестве показателя индивидуального уровня развития саморегуляции [121, с. 170-171]. Смысл жизни позволяет личности посягнуть на овладение системой жизненных отношений, которые составляют индивидуальный жизненный путь, на большой временной дистанции. По этой причине наличие смысла жизни и его

179

включенность в систему осознанного произвольного саморегулирования уже само по себе является интегральным индикатором высокого уровня развития субъектности. С точки зрения смыслового подхода к личности смысл жизни представляется внутренним планом индивидуального жизненного пути или, как говорил С.Л.Рубинштейн, «жизненным замыслом» [192]. По мнению Б.С.Братуся, одной из регуляторных функций смысла жизни является проектирование идеального «эскиза будущего жизненного пути» [46]. С этой точки зрения смысл жизни необходимо рассматривать как функциональный орган личности как субъекта жизни, как орудие овладения личностью своими жизненными отношениями. «Смысл жизни - особая модальность ее субъекта. Это жизненная концепция человека, обобщение личностью своих задач, возможностей и места в жизни. Смысл жизни возникает на основе соотношения с жизнью именно себя, заключается в определении именно своих задач» [9, с. 231].

Система смысловой регуляции жизненного пути личности обладает своей архитектурой, которая адекватна выполняемым данной системой регуляторным функциям. При анализе регуляторных функций отдельных смысловых структур в рамках единой динамической смысловой системы принято подразделять функциональные уровни смысловой регуляции. К уровню структур, непосредственно участвующих в смысловой регуляции жизнедеятельности и отражении ее значимых условий в сознании субъекта, относят смысловую установку и личностный смысл. К уровню структур, косвенно включенных в смысловую регуляцию через порождаемые ими в процессе смыслообразования смысловые структуры первого уровня, причисляют мотив, смысловую диспозицию и смысловой конструкт. К высшему уровню смысловой регуляции отходят личностные ценности, которые, характеризуясь наибольшей стабильностью и генерализацией среди прочих смысловых структур, являются «неизменным и устойчивым в масштабе жизни субъекта источником смыслообразования, автономным по отношению к конкретным ситуациям взаимодействия субъекта с миром» [144, с. 233].

Эти концептуальные положения применимы также для анализа смысла жизни как одной из наиболее глобальных динамических смысловых систем в структуре личности и системе смысловой регуляции жизненного пути. Действительно, понимание смысла жизни как динамической смысловой системы заставляет признать его многокомпонентный состав и сложное уровневое

180

строение, отражающие регуляторные функции данного личностного образования. В структуре динамической системы смысла жизни дифференцируются функциональные уровни, аналогичные универсальным уровням, выделенным выше для каждой динамической смысловой системы в структуре личности. Для полноты исследования всегда целесообразно проанализировать репрезентативные смысловые структуры, участвующие в смысловой регуляции жизненного пути личности на каждом из уровней структурирования динамической системы смысла жизни. В эмпирическом исследовании первый уровень смысловой регуляции жизненного пути может быть представлен изучением регуляторной роли личностного смысла жизненного события; второй уровень смысловой регуляции - рассмотрением смысловых конструктов, репертуар которых программирует восприятие, оценку и прогнозирование жизненных событий; третий уровень смысловой регуляции - анализом личностных ценностей - источников конкретных смыслов жизни. Таким образом, за счет изучения разнопорядковых смысловых структур, интегрированных в динамическую систему смысла жизни, может быть гарантирована полнота эмпирического охвата смысловой регуляции жизненного пути личности.

При построении психологической концепции субъекта жизни необходимо учитывать культурно-исторический подход, в рамках которого субъектность определяется как обусловленная социокультурными «идеальными формами» регуляции деятельности. Действуя в качестве субъекта жизни, личность выступает как носитель исторически и культурно кристаллизованных форм смыслового и деятельного отношения людей к собственной жизни. Активное овладение этими формами достигается путем подчинения индивидуального жизненного пути культурно-историческим содержаниям смысла жизни. Смысл жизни полагается в качестве наиболее обобщенного и универсального смыслового отношения человека к собственному бытию, причем отношения, заданного в системе исторических и культурных координат [8; 46; 113; 114; 223; 235]. Именно на этом уровне личность функционирует в режиме системы приобщения человека к смыслам жизни, запрограммированным и транслируемым через культуру - поле коллективных смыслов. Для личности, ориентирующейся в смысловых и деятельных отношениях к собственной жизни, «общечеловеческая культура оказывается не кунсткамерой ценностей прежних поколений и не сводом законов, норм, готовых истин, а неисчерпа-

181

емым резервуаром прецедентов (человеческих судеб), сотворенных конкретными историческими личностями. Их переосмысление, рефлексия и является механизмом творения опыта собственной жизни и ее культурного, духовного смысла» [203, с. 110].

Формирование смысла жизни является частным случаем универсальной закономерности культурного психического развития смысловой сферы личности. Натуральный ряд развития мотивационно-смысловой сферы личности заключается в прижизненном разворачивании врожденных потребностей и их переключении на социально релевантные мотивы и способы удовлетворения [69; 99; 140]. Культурный ряд развития смысловой сферы личности детерминирован процессами интериоризации смысловых образований, которые первично существуют в социально разделенных формах мировоззренческих систем, произведений искусства, культурных предметов [46; 144; 242]. В процессе интериоризации эти первичные формы смысловых образований «вращиваются» в структуру смысловой сферы личности и в качестве культурных орудий постепенно опосредуют активность субъекта. Как пишет В.А.Лекторский, «социально-культурная опосредованность имеет место и в процессе формирования уникальных, индивидуальных особенностей данного субъекта, и в ходе усвоения всеобщих смысловых структур, лежащих в основе как познавательной, так и других специфически-человеческих видов деятельности» [131, с. 175]. Смысл жизни, таким образом, следует рассматривать как культурно-историческую форму смыслового отношения личности к собственной жизни, как культурное орудие овладения индивидуальным жизненным путем.

На наш взгляд, изложенные методологические и теоретические представления обнаруживают большой эвристический потенциал при построении психологической концепции субъекта жизни. В свете этих концептуальных положений логично предположить, что личность как субъект жизни является прежде всего регуляторной системой, которая обеспечивает овладение человеком собственным жизненным путем. В процессе прижизненного психического развития личность как активный субъект присваивает широкий диапазон видов деятельности, причем масштабы самой этой деятельности неуклонно разрастаются во времени и пространстве. От овладения изолированными видами деятельности как отдельными «психологическими единицами жизни» (А.Н.Леонтьев) личность переходит к овладению целостной системой этих видов деятельности - собственной жизнью. При этом общее направле-

182

ние психического развития личности выражается в том, что она «постепенно превращается из существа, подчиненного внешним влияниям, в субъекта, способного действовать самостоятельно на основе сознательно поставленных целей и принятых намерений» [44, с. 437].

2.3. Понятие субъекта в современной психологии

Понятие субъекта в современной психологии весьма расплывчато, многозначно и уподобляется большому мешку, в который сваливают многообразные критерии и признаки субъектности. В первую очередь это связано с междисциплинарным статусом данного понятия и не в последнюю очередь с тем, что проблема субъекта долгое время специально не освещалась в гуманитарных науках. В первом приближении субъект определяется как носитель активности - предметно-практической деятельности и познания, направленных на объект [222, с. 661]. Эта формулировка является скорее философской, нежели конкретно-психологической, поскольку не предлагает никаких психологических структур и инстанций, которые делают человека источником и носителем активности. Тем не менее данная формулировка является фундаментальной в силу того, что она устанавливает активность как основной атрибут субъектности и тем самым фундаментирует конкретно-научное понимание субъекта.

Трактовка человека как субъекта жизни подчеркивает активный способ его существования, суть которого заключается в противостоянии и противоборстве натуральному течению жизни, естественным детерминационным отношениям жизненных

событий. Кроме того, категория субъекта как активного существа неявно подразумевает пассивный полюс или объект, реципирующий активность. Поэтому понятие субъекта жизни наряду с активным характером отношения личности к своей судьбе акцентирует тот факт, что индивидуальная жизнь как объективный процесс является «точкой» приложения сущностных сил личности - специфическим предметом особой формы произвольной человеческой активности.

Овладение личностью жизненными отношениями и их практическое воспроизводство связано со становлением особой формы деятельности, направленной на осуществление и изменение

183

жизненных отношений, или, другими словами, на построение индивидуальной жизни. Исходя из концептуального положения, что каждая динамическая смысловая система настроена на регуляцию определенного вида деятельности, в процессе которой она к тому же и формируется по принципу деятельностного опосредования, необходимо определить форму человеческой деятельности, которой релевантен смысл жизни как динамическая смысловая система. На наш взгляд, такой формой деятельности является жизнедеятельность. В настоящем исследовании понятие жизнедеятельности употребляется в значении особой деятельности, нацеленной на проектирование и построение индивидуального жизненного пути.

Жизнедеятельность — это особый вид деятельности, направленный на созидание индивидуального жизненного пути и регулируемый динамической системой смысла жизни. Существенными чертами жизнедеятельности, отличающими ее от иных форм и видов деятельности, являются: во-первых, объект жизнедеятельности - индивидуальная жизнь; во-вторых, субъект жизнедеятельности - личность в роли субъекта жизни; в-третьих, целевая функция жизнедеятельности - проектирование и созидание жизненного пути; в-четвертых, динамическая система смысла жизни как ведущая инстанция психической регуляции жизнедеятельности. Последняя черта представляется наиболее значимой в контексте исследования жизнедеятельности как особой разновидности деятельности личности. По мнению А.Н.Леонтьева и других представителей деятельностного подхода в психологии, психологическая характеристика и онтологическая самостоятельность всякой деятельности однозначно детерминирована наличием независимого мотива, опредмеченного в данной деятельности [46; 133]. В свете данного положения смысл жизни можно рассматривать в качестве специфического «мотива», который конституирует жизнедеятельность как особый вид деятельности и эмансипирует ее в ряду прочих видов произвольной активности. Если отдельная деятельность регулируется на основе наличия в смысловой структуре личности релевантной динамической смысловой системы, то жизнедеятельность определяется динамической системой смысла жизни. Смысл жизни как динамическая смысловая система концентрирует всю совокупность смысловых отношений личности к разнообразным объектам и явлениям жизненного пути - от локальных событий до протяженных периодов жизни, включая индивидуальный жизненный путь в его нерасторжимой целостности.

184

Теоретическое понимание жизнедеятельности как деятельной формы отправления личностью жизненных отношений фундировано на системно-деятельностном подходе к анализу человеческой жизни. Выше уже анализировался познавательный потенциал данного методологического подхода в исследованиях психологии субъекта. Посредством понятия жизнедеятельности этот подход внедряется в сферу психологических исследований личности как субъекта жизни. Можно утверждать, что жизнедеятельность выступает родовой формой человеческой практики, благодаря которой безликий процесс жизни претворяется в специфически человеческий феномен - жизненный путь личности. Сущностные характеристики жизнедеятельности несут отпечаток специфического характера ее детерминации в условиях человеческого способа бытия, а именно

обусловленность сознанием и личностью. Собственно психологический аспект исследования жизнедеятельности - это изучение личности как субъекта жизни, обладающего сознанием и строящего при его посредничестве свой жизненный путь. Процессы созидания и творения личностью своей жизнедеятельности знаменуют начало развития субъекта жизни.

Здесь необходимо ввести различие жизни как процесса и как деятельности. При этом следует руководствоваться критерием С.Л.Рубинштейна: «Всякая деятельность есть вместе с тем и процесс или включает в себя процессы, но не всякий процесс выступает как деятельность человека. Под деятельностью мы будем здесь понимать такой процесс, посредством которого реализуется то или иное отношение человека к окружающему его миру, - другим людям, к задачам, которые ставит перед ним жизнь» [186, с. 256-257]. Жизнь как процесс - это динамика жизненных отношений и обстоятельств, обусловленная их естественным объективным развитием, захватывающая и поглощающая личность. Жизнь как жизнедеятельность - это процесс осмысленного, осознанного, целенаправленного преобразования личностью объективных обстоятельств своей жизни; это инициированный личностью процесс установления, воссоздания, реконструкции жизненных отношений, который, конечно, закономерно сочетается с их естественной динамикой. По словам С.Л.Рубинштейна, «жизнь - это процесс, в котором объективно участвует сам человек. Основным критерий его отношения к жизни - строительство в себе и в других новых, более совершенных, внутренних, а не только

185

внешних форм общественной жизни и человеческих отношений» [192, с. 379].

Таким образом, с появлением смысла жизни сама жизнь из неконтролируемого и неуправляемого процесса превращается в особую разновидность человеческой деятельности. На уровень развития субъекта жизнедеятельности человек восходит тогда, когда подчиняет свою активность смыслу жизни, то есть действует как личность с присущим ей аппаратом смысловой регуляции. Смысл жизни при этом понимается как идеальная, субъективно превращенная форма жизненных отношений человека, в которой ему дана целостность его реальной жизни. Основываясь на вышеизложенном, можно утверждать, что сущностной характеристикой личности как субъекта жизни является смысловая регуляция жизненного пути, в системе которой ведущая роль принадлежит смыслу жизни. **Действительно, формирование жизнедеятельности и становление личности субъектом собственной жизни являются равнозначными и синхронными процессами, которые связаны с зарождением и ав-тономизацией в структуре смысловой сферы динамической системы смысла жизни.**

Жизнедеятельность, равно как и всякая деятельность, специфицируется двумя свойствами: субъектностью и предметностью. Субъектностью квалифицируется жизнедеятельность как принадлежащую личности, а предметность - как ориентированную на свой особый предмет.

Субъектность жизни есть одна из частных субъектных проекций личности, которая объективируется в сфере жизнедеятельности. Соотношение личности и субъекта жизни удачно схватывает формула о том, что «субъект деятельности в каждый конкретный момент - преходящее явление; фактически, сколько видов деятельности, столько и субъектов деятельности. Но за этим преходящим субъектом стоит относительно устойчивое и перманентное образование, именуемое личностью. Личность как относительно устойчивая и перманентная система имеет множество своих преходящих проявлений в виде субъекта деятельности» [195, с. 199]. Субъект жизни - это личность, которая является носителем жизнедеятельности как особой формы деятельности по проектированию и реализации индивидуального жизненного пути. Субъектная активность личности объективируется в строении индивидуального жизненного пути. Субъектом жизни инвариантно является человек как личность, а не как социальный или

186

биологический индивид. Поэтому в науке не принято ставить вопрос о жизненном пути организма или социального индивида; вопрос о жизненном пути ставится однозначно как о принадлежащей личности истории. Для понятийной фиксации развития индивида во времени жизни предназначены понятия онтогенеза и жизненного цикла [16; 116; 118].

Становление личности субъектом собственного жизненного пути неразрывно связано с формированием, поддержанием и воспроизводством полноценной системы смысловой регуляции жизненного пути, в частности, с развитием динамической системы смысла жизни. Причем определяющим субъектность жизни уровнем психической регуляции выступает именно уровень смысловой регуляции жизненного пути потому, что смысловая регуляция обеспечивает отделение субъектом себя от своих жизненных отношений и возвышение над ними с последующим оперированием этими отношениями в сознании и реальной жизнедеятельности. Личность, таким образом, благодаря наличию смысла жизни вырывается из поглощенности непосредственными, наличными, сиюминутными обстоятельствами и приподнимается над «поток» жизни - динамикой жизненных отношений. Смысловая регуляция активности субъекта по своему базовому назначению нагружается функциями выделения, репрезентации, структурирования и преобразования реальных жизненных отношений, сложившихся в процессе жизнедеятельности субъекта [133; 144]. Это в высшей мере справедливо по отношению к смыслу жизни, который способствует выделению, репродукции и реконструкции жизненных отношений личности и облегчает, тем самым, ее формирование как субъекта жизни. Одно из наиболее важных концептуальных положений настоящего исследования заключается в следующем: **смысл жизни как основная инстанция смысловой регуляции жизненного пути конституирует личность в качестве субъекта жизни. Вне смысловой регуляции жизненного пути и, в частности, без более или менее оформленного смысла жизни как динамической смысловой системы в структуре личности, личность не может состояться в ипостаси субъекта жизни.**

Таким образом, можно утверждать, что субъект жизни - это системное качество личности, обусловленное индивидуальной способностью к осознанной психической саморегуляции жизненного пути на основе смысла жизни и объективирующееся в деятельности по построению соб-

187

ственной жизни. Личность как субъект жизни конституируется функциями выделения себя из потока жизни - динамики жизненных отношений, а также функциями выделения, презентации и структурирования этих отношений с дальнейшим подчинением устойчивой структуре этих отношений своей жизнедеятельности.

Предметом жизнедеятельности является жизнь, взятая в единстве со своим смыслом для личности. Смысл жизни - это как раз то свойство индивидуальной жизни, в соответствии с которым личность возделывает свою жизнь, обращая ее в жизненный путь. Жизненный путь - это результат, продукт жизнедеятельности; то, что личность делает со своей жизнью, переделывая ее в соответствии со смыслом. Конкретизируя понятие жизнедеятельности, следует внести в концептуальный аппарат исследования важную теоретическую оговорку. Говоря о смысловой регуляции жизненного пути, следует иметь в виду субъективную детерминацию не самого по себе жизненного пути, а жизнедеятельности - деятельности личности как субъекта жизни. Жизненный же путь, конструируемый и реконструируемый субъектом, является специфическим продуктом, результатом жизнедеятельности, что адекватно фиксируется понятиями - синонимами к термину «жизненный путь». Например, понятием линии жизни, вычерченной субъектом в ходе жизнедеятельности [7; 8; 48; 117; 234]. Жизненный путь личности - это «способ ее жизни, это то, что способна выстроить, создать из своей жизни сама личность» [3, с. 277]. Таким образом, личность как субъект жизни является носителем жизнедеятельности, в то время как жизнь - это предмет, жизненный путь - результат, а смысл жизни - внутренний

план или идеальная форма жизнедеятельности.

Личность как субъект не просто носит и исполняет жизнедеятельность: она строит ее с тем, чтобы посредством жизнедеятельности и в процессе ее пролонгированного осуществления создать индивидуальный жизненный путь. Другими словами, субъект - это личность не только как исполнитель, но в большей мере как создатель жизнедеятельности. Субъектная активность личности направлена на инициацию, развитие и оптимизацию жизнедеятельности, поскольку от состояния последней зависит успешность и полнота реализации смысла жизни личности. Превращение самой жизнедеятельности в особый предмет, с которым субъект может действовать, не изменяя до поры до времени реальную

188

жизнь, является процессом формирования «идеальных форм», обслуживающих психическую регуляцию жизнедеятельности, в том числе смысла жизни. **Субъектная активность - это активность личности как субъекта жизни, направленная на инициацию, построение, поддержание, развитие, регуляцию жизнедеятельности и на оперативный контроль над ней.**

Соотношение жизнедеятельности и активности личности как субъекта жизни в основных чертах повторяет соотношение деятельности и субъектной активности. Активность субъекта жизни настроена над жизнедеятельностью для того, чтобы привести ее в соответствие со смысложизненной необходимостью личности. Субъектное отношение личности к собственной жизнедеятельности означает то, что она может вклиниться в нее, пересмотреть и преобразить ее операциональный и инструментальный состав, навести ее на новые цели и задачи - в общем, усовершенствовать и настроить в соответствии со своим субъективным замыслом жизненного пути. Смысл жизни как субъективно преобразованная форма жизнедеятельности позволяет субъекту гибко перестраивать свою практическую активность и тем самым оперативно воздействовать на жизненный путь.

Различия жизнедеятельности и субъектной активности заключаются в следующем. В процессе жизнедеятельности личность воздействует на собственную жизнь, а посредством субъектной активности воздействует на индивидуальную жизнедеятельность. Предметом жизнедеятельности личности является личная жизнь как фрагмент объективной действительности, а предметом субъектной активности - жизнедеятельность личности. Необходимо отметить, что жизнедеятельность и субъектная активность одинаково определяются содержанием смысла жизни личности, на реализации которого они специализированы. Смысл жизни используется личностью в качестве мерила при построении жизнедеятельности и при организации субъектной активности.

Активность личности как субъекта жизнедеятельности предназначена для настройки и оптимизации жизнедеятельности - ее внешней и внутренней стороны, а также на согласование внешних элементов жизнедеятельности с ее внутренними моментами. В более широком понимании эта активность направлена на развитие и совершенствование жизнедеятельности. Единичными формами проявления особой активности личности как субъекта деятельности являются субъектные действия. Эти действия нацелены на налаживание жизнедеятельности, ликвидацию неполадок в ней,

189

опробование новых способов действия и экспериментирование с тактиками поведения в разнообразных жизненных условиях. Благодаря формированию идеальных образований субъективности, в том числе и смысла жизни, личность оказывается субъектом, способным к построению собственной жизнедеятельности через поиск, варьирование и апробацию новых действий, операций, средств преобразования жизни. Жизнедеятельность прямым образом ориентирована на получение прагматического результата - осуществление жизненного пути, а субъектная активность - на обеспечение средствами психического отражения и регуляции самого процесса его сотворения.

Таким образом, **личность как субъект жизнедеятельности — это носитель субъектной активности, направленной на развитие и оптимизацию жизнедеятельности с тем,**

чтобы она максимально способствовала реализации жизненных отношений (смысла жизни) личности. Универсальным механизмом реализации активности субъекта жизни является система осознанной саморегуляции жизненного пути личности. «Место и роль психической саморегуляции в жизни человека достаточно очевидны, если принять во внимание, что практически вся его жизнь есть бесконечное множество форм деятельности, поступков, актов общения и других видов целенаправленной активности» [119, с. 7]. Ключевую функцию в системе психической саморегуляции жизненного пути выполняет смысл жизни, который, во-первых, обеспечивает становление жизнедеятельности как самостоятельного вида деятельности, во-вторых, стимулирует пробуждение субъектной активности личности. Личность как субъект жизни, будучи наделенной смыслом жизни, соответственно выступает в качестве носителя и творца своей жизнедеятельности. Субъектность личности в данной сфере детерминируется системой психической саморегуляции жизненного пути, которая открывает возможность не только практиковать жизнедеятельность, но также корректировать и развивать ее в интересах наиболее полной реализации смысла жизни.

Концептуально важным представляется вопрос о соотношении жизнедеятельности и отдельных видов деятельности в структуре жизненного пути личности. «При решении этой задачи необходимо в первую очередь проанализировать саму категорию жизни, как она выступает с психологической точки зрения» [64, с. 79]. Это вопрос об объективной структуре человеческой жизни, от решения которого зависит методология психологических иссле-

190

дований субъекта жизни. По нашему мнению, оправданной мерой является привлечение системно-деятельностного подхода к анализу объективной структуры жизненного пути. Этот подход ведет свое начало из работ А.Н.Леонтьева и получает дальнейшее развитие в исследованиях его учеников и последователей [30; 46; 64; 207]. «Краеугольным камнем», заложенным в основание деятельностного подхода к человеческой жизни, является положение о том, что «деятельность есть молярная, не аддитивная единица жизни» [133, с. 81]. В свете данного положения индивидуальная жизнь рассматривается как «совокупность, точнее, система сменяющих друг друга деятельностей» [133, с. 102].

Следует заметить, что деятельностный подход к изучению жизненного пути личности является не единственным в современной психологии. Влиятельные позиции сохраняет за собой событийный подход, с точки зрения которого элементарной структурно-функциональной единицей жизненного пути личности служит жизненное событие. При этом жизненное событие определяется как дискретное, скачкообразное изменение жизненных обстоятельств, вызванное их естественным самодвижением или приложением личностной активности [80; 81; ПО; 149-151; 189]. При поверхностном рассмотрении деятельностный и событийный анализ объективной структуры жизненного пути личности ошибочно видятся как конкурирующие между собой подходы. При более глубоком анализе выясняется их концептуальная совместимость и взаимодополнительность. Действительно, основные события в объективной структуре жизненного пути выступают в качестве кульминационных, узловых, решающих моментов реализации личностью мотивов, целей и задач своей деятельности. В связи с данным обстоятельством некоторые исследователи предпочитают классифицировать главные события жизненного пути личности как «события-поступки» или «события деятельности» [16; 110; 133; 149 -151]. Можно утверждать, что жизненный путь личности квантуется на события, которые порождены развитием и движением системы деятельности.

Как полагают некоторые исследователи, главная функция личности как субъекта заключается в упорядочивании системы жизненных отношений, что находит отражение в соподчинении смысловых структур личности в иерархию и в «сшивании» различных видов деятельности между собой [54; 133; 207]. Вот, например, что думает по этому поводу В.В.Столин: «Активность личности предполагает внутреннюю активность по

ду различными деятельностями человека» [207, с. 99]. Функция связывания различных видов деятельности присуща личности именно как субъекту жизни. В этом ракурсе отдельная деятельность предстает как молярная единица жизни личности, а жизнь в целом - как ансамбль различных видов деятельности, сплетенных между собой нужным личности образом. Способ сочленения этих видов деятельности в рамках индивидуальной жизни отражает характерную для личности конфигурацию жизненных отношений. Этот способ индивидуален и специфичен для личности как субъекта жизни.

Но что обуславливает способность личности к «сшиванию» различных видов деятельности в рамках индивидуального жизненного пути? Следует полагать, такую возможность личности предоставляет система психической саморегуляции и, в особенности, смысловая саморегуляция, ведь «сшивка» деятельностей, о которой идет речь, производится посредством смысловых «швов» и «стежек». На данное обстоятельство указывает, в частности, К.А.Абульханова-Славская. По ее мнению, за временным порядком актуализации и дезактуализации, развертывания и свертывания деятельностей стоит иерархия ценностей и смыслов, которые этими деятельностями материализуются в жизни [8]. Следует согласиться с тем, что включение или выключение деятельности осуществляется личностью на основе относительной личностной значимости этой деятельности в масштабах целостной жизни. Чем строже иерархия смысловых необходимостей личности, тем четче она предусматривает место и роль различных видов деятельности в структуре индивидуального жизненного пути. Иерархия смысловых необходимостей личности экстерииоризируется в смысловых оценках своевременности - несвоевременности тех или иных жизненных дел и поступков. Тем самым личность как бы расставляет различные виды деятельности во временную сукцессию по их личностной значимости. С точки зрения К.А.Абульхановой-Славской, в данном случае иерархия деятельностей проецируется на временной ряд жизни [8].

В этой связи личность функционирует уже не как субъект каждой особенной деятельности, но как субъект жизни, который «ткет» узор индивидуальной биографии из наличествующих у нее видов деятельности. Для координации видов деятельности в рамках индивидуального жизненного пути личности насущно необходимо психологически «подняться» над каждым конкретным видом деятельности. Динамическая смысловая система, регулирующая

конкретный вид деятельности, такой возможности не дает: через нее личность способна осмыслить эту отдельную деятельность как фрагмент жизни, но не более. Согласование различных видов деятельности в масштабах жизни требует особых смысловых структур, в опоре на которые личность может возвыситься над каждой отдельной деятельностью. По нашему мнению, в качестве такой структуры смысловой регуляции должен изучаться смысл жизни, поскольку он традиционно понимается как «вершинное» образование личности, которое иерархизирует все частные смысловые структуры [46; 144]. Центральность и обобщенность как системные свойства смысла жизни означают, что он подчиняет себе и в то же время консолидирует дробные структуры смысловой регуляции. Вполне закономерно, что с появлением смысла жизни в структуре смысловой сферы способность личности быть субъектом целостной системы деятельностей существенно увеличивается. Складывание смысла жизни в структуре смысловой сферы личности знаменует качественно новый этап развития субъекта. На этом этапе личность из субъекта отдельных видов деятельности преобразуется в субъекта жизни. Субъект жизни воспроизводит деятельности не в отрыве друг от друга, а в системном единстве, которое и есть человеческая жизнь.

Личность как субъект жизни соотносит каждую отдельную деятельность со смыслом жизни, благодаря чему устанавливает жизненный смысл различных видов деятельности.

Жизненный смысл деятельности - это ее объективное значение и роль в реализации целостной жизнедеятельности личности; это ее функциональный смысл относительно смысла жизни личности. Деятельность может способствовать, препятствовать, либо одновременно приближать и удалять личность от главной линии реализации смысла жизни. Она может вписываться в главную линию жизни или противоречить ей. В конечном итоге объективное соотношение деятельности со смыслом жизни определяет жизненный смысл этой деятельности. Психологическая судьба деятельности зависит от ее жизненного смысла потому, что личность как субъект жизни поступает со своей деятельностью так, как того требует жизненный смысл. Функциональный смысл конкретной деятельности в контексте жизненного пути личности может быть позитивным, негативным или конфликтным. Соответственно личности как субъекту жизни приходится какими-то видами деятельности поступаться, а какие-то виды деятельности отстаивать. Во всяком случае, они выступают не как недвижимый бал-

193

ласт, но превращаются в объект активного отношения личности как субъекта жизни. На этом этапе соотношение личности и системы ее деятельностей объективно меняется: инвертируются в первую очередь отношения причины и следствия, «базиса и надстройки». Если раньше деятельности входили в личность в качестве ее основания и решали ее психологическую судьбу, то теперь личность способна вершить судьбу каждой отдельной деятельности, выбирая или отбрасывая ее как объективную часть своей жизни. Таким образом, личность как субъект жизни есть субъект системы деятельностей, из которых сплетается ее жизнь. Следует отметить, что задача интеграции отдельных видов деятельности есть первейшая задача личности как субъекта жизни. «Инвентаризация» и интеграция личностью своего деятельностного репертуара приводит к образованию нового системного единства - жизнедеятельности. Жизнедеятельность личности - это интегральная форма существования, репродукции и развития отдельных видов деятельности в масштабе человеческой жизни. Жизнедеятельность, вбирая отдельные виды деятельности, не поглощает их; жизнедеятельность «монтируется» личностью из этих видов деятельности как из строительных блоков. В структуре жизнедеятельности отдельные виды деятельности фигурируют в качестве дискретных «жизнедействий», а иногда - даже в качестве операций. Объективное значение частных видов деятельности как действий или операций в составе жизнедеятельности продиктовано соотношением собственных мотивов этих деятельностей со смыслом жизни. Психологическая структура жизнедеятельности такова, что динамические смысловые системы - собственные «мотивы» частных видов деятельности - пристегнуты к смыслу жизни и служат ему. Другими словами, они являются «мотивами-стимулами», «целями» и «задачами» по отношению к смыслу жизни. Если при реализации отдельных видов деятельности конечной задачей является достижение их собственных мотивов, то при осуществлении жизнедеятельности эта конечная задача становится промежуточным звеном на пути преследования смысла жизни. Отношение динамических смысловых систем отдельных видов деятельности к смыслу жизни обуславливает их функциональный смысл в контексте жизнедеятельности. Этим функциональным системным смыслом задается место и роль той или иной деятельности в жизни человека. Этим же смыслом мотивирована активность личности как субъекта жизни. Указанная активность выливается в форму субъектных дей-

194

ствий, направленных на связывание и организацию отдельных видов деятельности в структуре жизненного пути личности. Наконец, этот же смысл личность кладет в обоснование субъектных действий, направленных на упразднение некоторых видов деятельности как несоответствующих смысловозначимой необходимости.

Итак, объективное соотношение жизнедеятельности с отдельными видами деятельности копирует соотношение самостоятельной деятельности с действиями и операциями. Психологическое соотношение смысла жизни с динамическими системами смыслов

отдельных видов деятельности уподобляется соотношению ведущего мотива с целями и задачами частной деятельности. Статус отдельной деятельности в структуре жизнедеятельности личности определяется тем смыслом, который эта деятельность снискала в контексте реализации смысла жизни. Смысловые связи, исходящие от смысла жизни к отдельным видам деятельности, стягивают их как составляющие жизнедеятельности единицы. Смысл жизни при этом выступает в качестве собственного «мотива», выделяющего жизнедеятельность как самостоятельную форму активности личности.

Жизнедеятельность личности всецело повернута на реализацию смысла жизни. Поэтому ее можно определить следующим образом: жизнедеятельность - это интегральная форма активности личности, которая направлена на созидание жизненного пути в соответствии с индивидуальным смыслом жизни. В то время как частные виды деятельности принадлежат личности как субъекту деятельности, жизнедеятельность принадлежит личности как субъекту жизни. Субъектом дискретной деятельности личность становится за счет динамической смысловой системы, которая регулирует данную деятельность. Аналогичным образом смысл жизни - динамическая смысловая система регуляции жизнедеятельности - конституирует личность как субъекта жизни.

Можно сказать, что в смысле жизни запрограммирован идеальный проект потребного личности жизненного пути. В исследованиях Б.С.Братуся обсуждается одна очень интересная функция смысловых образований - функция проектирования будущего [46]. Но какое будущее запроецировано в смысловых структурах личности - прогноз развития наличных условий жизни или набросок потребного будущего? Исследователи склоняются к мысли, что смысловые структуры содержат в себе не прогноз развития реальных событий, а образ желательного и должного изменения

195

действительности [144; 164]. Этот образ побуждает личность к практическому преобразованию действительности и усиливает смысловую необходимость этих преобразований. Диалектика взаимодействия личности с обстоятельствами жизни такова: в процессе жизнедеятельности обстоятельства жизни превращаются личностью в жизненный путь в соответствии с тем, как этого требует смысл жизни.

В деятельности личность преобразует какой-то определенный сегмент своего жизненного мира; посредством жизнедеятельности жизненный мир личности преобразуется целиком. Всякая единичная деятельность осуществляет определенное жизненное отношение; жизнедеятельность предполагает воспроизводство индивидуальной жизни во всем богатстве жизненных отношений. Неслучайно жизненный путь личности определяется как форма динамики ее жизненного мира [55; 144].

Таблица 2

Параметры оценки	Личность как субъект деятельности	Личность как субъект жизни (жизнедеятельности)
Результат деятельности	Продукт деятельности	Жизненный путь личности
Ведущая структура смысловой регуляции	Динамическая смысловая система, релевантная деятельности	Смысл жизни как динамическая смысловая система, релевантная жизнедеятельности
Предмет субъектных действий	Дискретная деятельность, составляющие ее действия	Связная система деятельностей или жизнедеятельность

	операции	
Масштаб взаимодействия с жизненным миром	Преобразование определенного модуса жизненных отношений	Преобразование жизненного мира как нерасторжимой целостности

Активность личности как субъекта жизни также ориентирована совершенно особым образом. Как уже отмечалось выше, эта активность принимает форму субъектных действий, квантуется на дискретные акты воздействия личности на свою деятельность и саму себя как внутренний план этой деятельности. Но совпадает ли объект субъектных действий в тех случаях, когда личность выступает как субъект деятельности и субъект жизнедеятельности? Совпадает, но только отчасти. В первом случае

196

при помощи субъектных действий личность подгоняет под свою смысловую необходимость отдельные действия и операции в структуре деятельности. Реже субъектные действия завладевают деятельностью целиком. Это связано с рядом причин психологического свойства. Достаточно затруднительно, например, в одночасье осмыслить деятельность с точки зрения того самого мотива, которым она побуждается и направляется. Точно так же нелегко сразу заменить одну деятельность другой, если первая несостоятельна для реализации смысловой необходимости личности. Например, у личности имеется мотив самореализации в спортивных достижениях. В самом этом мотиве не записано, какой именно вид спортивной деятельности целесообразно избрать. Поэтому человек долго может перебирать занятия, перепробовать многие виды спорта, прежде чем остановит свой выбор на одном из них. Другой вопрос в том, как происходит смысловое принятие или отвержение личностью того или иного альтернативного вида деятельности. В реальности для того, чтобы утвердиться в перспективности или бесперспективности того или иного дела, личность должна приобрести минимальный смысловой опыт. Этот опыт может быть позитивным или негативным и от его смысловой модальности непосредственно зависит то, как субъект распорядится своей деятельностью. Негативный опыт реализации смысловой необходимости в определенной деятельности провоцирует психологическую дискредитацию этой деятельности. Но, прежде чем окончательно разочароваться в определенном виде деятельности или принять его, личность прикладывает много усилий к тому, чтобы эту деятельность как-то модифицировать, улучшить. Редкая ситуация, когда личность безрассудно отменяет или принимает ту или иную деятельностную возможность с порога. Столь же редко доводится видеть, что человек доволен первым попавшимся видом деятельности. Но когда это случится, деятельность может стать призванием личности. В данном случае можно говорить, что мотив «нашел» свою деятельность, а точнее говоря, личность как субъект выбрала оптимальный способ деятельной реализации своей смысловой необходимости. Похожая ситуация может иметь место при выборе личностью своего жизненного пути. Как показали результаты исследований, личность как субъект жизни может быть не менее разборчивой до тех пор, пока не найдет оптимальную линию реализации смысла жизни. Биографическим призванием личности становится та линия жизни, которая максимизирует реализацию смысла жизни. О неус-

197

пешном жизненном выборе сигнализируют переживания общей неудовлетворенности жизнью [174]. Эти переживания и презентируют смысловой опыт личности как субъекта реализации определенной линии жизни.

Проанализированные примеры хорошо иллюстрируют основную мысль: личностное принятие или отторжение деятельности происходит не сразу, а, как правило, по частям. И это не в последнюю очередь обусловлено практической невозможностью оценить всю деятельность целиком и сразу. Поэтому функция смыслообразования традиционно

загоняется в рамки отношений «мотив - цель», «мотив - задача». Другими словами, смыслообразуются отдельные звенья деятельности, но не вся деятельность сразу. Позднее функцию смыслообразования исследователи распространили на отношения в системе мотивов и шире - в системе «смысловая структура - смысловая структура». Так, с точки зрения исследователей, смыслообразование - это смысловой процесс, сущность которого заключается в переходе смысла с одного объекта на другие, с одной смысловой структуры на другие. При этом частные смысловые структуры неизменно осмысливаются в более широком смысловом контексте; чем более крупной и обобщенной является смысловая структура, тем сложнее подобрать контекст смыслообразования [46; 139]. Такое представление о сущности процесса смыслообразования значительно продвигает исследователей в понимании внутреннего соотношения деятельностей, которое, по меткому выражению А.Н.Леонтьева, составляют сердцевину личности [133]. Из подобных представлений о процессе образования смысла можно почерпнуть ряд важных следствий. Из них, в частности, следует, что порождение смысла целостной деятельности возможно при соотнесении этой деятельности не только с собственным мотивом, но и с другими смысловыми структурами, сосредоточенными в смысловой сфере личности. В качестве одной из таких инстанций смыслообразования разнообразных видов деятельности является смысл жизни. В контексте реализации личностью смысла жизни деятельность приобретает конкретный функциональный смысл, который собственно ориентирует действия личности как субъекта жизни. Основным объектом субъектных действий на этом уровне выступает уже не столько отдельная деятельность и тем более не составляющие ее действия и операции, сколько связанная система деятельностей. Поэтому субъек-

198

тные действия личности как субъекта деятельности и субъекта жизни ориентированы несколько по-разному. При переходе от субъекта деятельности к субъекту жизни объект субъектных действий укрупняется.

Однако нельзя забывать, что субъектные действия личности ориентированы не только на структурные составляющие деятельности, но также и на саму личность как значимое условие реализации деятельности. Масштаб осмысления личностью самой себя при переходе от субъекта деятельности к субъекту жизни также существенно увеличивается. Личность как субъект отдельной деятельности осмысливает свои качества по большей части ситуативно, то есть не далее, чем в перспективе конкретной деятельности. Личность как субъект жизни осмысливает себя в масштабе целой жизни. На этом уровне собственные качества воспринимаются личностью как условия или преграды осуществления смысла жизни. Как считает К.А.Абульханова-Славская, личность как субъект жизни оценивает себя не столько в контексте отдельных ситуаций, сколько в перспективе всего жизненного пути [8]. Личностный смысл «Я» обращается в биографический смысл «Я». Субъектные действия следуют этому биографическому смыслу «Я» и трансформируют личностные свойства так, чтобы они всемерно способствовали или, по крайней мере, не мешали осуществлению смысла жизни. Поэтому в большинстве случаев жизненные планы наряду с запланированными событиями вмещают также программу работы личности над собой [80]. Возникновение и развитие самовоспитания личности очень часто приурочено к периоду вызревания смысла жизни, жизненных планов и программ [45; 193].

Жизненный путь личности - это явление социокультурного порядка. Не случайно жизненный путь часто определяется как история развития личности в определенной культуре, в определенном социуме и обязательно в определенную историческую эпоху. Тем самым подчеркивается не только культурная детерминированность жизненного пути личности, но также его сообразность культуре. Личность как субъект жизни является той регуляторной инстанцией, которая сообразует человеческую жизнь с культурными формами жизненного пути. При анализе формирования личности как субъекта деятельности отмечалось, что в культуре содержатся эталонные образцы деятельности,

которые могут и должны быть присвоены личностью.

199

Этой проблемы касается Е.Е.Соколова при выделении единицы анализа в исторической психологии [201]. В качестве единицы историко-психологического анализа она постулирует поступок, поскольку именно он является «слепком» психологии личности в определенный период исторического времени. Поступок рассматривается как «идеальная форма», усваивая которую, ребенок постигает психологию окружающих и обучается регуляции собственного поведения. Е.Е.Соколова настаивает на том, что без активного опосредования поведения ребенка идеальными формами поступков нет и быть не может интериоризации смысловых образований. «Существующие в культуре аффективно-смысловые образования сами по себе могут не оказать никакого влияния на формирование соответствующих «реальных форм», то есть останутся для входящего в культуру (прежде всего формирующейся личности) «молчащими», если нет активного присвоения субъектом этих форм...» [201, с. 95].

Связь между культурными образцами деятельности, поведения и смысловыми образованиями вполне естественна. Культурные образы деятельности концентрируют опыт многих поколений людей в сфере реализации определенных смысловых потребностей. Смысловые потребности людей также в достаточной мере унифицированы в определенной культурной среде в определенную историческую эпоху. Культурной унификацией смысловых потребностей больших или малых групп людей объясняется существование микросоциальных, макросоциальных и общечеловеческих ценностей. Разумеется, что в культуре «депонированы» не только смысловые образования, но вместе с ними откладываются и передаются культурные пути и способы их деятельной реализации.

Точно так же существуют культурные образцы жизненного пути личности, которые, помимо смыслового содержания, предписывают вполне определенный способ их воплощения в жизнь. Культурный эталон жизненного пути - это идеальный образ или прообраз жизнедеятельности личности. Идеальность культурного эталона жизненного пути не означает, что он - принадлежность индивидуального или коллективного сознания; он может быть материализован в «теле» культуры и существовать в овеществленной или персонифицированной форме. Идеальность культурного эталона жизненного пути означает, что он является совершенным способом осуществления определенной смысловой

200

потребности личности. Культурные эталоны жизненного пути являются культурной формой фиксации, хранения, распространения и обогащения смыслов человеческой жизни. Действительно, как полагает ряд авторов, модели поступков, идеальные формы действия являются культурными медиаторами для трансляции системы культурных смыслов конкретной личности [144; 166; 201]. Культурный эталон жизненного пути - это образ культурно регламентированных способов жизнедеятельности, которые с высокой вероятностью приводят к реализации определенных смыслов жизни. Культурные эталоны деятельности адекватны различным смысловым структурам личности, а культурные образцы жизненного пути конкретно отвечают смыслу жизни. По мнению В.Н.Дружинина, в каждом обществе и в каждой культуре существуют типичные варианты осуществления жизненного пути, связанные со спецификой понимания смысла жизни [87]. В зарубежной психологии динамично развивается так называемый нарративный подход к жизненному пути. В рамках данного подхода считается, что смысл жизни оформляется в виде культурных сценариев, скриптов, сюжетов и прототипов жизненного пути. Объективация этих культурных форм смысла жизни чаще всего происходит в процессе повествования личности о собственной жизненной истории, то есть в биографическом нарративе [277].

Личность, формируясь в качестве субъекта жизни, не минует интериоризации культурных

эталонов жизненного пути и культурных смыслов жизни. В противном случае личности пришлось бы в одиночку искать оптимальные жизненные пути реализации смысла жизни. Оснащенная культурным жизненным опытом, личность ограждена от непоправимых ошибок в жизни и лишена необходимости «изобретать» оптимальные пути реализации смысла жизни. Культурные эталоны жизненного пути предотвращают ситуацию взаимодействия личности с собственной жизнью один на один. В жизнедеятельности личности, как правило, учитывается и воскрещается опыт многих людских жизней. Конечно, в процессе индивидуальной жизнедеятельности есть место и для жизнотворчества личности. Личность может осуществлять свою жизнедеятельность творческим или репродуктивным образом. Критерием разграничения этих способов жизнедеятельности является объективная новизна деятельной стратегии реализации смысла жизни в контексте общечеловеческой культуры. Очевидно, что способ жизнедеятельности конкретной личности не мо-

201

жет быть полностью репродуктивным либо творческим. Личность индивидуализирует культурные образцы жизнедеятельности, и типизирует некоторые инновационные пути реализации смысла жизни. Поэтому в реальной жизнедеятельности конкретной личности сочетаются репродуктивные и творческие моменты. С этой точки зрения, жизнотворчество личности в масштабах общечеловеческой культуры - это такой способ жизнедеятельности, при котором личность изыскивает объективно новые пути и способы реализации культурных смыслов жизни. Жизнотворчество раскрывается как творческий способ осуществления личностью своей жизнедеятельности.

Как было отмечено, даже при самом творческом подходе к реализации своего жизненного пути личность не обходится без культурных образцов жизнедеятельности. Эти эталоны причастны к психологическим условиям развития личности как субъекта жизни. Именно с этими культурными эталонами личность сверяет те шаги, которые она делает в своей жизни. И если жизненные дела и поступки личности не конвергируют с культурными образцами жизненного пути, она вносит в свою жизнедеятельность необходимые поправки. Культурные эталоны жизненного пути помогают личности «формовать» обстоятельства своей жизни таким образом, чтобы они удовлетворяли личностному смыслу жизни. Личность учиться строить свой жизненный путь по мерке культурных образцов жизнедеятельности. Без таких культурных образцов было бы невозможным совершение личностью индивидуальной жизнедеятельности в целом и отдельных видов деятельности и поступков в частности. В этом личность и проявляется как субъект собственной жизни. Субъектность жизни, будучи культурно опосредованной, выступает как высшая психическая функция, которая складывается на определенном этапе онтогенеза.

202

АЕААА 3. NIUNE JEEgiE A BAAOËËOEE
iOOE EExIIIOE oaidade-напëëб eiioaioee)

Предложенная концепция еще не предоставляет возможности эмпирического изучения, развития, диагностики и коррекции личности как субъекта жизни. С целью решения исследовательских и практических задач необходимо ввести и обосновать систему переменных, в комплексе отражающих основные проявления субъектности жизни. В силу того, что система смысловой регуляции составляет функциональное «ядро» психической саморегуляции, эти переменные могут быть универсальными параметрами смысловой регуляции жизненного пути личности. При этом параметры должны адекватно раскрывать возрастные и дифференциальные различия в развитии смысла жизни и тем самым в уровне субъектности жизни. Выделение значимых параметров смысловой регуляции жизненного пути личности способствует реализации индивидуального подхода, поскольку с учетом суммы различий по этим параметрам можно индивидуализировать степень развития субъектности жизни.

Необходимо подчеркнуть, что в психологической литературе накоплен значительный объем теоретических параметров субъектной зрелости личности. Серьезными препятствиями для привлечения этих параметров является чрезмерная абстрактность, высокая степень условности, теоретическая громоздкость, недоступность эмпирической верификации, а также внутренняя несовместимость параметров, которая проистекает из того, что их авторы стояли на разных методологических и теоретических позициях. В этой связи актуализируется задача вычленения тех параметров, которые наиболее адекватны смысловому подходу в понимании субъектности жизни.

В теоретическом анализе значимых параметров смысловой регуляции жизненного пути могут существенно помочь общепсихологические представления о параметрах смысловой регуляции. Системное представление об индивидуальных параметрах смысловой регуляции, не редуцируемых к характеристикам уровня возрастного развития смысловой сферы личности, развивает Д.А.Леонтьев. Он выделяет параметры, по совокупности которых можно системно описать смысловую регуляцию:

203

- телеологичность - каузальность как биполярная характеристика преимущественной ориентации субъекта на смысловые (телеологичность) или причинно-следственные (каузальность) связи в отражении действительности и доминирующую склонность сообразовывать свои действия с одним из этих типов связей;

- общий уровень осмысленности жизни как индивидуальная энергетическая характеристика смысловой регуляции, демонстрирующая меру насыщенности деятельности субъекта единым стабилизирующим смыслом, который «цементирует» ее общую направленность;

- баланс ценностной и потребностной регуляции как отражение относительного вклада двух универсальных смыслообразующих структур - индивидуальных потребностей и личностных ценностей - в смысловую регуляцию активности данного конкретного индивида;

- структурная организация динамических смысловых систем как комплексная характеристика индивидуальной смысловой регуляции. Эта качественно-количественная характеристика комбинирует три параметра структурной организации смысловой сферы личности - широту смысловых связей, уровень их иерархизации и меру структурированности;

- степень осознанности смысловой регуляции как показатель индивидуального соотношения неосознанной смысловой регуляции и сознательной смысловой саморегуляции, как мера рефлексивной опосредованности смысловой регуляции личности;

- временная локализация ведущих смысловых ориентиров, которая отражает относительную плотность распределения различных смысловых структур личности на оси психологического времени - в прошлом, настоящем и будущем [144, с. 291-301].

Следующий шаг по логике настоящего исследования - это преломление выделенных универсальных параметров смысловой регуляции на смысловую регуляцию жизненного пути личности. При этом необходимо помнить, что интегральной структурой смысловой регуляции жизненного пути является смысл жизни, в связи с чем указанная проекция не может быть чисто механической. Она предполагает качественную модификацию предложенных параметров таким образом, чтобы они отражали структурно-функциональные особенности регулирования жизненного пути динамической системой смысла жизни. Правда, некоторые параметры, предложенные Д.А.Леонтьевым, изначально ориентированы на индивидуализацию смысловой регуляции не отдель-

204

ной деятельности, а целостного жизненного пути. К ним относятся общий уровень осмысленности жизни и временная локализация ведущих смысловых ориентиров. Данные параметры были экстрагированы в период разработки Д.А.Леонтьевым теста

смысложизненных ориентации и сохраняют интимную связь с регуляцией жизненного пути личности смыслом жизни [147]. Остальные параметры нуждаются в адаптации применительно к предмету настоящего исследования. В этой связи перед нами стоит ряд задач: 1) проанализировать существующие концепции личности как субъекта жизни сквозь призму выделенных параметров; 2) модифицировать общие параметры в рамках исследования психической регуляции жизненного пути смыслом жизни; 3) по возможности расширить круг параметров для определения качества личности как субъекта жизни. Следует предупредить, что система параметров является открытой и может быть обогащена новыми характеристиками смысловой регуляции.

Одной из первых психологических теорий личности, в которой имплицитно заложена идея субъекта жизни, является индивидуальная психология А.Адлера. И хотя эта идея не прописана у А.Адлера в явном виде, при разработке методологических оснований своего учения, концепций неврозов, смысла жизни, жизненного стиля и схемы апперцепции он непосредственно затронул субъектный аспект проблемы индивидуального жизненного пути. Согласно воззрениям создателя индивидуальной психологии, фундаментальным свойством жизнедеятельности индивида является телеологичность, которая понимается как управляемость активности внутренними смыслами в противовес внешним каузальным факторам, а также как направленность личности на отдаленные жизненные цели и смыслы. «Человеческие существа живут в мире значений и смыслов. Мы не воспринимаем обстоятельства в чистом виде, но лишь в том значении, которое они для нас имеют. Наше восприятие определяется нашими целями и намерениями» [12, с. 15]. Все остальные движущие силы активности признавались вторичными, производными от смыслов, которые индивид приписывает им. «Это не первичные, а вторичные факторы, вызванные скрытыми целями личности, но и их надо понимать телеологически» [Adler, 1956, p. 219; цит. по 225, с. 126].

Основным смыслообразующим и мотивирующим фактором активности индивида является смысл жизни, от которого происходят конкретные поведенческие смыслы. Смысл жизни придает человеческому существованию «финалистскую», телеологиче-

скую ориентацию, позволяет преодолеть каузальную детерминацию прошлым. «Смысл жизни нельзя вывести из каузальных отношений, и тем более из личных воображаемых представлений, а лишь... из преследования цели, из поиска решения задачи, заданного через ее условия» [Adler, 1982, p. 82- 83; цитпо 144, с. 31]. С этой точки зрения вся индивидуальная психология декларировалась как учение о смысле человеческих действий и смысле человеческой жизни [11; 13].

Не прибегая к детальному обзору теоретических положений индивидуальной психологии, следует отметить, что, с точки зрения А.Адлера нормальное функционирование личности, которое ассоциируется с субъектностью жизни, заключается в способности достигать жизненные цели, адекватно понимать смысл жизни, конструктивно сотрудничать с окружающими людьми и активно концентрировать усилия на реализации смысла жизни. Единственным признаком подлинных смыслов жизни является их содержание, которое не отрывает человека от проблем всего человеческого рода, а наоборот, сближает, роднит его с окружающими людьми. Такие смыслы жизни всегда основываются на общечеловеческих ценностях, разделяемых большинством людей, и пронизаны социальным интересом [12, с. 16]. Напротив, невротическое развитие, которое приравнивается к несубъектному способу существования, выражается в поглощении личности комплексом неполноценности, неспособности к интеграции с окружающими и к подчинению жизнедеятельности общезначимым смыслам и ценностям [11; 13]. Дефектными Адлер полагает те смыслы жизни, которые отделяют человека от проблем человечества и замыкают его на удовлетворении собственных потребностей, в которых преобладает мотивация превосходства [12, с. 18].

Важными условиями нормального развития и функционирования личности А.Адлер

считал телеологическую ориентацию активности, полное и адекватное понимание смысла жизни и жизненного стиля, доминирование социального интереса над стремлением к личному превосходству, что проявляется в преобладании социальных ценностей над эгоистическими потребностями личности, а также высокий уровень творческой активности личности в сфере проектирования жизненных целей и реализации смысла жизни. Создание условий, благоприятствующих личностному росту и исцелению личности от неврозов, провозглашалось как основная задача психотерапии. В конечном итоге все усилия

206

психотерапевта, согласно А.Адлеру, должны быть направлены на активизацию творческой субъектной энергии личности, понимание смысла жизни и пробуждение социального интереса [13].

Таким образом, в контексте индивидуальной психологии личности как субъекту жизни атрибутируются следующие признаки: телеологичность личностной активности как устремленность на смыслы, а не на каузальные факторы, насыщенность жизнедеятельности сквозным смыслом жизни, адекватное и полное понимание смысла жизни, активность в реализации смысла жизни, а также доминирование социально полезных смыслов жизни над мотивацией возвеличивания и эгоцентрическими потребностями.

К.Г.Юнг также приблизился к проблеме субъекта жизни при разработке одного из основных понятий аналитической психологии - понятия индивидуации. «Разрабатывая вопрос о трансформации и развитии личности на разных этапах индивидуации и достижения самости, Юнг подходит к решению фундаментальной философской проблемы о значении для мира, для бытия всего сущего появления человека как осознающей себя личности, как субъекта своей жизни» [20, с. 15]. Анализируя движущие силы поведения человека, К.Юнг опровергает тезис о том, что активность управляется прошлым по реактивному принципу. В качестве альтернативы ученый защищает положение о том, что с приходом человека мир обустроивается по проекту человеческих ценностей и смыслов, действительность приобретает новое смысловое измерение. Как существо, порождающее смыслы и ценности, человек преимущественно настроен на будущее, а главный вклад в детерминацию его активности вносит именно поиск смысла. «Человек может претерпеть тяжелейшие испытания, если он видит в них смысл. Вся трудность заключается в создании этого смысла» [244, с. 182]. Согласно представлениям Юнга об онтогенетическом развитии человека установка на осмысление своей жизни и обнаружение ее смысла актуализируется во второй половине жизни, которая совпадает с началом процесса индивидуации [247, с. 84-86].

Самим К.Юнгом и его интерпретаторами индивидуация понимается как процесс прогрессивного осознания человеком глубинных пластов бессознательного и открытие собственной самости, которая таит истинный смысл жизни [20; 249]. Нахождение смысла жизни увенчивает и амплифицирует процесс индивидуации, способствует возрастанию субъектности. Личность, познавшая свое призвание и осознавшая смысл жизни, отличается наи-

207

высшей стойкостью и жизненной мудростью, резко изменяет качество осуществления собственной жизни - «из правильного усмотрения проблемы сразу переходит к правильному действию» [249, с. 251]. С точки зрения аналитической психологии понимание смысла жизни представляет для человека особую рефлексивную задачу, от качества решения которой напрямую зависит качество способа человеческого бытия. Понимание смысла жизни помогает личности правильно выбрать жизненный путь и пролонгировать его как линию практической реализации своего призвания [245, с. 211]. На пути индивидуации личность подстерегает опасность отчуждения от истинного смысла своей жизни в том случае, если она приемлет навязанные ей извне социальные роли или выдуманный смысл. В этом случае рушится смысловое измерение человеческой жизни и

активностью человека завладевают хаотические силы. Все, что необходимо сделать личности - это проникнуть в смысл своей жизни и «добровольно принести себя в жертву своему призванию» [245, с. 217].

Для экспликации элементов концепции субъекта жизни из аналитической психологии важно обратить внимание, что К.Юнг привязывал смысл жизни преимущественно к культурно-духовным ценностям и, наоборот, отвязывал его от врожденных материальных потребностей человека. Возвышенность смысла жизни до уровня духовных ценностей является признаком душевного здоровья, а падение смысла жизни до уровня элементарных, базальных потребностей - симптомом деградации личности. Высшие ступени индивидуации должны быть насыщены общепризнанными этическими, эстетическими, религиозными и прочими духовными ценностями [249]. «Чувство ширящегося смысла существования выводит человека за пределы обыденного приобретения и потребления. Если он теряет этот смысл, то тотчас же делается жалким и потеряннным» [244, с. 80].

Из своей терапевтической практики К.Юнг вынес твердое убеждение о том, что смысл жизни является одним из наиболее важных факторов психического здоровья, при потере которого личность поражается «духовной болезнью». Бессмысленность приводит к «психологическому оцепенению» личности, снижает полноту и качество жизни. По этому поводу К.Юнг писал: «Отсутствие смысла играет критическую роль в этиологии невроза. В конечном счете невроз следует понимать как страдание души, не находящей своего смысла... Около трети моих случаев - это страдание не от какого-то клинически определяемого невроза, а

208

от бессмысленности и бесцельности собственной жизни» [Цит. по 254, с. 471].

Таким образом, в рамках аналитической психологии в качестве критериев субъектности жизни обозначены следующие признаки: ориентация личностной активности на смысл жизни и производные от него смыслы в противовес стимулам, социальным нормам, давлению внешнего окружения; высокий уровень осмысленности жизни; одухотворенность смысла жизни культурными ценностями и его независимость от простейших потребностей; глубина и адекватность понимания смысла жизни.

Ценные для психологической концепции субъекта жизни положения содержатся в одной из первых гуманистических теорий личности и ее жизненного пути, основанной Ш.Бюлер. Разработанная Ш.Бюлер концепция личности демонстрирует характерную для всего корпуса гуманистических и экзистенциальных психологов приверженность к телеологической схеме объяснения движущих сил личностной активности. Современные исследователи отмечают, что телеологическая схема интерпретации механизмов личностного бытия наложила отпечаток практически на все теоретические концепции и идеи психологов экзистенциально-гуманистического направления [125]. Первопроходцем в этом направлении явилась Ш.Бюлер, которой специально подчеркивалась ценностно-смысловая детерминация человеческого развития и бытия. По ее мнению, бытие человека отличается от существования других форм жизни тем, что человек преследует цели, в которые вкладывает смысл своего бытия [259]. Человеческая жизнь предстает у Бюлер как процесс развертывания смысловых структур личности - «интенционального ядра» или «самости». Самость толкуется как «интенциональность или направленность всей личности. Эта целенаправленность ориентирована на исполненность лучших потенциалов, исполненность экзистенции человека» [259, s. 75]. Постулируется, что самость личности несет в себе истинный смысл жизни человека и служит основой при конкретизации жизненных целей. Предпосылкой самоосуществления полагается самоопределение - понимание личностью смысла своей жизни. «Чем понятнее человеку его призвание, т.е. чем отчетливее самоопределение, тем вероятнее самоосуществление» [152, с. 155]. В качестве важного параметра для дифференциации биографий Ш.Бюлер использовала меру активности личности по реализации смысла жизни. На этом основании

возникла периодизация жизненного пути личности, в которой характеристика каж-

209
дой фазы дается через указание на активность само исполнения. Выделены пять фаз жизненного пути личности с присущими им «всплесками» и «спадами» активности самоосуществления [259]. В концепции Ш.Бюлер, таким образом, указаны три особенности личности как субъекта жизни: интенциональная, телеологическая направленность активности, самоопределение по отношению к смыслу жизни и активность реализации этого смысла.

Прикоснувшись к гуманистически-экзистенциальной концепции Ш.Бюлер, вкратце проанализируем положения других гуманистически-ориентированных психологов. Особый интерес в связи с обсуждением концепции личности как субъекта жизни представляет психология человеческого бытия А.Маслоу. Как и все психологи гуманистического направления, А.Маслоу аксиоматизирует роль ценностей и смыслов для полноценного функционирования и личностного роста человека. При аргументации «краеугольных» принципов психологии человеческого бытия он акцентирует тезис, что самым значимым для человека является ценностное измерение, в котором он черпает смыслы и ценности своего существования.

Психология человеческого бытия в редакции А.Маслоу небезразлична к содержанию смысла жизни. Нормальное развитие личности мыслимо только в том случае, если смысл ее жизни укоренен в высших, бытийных ценностях. В противном случае -при фрустрации базальных потребностей - личность обречена на метапатологии, которые представляют собой особые невроты духовности. «Но сегодня уже не вызывает сомнений, что на невроты следует смотреть как на расстройства духа, что, говоря о невротизме, следует обязательно иметь в виду такие вещи, как утрата человеком смысла существования, сомнения по поводу целей жизни, горе и злость по поводу неразделенной любви, переосмысление человеком своего жизненного пути, потерю мужества и надежд, неприятие самого себя, осознание того, что жизнь прожита напрасно, неспособность радоваться и любить и т.д.» [157, с. 44]. В психологии человеческого бытия Маслоу делает логическое ударение на то обстоятельство, что немаловажным фактором полноценного существования является осознанность смысла и абсолютных ценностей жизни. «Чем больше люди узнают о себе, чем больше они осознают себя, тем проще им принимать решения» [157, с. 40]. При этом функцию сознания Маслоу усматривает не в том, чтобы придумывать ценности, а в том, что-

210

бы их открывать как уже существующие в мире. «Ценности следует искать (раскрывать или обнаруживать), а не изобретать, конструировать или создавать» [157, с. 162].

Изучая «самоактуализирующихся людей» - тех, которые сумели повернуть свою жизнь в конструктивное русло, А.Маслоу заметил, что их восприятие реальности и руководящие принципы поведения до предела нагружены ценностями и смыслами. Для них «когнитивный процесс становится одновременно и процессом определения ценностей. То, что существует, принимает свойства должного. Факты становятся оценками. Реальный мир, увиденный и понятый, превращается в мир ценный и желанный. Мир, который «есть», становится миром, который «должен быть» [157, с. 121-122]. Согласно Маслоу, способность человека услышать «ценностный зов долженствования», «воспринять действительное сквозь призму ценностного» поднимает его над обстоятельствами собственной жизни.

Кстати отметить, что другие гуманистические психологи также делают акцент на необходимости для личности «ценностного взгляда» на окружающую действительность и индивидуальную жизнь. Г.Олпорт, например, настаивает на том, что зрелый человек должен обладать цельной жизненной философией, которая программирует систему его жизненных ценностей и «озаряет» объединяющим смыслом все его поступки [257]. Кроме того, Г.Олпорт склоняется к убеждению, что жизнь зрелой личности организована скорее

по проактивному, нежели по реактивному принципу. Это означает, что взрослый человек движим осознанной и отнесенной в будущее мотивацией, и не побуждается бессознательными страстями детского периода и стимулами внешней среды. Проактивность человеческого существования выражается в том, что люди «стараятся не только сохранить свою жизнь, сколько стремятся сделать ее осмысленной» [256, р. 180]. «Ддром» психологической структуры личности, по мнению Г.Олпорта, является проприум, или самость. Этой составляющей личности приписывается функция программирования жизненных целей и идеалов, планирования жизненных событий, консолидации личностной идентичности. Важной и наиболее онтогенетически поздней частью проприума выступают «собственные стремления», которые стимулируют процессы актуализации личности и индивидуализации ее жизненного пути. Г.Олпорт отмечает, что собственные стремления отражают внутреннюю логику, которую личность намеревается при-

211

дать собственной жизни. Реализация собственных стремлений -единственно верный путь к функциональной автономии, в которой заключена целостность и независимость личности [257].

Таким образом, с точки зрения гуманистических психологов личность как субъект жизни характеризуется выраженной ориентацией на ценности и смысл жизни при осуществлении жизнедеятельности, глубоким уровнем понимания смысла жизни и самопонимания (цельной жизненной философией), приоритетом бытийных общечеловеческих ценностей над естественными потребностями в структуре смысла жизни, перспективной направленностью мотивов, составляющих смысл жизни.

В плеяду гуманистических психологов, посвятивших свои труды проблеме саморазвития и самодетерминации личности, следует поместить также известного немецкого ученого Х.Томе. На базе результатов многолетних медико-психологических лонгитюд-дов и критической интеграции достижений «психологии жизненного развития» им разработана «биографически фундированная когнитивная теория личности». Концептуальный аппарат данной теории синтезирует идеи гуманистической, когнитивной, экзистенциальной психологии с положениями одного из наиболее популярных направлений современной психологии жизненного пути - направления саморазвития. Теория личности Х.Томе унаследовала основной методологический пафос данного направления: личность является инициатором, творцом и регулировщиком своего развития, детерминантой индивидуального жизненного пути [107, с. 225]. При построении оригинальной теории личности и ее жизненного пути Х.Томе полемизирует с биологизаторскими и социологизаторскими направлениями в психологии развития, считая, что формирование личности осуществляется в процессе ее активного взаимодействия с социальным окружением и объективными обстоятельствами жизненного пути [217, с. 175]. Утверждается, что личность не программируется генетической наследственностью и не чеканится социальной ситуацией развития, равно как не зависит от превратностей детского возраста. Наиболее рельефно активный характер личностного развития выдается в юношеском возрасте, психологию которого Х.Томэ предлагает исследовать сквозь призму теории «тематического структурирования». Согласно данной теории, доминирующие ценности, из которых сконструирован смысл жизни индивида, задают вектор развития его личности, а также способ перцепции и когнитивной репрезентации жизненных событий [217, с. 182]. Юношеский возраст явля-

212

ется переломным периодом личностного развития, во время которого происходит выбор индивидуального стиля регулирования жизни. Первоначально Х.Томе дифференцировал два противоположных жизненных стиля - «гомеостатический» и «творчески ориентированный» [217, с. 182 - 182]. Если гомеостатическая «тематика бытия» предполагает стремление индивида к равновесию со средой, пассивное приспособление к ней, то

творчески ориентированная «тематика бытия» имеет под собой функциональную автономию индивида от жизненных обстоятельств и «импровизирующий» образ жизни. В этом теоретическом различии угадывается оппозиция свойств личности как субъекта и не субъекта жизни. В более поздних исследованиях Х.Томе эту контрастную дихотомию разбавил двумя промежуточными стилями жизни [25, с. 12]. С точки зрения исследователя жизненные стили объективно отличаются отношением личности к временному измерению своего жизненного мира, его ценностно-смысловым содержанием и индивидуальной мерой напряженности усилий по реализации жизненных ценностей. Результаты лонгитюдных исследований показывают, что творчески ориентированный стиль жизни коррелирует с общечеловеческими ценностями, которые, тем не менее, вариативны и испытывают влияние исторической эпохи, широкой временной перспективой и активными «техниками бытия» [25, с. 12]. Предложенная классификация жизненных стилей представляется продуктивной применительно к целям психобиографических исследований и, по мнению Х.Томе, обуславливает возможность типологического подхода к личности как источнику и «двигателю» собственного развития.

Значимые особенности личности как субъекта жизни можно экстрагировать из положений экзистенциальной психологии, которая занимается основной «человеческой дилеммой» - проблемой соотношения личностной свободы и судьбы [273; 276]. Психологи экзистенциального направления солидарно отвергают каузальную детерминацию личностной активности, поскольку причинное объяснение страдает механистичностью и физикализмом [216, с. 199]. Вместо каузальной схемы превозносится телеологическая схема детерминации личностной активности, где в качестве центрального объяснительного конструкта фигурирует «интенциональность», а формообразующим модусом человеческого бытия объявляется будущее. С точки зрения Р.Мэя - основоположника экзистенциальной психологии - человеческое существование интенционально, то есть ориентировано на смыслы и ценности, что

213

позволяет человеку противостоять неудержимым факторам судьбы. Интенциональность Р.Мэйя называет «сердцем человеческой воли и свободы», поскольку самодетерминация личности возникает при условии осознания смыслов, управляющих ее поведением и развитием. Главным в иерархии смыслов и ценностей полагается смысл жизни в силу того, что «человеческие существа не могут жить в условиях бессмысленности и пустоты долгое время: если они не нацелены на смысл, они не могут сопротивляться судьбе, отчаиваются и предаются деструктивным формам активности» [275, р. 22].

Судьба понимается как совокупность телесных, психических, пространственно-временных и прочих ограничений, налагаемых на человека его жизненной ситуацией или, другими словами, как система жизненных обстоятельств, которые человек не в силах контролировать, изменять или отменять [273, р. 89-90]. Судьба не несет абсолютную предопределенность жизни: человек волен выбирать свой жизненный путь и его смысл в границах, дозволенных судьбой. «Контрагентом» судьбы является свобода - «способность личности знать о своей предопределенности» [276, р. 175]. Свобода личности завязана на смысл жизни, который, с точки зрения экзистенциальных психологов, потенцирует не детерминированные судьбой варианты жизненного пути. Свобода вытекает из способности человека осознавать свою судьбу и смысл своей жизни и делать выбор между несколькими альтернативами. В каждой конкретной точке своей жизненной траектории человек колеблется между полюсами свободы и судьбы, и близость полюса свободы символизирует меру его субъектности. «Парадокс заключается в том, что свобода обязана своей жизнеспособностью судьбе, судьба же обязана свободе своей значительностью» [273, р. 17]. Таким образом, в концепции Р.Мэйя личность как субъект наделяется способностью искать и находить смысл жизни (осмысленность бытия), а также способностью осознавать этот смысл как бытийный контраст личной судьбы (осознанность бытия).

В экзистенциально-гуманистической теории Д.Бьюджента-ля источником основных

экзистенциальных проблем человека считается постоянное напряжение между полюсами автономии и судьбы [60]. Пафос теории Д.Бьюдженталля созвучен концепции личности как субъекта жизни, поскольку в своих теоретических размышлениях исследователь исходит из того, что жизнь человека зависит от его собственных усилий, и он способен осозна-

214
вать и улучшать ее [60, с. 215]. Человек как субъект активности наделяется интегративным свойством - субъективностью. Ключевое значение субъективности в жизни человека заключается в следующем: «человеческим существам присуща автономия, которая избавляет нас от тирании объективного детерминизма и которая пребывает в нашей субъективности» [60, с. 24]. Истинное ядро субъективности, которое мобилизует жизнотворчество человека, Д.Бьюдженталь усматривает в интенциональности. Интенциональность определяется, с одной стороны, как производная от родовой способности человека искать и обретать смысл, а с другой, как необходимая для инициации его активности, самопричинения и самодетерминации. «Интенциональность - это смысл того, что мы создаем / выражаем посредством наших жизней» [60, с. 217]. Функция интенциональности состоит в опосредовании жизненных выборов личности смыслами ее бытия в мире. С точки зрения экзистенциально-гуманистической теории, интенциональность защищает активность субъекта от вклинивающихся извне детерминант, преграждает и пресекает влияние биологических и социальных факторов, олицетворяющих судьбу, на внутренний мир личности. Благодаря развитию интенциональности жизнь человека - первоначально «сырой» биографический материал - формируется по субъективному замыслу.

В своих поздних работах Д.Бьюдженталь дополняет концепцию интенциональности еще одним важным понятием - «жизненность». Жизненность трактуется как «внутреннее зрение», которое облегчает и кристаллизует понимание личностью смыслов, совершенствует и утончает ощущение интенциональности. Жизненность проявляется в полном и адекватном осознании смысла жизни и является «ключом» к построению уникальной жизни, аутентичной этому смыслу [258]. «Для жизни, наполненной смыслом, существенно развитие чувства личной идентичности» [60, с. 218]. Но рефлексия и самоотчет человека относительно смысла жизни сами по себе еще не обеспечивают личностный рост и гармонизацию бытия. По версии Д.Бьюдженталля, необходим «перевод интенций в действие» - претворение смыслов в действительность. Активность человека в этом деле разнится в зависимости от меры личностной готовности к опредмечиванию своих намерений или, другими словами, от меры «воодушевленности». Напористая и уверенная активность, созидательная и воодушевленная работа человека над собственной жизнью рассматривается как необходимый «мост» между

215

желаемым и действительным бытием. В этом случае жизнь человека превращается в «процесс того, что мы делаем» и начинает выступать как «поле» личностной самореализации [60, с. 217,220].

Несмотря на теоретическую сложность, теория Д.Бьюдженталля не является лабораторной или кабинетной по той причине, что она имеет широкий выход в практику «жизнеизменяющей психотерапии». Жизнеизменяющая психотерапия преследует цель повышения качества человеческой жизни за счет снятия или уменьшения преград реализации субъективности, расширения активности и углубления сознательности человека как субъекта жизни. «Жизнеизменяющая психотерапия - это попытка пациента и психотерапевта помочь первому проанализировать, как он отвечает на экзистенциальные вопросы жизни, и попытаться пересмотреть некоторые из ответов так, чтобы сделать его жизнь более аутентичной и, таким образом, более реализованной» [60, с. 23]. Можно утверждать, что в концепции Д.Бьюдженталля способность человека строить свою жизнь корреспондирует с интенциональной ориентацией личностного поведения, субъективной осознанностью смысла жизни и высокой активностью личности в реализации этого

смысла.

Неоценимый вклад в развитие концепции субъекта жизни внесли положения логотерапии и логотеории В.Франкла. Необходимо заметить, что понятие «субъект жизни» не встречается у Франкла как самостоятельная единица тезауруса. Тем не менее его работы проливают свет на экзистенциальные параметры психического здоровья и нормальной жизнедеятельности личности в модусе повседневности и в экстремальных условиях. Следует принять во внимание, что общее экзистенциальное прочтение психического здоровья заключается в признании личности автономным и ответственным создателем собственной судьбы, активным решателем экзистенциальных проблем, бросающим вызов своей «человеческой дилемме». Напротив, личность, одержимую экзистенциальным недугом, захлестывают неразрешенные проблемы - одиночество, отчаяние, неприкаянность, бессмысленность, безволие в отношении собственной жизни [157; 227; 254]. Решающим критерием психического здоровья считается субъектность жизни, а основным синдромом нездоровья - «паралич» личностной способности быть субъектом жизни. Отталкиваясь от такой трактовки психического здоровья те важные параметры, которые приводит В.Франкл, можно отождествить с особенностями личности как субъекта жизни.

216

Первым неотъемлемым условием психического здоровья личности является высокий уровень общей осмысленности жизни, удовлетворение базовой потребности в смысле. Осмысленность жизни рассматривается Франклом как энергетическая характеристика личностного существования, суть которой составляет напряжение между сущим и должным - наличными жизненными достижениями и императивными требованиями смысла. Осмысленность задает индивидуальной жизнедеятельности телеологическую ориентацию на цели, производные от смысла жизни. Субъективное состояние бессмысленности - это «экзистенциальный вакуум», блокирующий реализацию стремления к смыслу и невротизирующий личность. Фрустрация потребности в смысле наступает при условии, если человек не понимает своего жизненного призвания, ослеплен искусственно вымышленным смыслом или смирился с поедаящим чувством бессмысленности [224, с. 37-38].

С точки зрения логотеории, жизнь ни при каких обстоятельствах не теряет свой объективный смысл. Это означает, что человеческая экзистенция всегда имеет определенную интенциональную направленность. «Смысл смысла в том, что он направляет ход бытия» [224, с. 285]. В свете данного положения задачу личности как субъекта жизни В.Франкл усматривает в отыскании и акцептации объективного смысла. Озадаченность вопросом о смысле существования выступает как специфическая человеческая проблема, которая снимается путем поиска и открытия смысла, но никак не путем его изобретения. По мнению Франкла, выдумать смысл невозможно потому, что это неизбежно повлечет рассогласование с объективной смысловой направленностью жизни и разочарование в созданной концепции смысла. Выдуманный смысл может быть лишь ненадежным прикрытием вопиющего смыслового вакуума, временным утешением в состоянии фрустрации стремления к смыслу. В контексте логотеории задача нахождение смысла раскрывается как задача на осознание личностью объективно сложившейся интенциональной направленности жизни.

В.Франкл ставит вопрос о содержании смысла в условиях экзистенциальной нормы и патологии. Он последовательно развенчивает традиционные концепции, которые склоняют человека искать смысл в погоне за счастьем, предаваться наслаждениям, изо всех сил самоактуализироваться и «охотиться» за предельными переживаниями. «Нормальное ощущение счастья не выс-

217

тупает в качестве цели, к которой человек стремиться, а представляет собой скорее сопутствующее явление, сопровождающее процесс достижения смысла» [224, с. 30]. «Чем

сильнее человек стремиться к наслаждению, тем сильнее оно от него ускользает» [224, с. 34]. «Подобно счастью, самоактуализация является лишь результатом, следствием осуществления смысла» [224, с. 58-59]. Обобщающим признаком всех неконструктивных смыслов жизни является замкнутость на индивидуальное существование, в то время как подлинны смыслы жизни трансцендентны по отношению к личностному бытию. Франкл утверждает, что человек конституирует себя в качестве субъекта только лишь благодаря выходу его бытия за пределы самого себя, благодаря его устремленности к объекту смысла [224, с. 72]. Источниками подлинных смыслов служат ценности - смысловые универсалии, которые были аккумулированы в опыте человечества и социальных групп. Смыслы жизни, которые сокрыты в ценностях, всегда трансцендентны по отношению к индивидуальному бытию, поскольку генерализируют смысловой опыт многих поколений и неисчислимы жизней [224, с. 288-290]. Нормальный человек - субъект жизни - в первую очередь старается осуществить трансцендентные смыслы и ценности, не думая об удовлетворении собственных влечений и потребностей, и в ходе этого осуществления реализует самого себя. Невротик, который заиклен на своих потребностях или охвачен мыслью о самоактуализации, игнорирует требования внеположенных ценностей; в конечном итоге он оказывается в «порочном круге» зависимости от собственных влечений.

В.Франкл подчеркивает, что проблема смысла жизни является не только проблемой познания, но также проблемой призвания. Это подразумевает необходимость активной реализации смысла жизни, который растекается по уникальным смыслам конкретных жизненных ситуаций. Упустить шанс реализации уникального смысла ситуации равно тому, что не внять требованию универсального смысла жизни, который лежит за смыслом отдельных ситуаций [224, с. 294]. О необходимости воплотить смысл или о потерянной возможности сделать это человеку подсказывают моральные переживания. Франкл онтологизирует совесть как «орган смысла» и моральные чувства как напоминание о необходимости деятельного осуществления смысла. «Самая большая ошибка, которую мы можем совершить в жизни, - это почить на лаврах. Никогда не следует довольствоваться достигнутым.

218

Жизнь не перестает задавать нам все новые и новые вопросы, не позволяя остановиться. Только самоодурманивание делает нас нечувствительными к постоянным уколам совести, которые посылаем нам жизнь. Стоящего неподвижно обходят; довольный собой - потерян... Каждый день, каждый час требуют от нас новых свершений» [224, с. 244].

Таким образом, согласно теории В.Франкла личность как субъект жизни обладает высоким уровнем осмысленности жизни, глубоким рефлексивным пониманием и стремлением к активной реализации этого смысла, а также укоренением индивидуального смысла в универсальных человеческих ценностях. Быть субъектом жизни значит «быть обращенным к смыслу, требующему осуществления, и ценностям, требующим реализации. Это значит жить в поле напряжения, возникающего между полюсами реальности и идеалов, требующих материализации» [224, с. 285].

В экзистенциальной персонологии С.Мадди, на положения которой мы уже ссылались ранее, личности как субъекту жизни приписываются две глобальные особенности - наличие смысла жизни, дающее чувство осмысленности, и высокая степень осознанности этого смысла. Осмысленность жизни согласно С.Мадди равнозначна телеологической регуляции личностной активности, но самой осмысленности для становления личности индивидуалистического (субъектного) типа недостаточно. Раскрывая значение сознания в регуляции жизнедеятельности личности, Мадди апеллирует к группе специфических для человека потребностей - «психологических потребностей» в воображении, суждении и символизации, которые помогают вывести смысл жизни на уровень сознания. Доминирование этих потребностей является залогом развития личности как субъекта жизни, а не по конформистскому (несубъектному) пути, проложенному биологическими и

социальными потребностями [271]. Следует отметить, что в концепции С.Мадди наряду со смыслом жизни рассматриваются регуляторы личностной активности не смысловой природы - социального и биологического происхождения. В этой связи исследователь указывает, что смысл жизни преимущественно стимулирует активность индивидуалиста, в то время как конформная личность реагирует главным образом на биологические стимулы и социальное окружение. При этом ориентация личности на смысл жизни сочетается с выбором будущего (неизвестность), а концентрация на биологических и социальных потребностях соотносится с выбором прошлого (неизменность) [269].

219

К проанализированной теории личности близка по духу концепция экзистенциального мыслителя и психотерапевта И.Ялома. Как клинициста его в наибольшей мере волнуют проблемы психического здоровья личности в экзистенциальном измерении бытия, а также условия предупреждения и исцеления экзистенциальных личностных расстройств. В целом Ялом придерживается экзистенциального понимания личностной нормы как способности человека преодолевать бытийные проблемы, проявляя необходимые свободу воли и ответственность, а также конструктивно адаптироваться к базовым «экзистенциалам» человеческого существования - смерти, свободе, изоляции, бессмысленности. «Экзистенциальная терапия основана на модели психопатологии, согласно которой тревога и ее дезадаптивные последствия представляют собой реакцию на эти четыре конечных фактора» [254, с. 542].

В системе этих факторов И.Ялом расценивает бессмысленность как «первостепенный экзистенциальный стресс», который портит здоровье личности в экзистенциальном модусе и истощает ресурсы организации человеком своей жизни. Сущность потребности в смысле видится как необходимость обладания перцептивной схемой жизни и системой ценностей, которые бы придавали прагматическую определенность всем поступкам и действиям человека [254, с. 520]. Культурными способами придания жизни смысла являются мировоззренческие смысловые системы, преданность делу, творчество, альтруизм, гедонизм, самоактуализация и самотранс-ценденция [254, с. 477-494]. В любом из этих случаев конечной психологической целью, которая во многом оправдывает средства, является повышение уровня осмысленности жизни. Как психотерапевт И.Ялом все же небезучастен к содержанию смысла жизни пациентов и даже полагает его внутреннюю содержательность ценным терапевтическим фактором. С точки зрения И.Ялома, общим «лейтмотивом» адаптивных смыслов жизни является альтруистичность - установка на служение другим людям, стремление трудиться на их благо, готовность к самопожертвованию и самоотдаче. Напротив, патологическим является такое содержание смысла жизни, которое подвигает человека на копание в своих личных проблемах, сужает кругозор на его же собственной персоне, отгораживает от проблем окружающих. Психотерапевтическая практика показывает, что эгоцентрическое содержание смысла жизни выступает как фактор демобилизации и деморализации личности, в то время как альтруистичность смысла жизни работает как фактор исцеления и самоактуализации [253, с. 34].

220

Важным условием нормальной жизнедеятельности является адекватное понимание человеком смысла своей жизни. Однако здесь Ялом предупреждает о неправильной и во многом патогенной установке на самоисследование и уход в себя для выработки смысла жизни. В условиях бессмысленности такая установка еще сильнее проблематизирует жизнь человека и замутняет существо проблемы смысла. Нормальной реакцией на бессмысленность является активная вовлеченность в личностно значимую деятельность, которая придает жизни вектор и объективную ценность. Созерцательный, рефлексивный способ реагирования на проблему бессмысленности, напротив, не приносит желаемого облегчения симптомов ноогенного невроза и не позволяет сделать жизнь осмысленнее. Поэтому в практике экзистенциальной терапии Ялом рекомендует использовать прием

деревлефлексии вместе с техниками вовлечения пациента в реальное дело, могущее перерасти в дело всей жизни [254, с. 536]. При этом необходимость адекватного и полного понимания пациентами своей «жизненной миссии» остается неоспоримой и незыблемой.

И. Ялом, таким образом, акцентирует значимость трех параметров регуляции жизненного пути личности смыслом жизни. Это - высокий уровень осмысленности жизни, осознанность смысла жизни и альтруистичность содержания смысла жизни.

Положения классиков и основоположников экзистенциальной психологии получают теоретическое продолжение в работах польских экзистенциально мыслящих психологов - М. Страс-Ро-мановской и К. Попельского. М. Страс-Романовской принадлежит авторство экзистенциально-персонологической концепции судьбы, в которой поднимаются не только проблемы жизненного пути человека, но также закладывается теоретический фундамент смысловой концепции личности [281]. Выстраивание собственной оригинальной концепции исследовательница начинает с критики тех положений академической психологии, которые «затворяют» сознание человека перед миром смыслов и ценностей, сводят механизмы регуляции личностного бытия к причинно-следственным закономерностям. Систему таких положений Страс-Романовская называет объективистской психологией и противопоставляет ей психологию личности, фундированную на смысловом подходе к человеческому бытию [281, с. 10-31]. Собственная концепция автора складывается из трех логически связанных частей: учения о смысле, учения о личности и учения о судьбе. Общий предмет персоналистической психологии судьбы фиксируется как систе-

221

ма экзистенциальных смыслов и переживаний человека по поводу своей жизни [281, с. 64].

Понятие смысла является центральной категорией экзистенциально-персонологической концепции судьбы. При возведении концепции автор опирается на положения философской антропологии о модусах или сферах человеческого бытия и предлагает следующую структуру существования: индивидуальный, социальный, субъектно-личностный и духовно-метафизический уровни [281, с. 45]. Критерием для структурирования этих уровней существования выступает логика регуляции активности человека, специфичная для каждой из сфер бытия. Перебираются различные логики регуляции, основанные на принципе удовольствия, удовлетворении потребностей («Я хочу») и характерные для индивидуального бытия, на чувстве долга и конвенциональных предписаниях («Я должен»), на принципе реальности, осознании собственных возможностей и ограничений («Я могу») и годящиеся для адаптации в системе социальных отношений [281, с. 60-61]. Духовно-метафизический уровень Страс-Романовская обозначает как уровень преодоления всяческих детерминаций и выхода в сферу принципиально не соподчиняемых по принципу иерархии абсолютных ценностей. Основное же внимание Страс-Романовской приковывает сфера субъектно-личностного бытия, которая раскрывается как система взаимодействий в плоскости «человек - мир». На этом уровне взаимодействия с действительностью личность не заботится об удовлетворении своих потребностей, адекватности респондентного поведения, конечности своих возможностей; здесь основное содержание бытия составляют процессы самореализации и саморазвития, самодетерминации и самотрансценденции, при помощи которых личность созидает неповторимую судьбу. «Здесь - благодаря субъектности - человек становится свободным существом, которое не детерминировано полностью внешними образцами и подкреплениями, принимающим решения и действующим в соответствии с личным выбором, основанным на переживании мира и его смысла» [281, с. 49].

Мотивация активности в этой сфере бытия человека не подпадает под влияние социальных образцов, внешних реагентов, внутренних нужд, внушенных целей и интроецированных приказов; личность как субъект побуждается смыслами и ценностями, существующими в мире. Поиск смысла и смысловая регуляция активности являются

основой способности человека к дистанцированию от самого себя и своей жизни и, тем самым, предпосыл-

222

кой автономии. Чем выше уровень развития личности и чем значительней «смысловая» дистанция между ней и ее жизнедеятельностью, тем она свободнее в определении своего жизненного пути. «В этой связи развитие человека на субъектном уровне обусловлено им самим через систему его индивидуальных смыслов и жизненных выборов, а потому является саморазвитием, самопознанием и самореализацией» [281, s. 50].

В связи с проблемой смысловой регуляции активности М.Страс-Романовская оперирует триадой понятий «смысл - переживание - интенциональность». «Смыслы выражаются в интенци-ональности субъекта, а, значит - в способе переживания и интерпретации событий, в содержании жизненных целей, в общем - в способе жизни» [281, s. 62].

Рассматривая соотношение смыслов и переживаний, М.Страс-Романовская пишет, что смыслы являются надситуативными и устойчивыми элементами внутреннего мира личности, а переживания - зависимыми от ситуации феноменологическими проекциями смыслов. С этой позиции интенциональность представляет собой функциональный механизм перевода смыслов в переживания, а переживаний - в практическое действие.

Тем самым интенциональность понимается как универсальный механизм смысловой регуляции активности человека [281, s. 66]. Из интенциональности выводится осмысленность как способность человека к наполнению континуума жизни сквозным смыслом.

«Осмысленность как атрибут человеческого способа существования проявляется в том, что активность человека направлена к определенной цели... Интенциональные действия одновременно являются осмысленными потому, что они направляются смыслами» [281, s. 71]. Интенциональность объективируется в определенном направлении деятельности и жизненного пути человека и, поэтому, векторность, устремленность активности человека служит объективным показателем осмысленного бытия [281, s. 72].

Система смысловой регуляции наделяется набором важных функциональных признаков. Базовым признаком смысловой регуляции является финализм или телеологичность, который расшифровывается как детерминированность будущим. С точки зрения исследовательницы смыслы опережают и предвосхищают поступки человека, создают их субъективную сторону и целенаправленность [281, s. 67]. Не менее важным признаком является общий регуляторный принцип, на котором базируется вся система смысловой регуляции: при ориентации на смысл человек задается вопросом о конечных целях поступка «ради чего», а при ориентации

223

на причину - вопросом «зачем». Предполагается, что в каждом конкретном поступке за ведущую роль в детерминации активности человека конкурируют внутренние смыслы и внешние причины. Исход этого противостояния, противоборства каузальной и смысловой регуляции определяет психологическую судьбу личности. Кроме того, способность субъекта управляться с жизненными событиями, распоряжаться своей судьбой в большом временном масштабе ставится в зависимость от такой особенности смысловой регуляции, как «целостность субъективирования жизни» [281, s. 113].

Страс-Романовская разводит объективную истину и субъективную правду в понимании поступков и судьбы человека. Объективная истина зиждется на максимально полном и всестороннем раскрытии причинно-следственных закономерностей между судьбой человека и силами его окружения. Субъективная правда связана со смысловой логикой регуляции активности индивида; в ее основе лежит смысловое переживание человеком окружающего мира. Подчеркивается, что для личности как субъекта не столько важна объективная истина о собственной жизни, сколько субъективная правда о ней. С позиции исследователя психологически понять поступок - добраться до смысла, который человек вложил в него.

Специально обсуждается вопрос об образовании и дифференциации системы внутренних

смыслов. Смыслы постулируются как «экстракт» индивидуального жизненного опыта или как субъективная правда личности [281, s. 113]. С точки зрения М.Страс-Романовской, противоположностью смыслов являются конвенциональные значения, которые есть синтез общественного опыта и конструируются в процессе социальной практики. Среди множества смыслов Страс-Романовская особо выделяет экзистенциальные смыслы - те, влияние которых ощутимо в контексте целостного жизненного пути, которые руководят судьбой человека. В качестве основного экзистенциального смысла функционирует смысл жизни. Воздействие смысла жизни на судьбу человека обнаруживается в богатом спектре регуляторных функций. Во-первых, смысл жизни действует в качестве критерия оценивания и ранжирования событий жизненного пути по их значимости для человека, определяя при этом направление его активности и содержание экзистенциальных переживаний. Во-вторых, смысл жизни способствует актуализации в памяти человека давних переживаний и воспоминаний, чем обусловлено присут-

224

ствие «прошлого и будущего в настоящем», «экзистенциальная реминисценция». В-третьих, смысл жизни балансирует всю смысловую систему человека, участвует в селекции, дроблении и коррекции более мелких смыслов. В-четвертых, смысл жизни является источником жизненных принципов и базисом для жизненных целей человека. В-пятых, смысл жизни стабилизирует, удерживает своеобразие жизненного стиля человека. В-шестых, смысл жизни, будучи «органом совести», контролирует неотступное соответствие поступков человека его жизненному призванию, а в случае отступления человека от своего предназначения, запускает механизмы экзистенциальной вины и ответственности. Наконец, смысл жизни конституирует субъектность человека по отношению к его индивидуальной жизни, что составляет его наиглавнейшую функцию [281, s. 63].

По мнению М.Страс-Романовской, осознанность смысла жизни является важной предпосылкой развития личности и формирования у нее «психологического иммунитета» к жизненным кризисам. В том случае, если человек не осознает или ошибается в понимании смысла своей жизни, он неуклонно соскальзывает в жизненный кризис. Жизненный кризис проявляется в регрессе развития личности как субъекта жизни, что конкретизируется в неукротимой жажде удовольствий, в хронической экзистенциальной тревоге, в общей неудовлетворенности жизнью. «Потеряться в жизни - это жить вопреки своему смыслу жизни или не знать его» [281, s. 63]. Существуют два принципиальных пути нейтрализации жизненного кризиса. Первый путь связан с изменением условий жизни под требования смысла жизни, второй - с изменением системы смыслов под условия жизни.

Далее М.Страс-Романовская переходит к анализу категории «судьба» и классифицирует ее теоретическое понимание на три разновидности: фаталистическое, биологически-детерминистическое и креационистическое понимание [281, s. 57]. Она присоединяется к «креационизму» - положению о том, что человек в силах создавать и преобразовывать свою жизнь по собственному замыслу. «В экзистенциально-персоналистической перспективе судьбы человека не является ни предназначением, ни детерминацией. Судьба человека - это индивидуальное творение, история жизни, написанная человеком как субъектом жизненных выборов и самореализации» [281, s. 58]. Из этого положения она исходит при разработке концепции личности как субъекта жизни. «Человек как свободное существо формирует себя своими жизненными выбо-

225

рами. Выборы, учитывающие смыслы и ценности личности, являются аутентичными, обеспечивают осуществление смысла жизни и минимизируют воздействие случайных сил на индивидуальную судьбу» [281, s. 58].

Обобщая результаты анализа категории «судьба», М.Страс-Романовская приходит к убеждению, что существование человека можно разделить на два принципиальных

способа. Первый способ - каузальный, на котором человеческая жизнь детерминируется социальными и биологическими причинами. Второй способ - это способ жизни человека как хозяина собственной судьбы, телеологический или финалистический способ, который «связан с личностной детерминацией, поиском смысла событий и смысла жизни, с осуществлением экзистенциальных выборов, формулированием жизненных целей и осмысленной активностью» [281, s. 64]. В каждой индивидуальной биографии переплетаются оба способа существования, а их пропорция является неповторимой биографической характеристикой личности.

Таким образом, в персоналистической психологии судьбы М.Страс-Романовская устанавливает следующие особенности личности как субъекта жизни: превосходство смысловой регуляции над остальными системами психической детерминации активности, телеологичность регуляции индивидуального жизненного пути, обладание смыслом жизни и высокий уровень осмысленности жизни, сознательность и активность реализации смысла жизни.

Польский психолог-теоретик К.Попельский является последователем В.Франкла, который сумел существенно обогатить и расширить исходные постулаты логотеории применительно к бытию личности как субъекта жизни [278-280]. Он зацепился за высказанную В.Франклом идею «димензиональной онтологии», которая гласит, что бытие человека протекает одновременно в нескольких неперекрывающихся измерениях, каждому из которых присущи свои регулятивные принципы и законы. Соответственно, К.Попельский идентифицирует свою теорию как учение о «многомерности бытия и многовекторности становления человека». В краткой редакции он называет свое учение ноотеорией, поскольку оно сфокусировано на ноэтическом измерении человеческой экзистенции. Ноотеория покоится на серьезных антропо-психологических постулатах и допущениях о природе человека и его месте в мире. Основным из них является положение о том, что «экологическая ниша» человека - это мир ценностей и смыслов, в то

226

время как природный мир человеческий род населяет и обживает совместно с другими биологическими видами [280]. Человеку атрибутируются такие родоспецифические характеристики, как открытость миру ценностей и смыслов, активность в строительстве и умножении своего жизненного мира, отсутствие изначальной предзаданности бытия и смысла [279, s. 16-17].

Отправляясь от этих характеристик, К.Попельский вводит представление о ноэтическом измерении в структуре личности, которое концентрирует в себе усвоенные и произведенные человеком ценности и смыслы. Ноэтическое измерение надстраивается над психофизиологическим и психосоциальным уровнем человеческого бытия и конституирует собственно «субъектно-личностный способ осуществления жизни». Объективное отличие этого способа бытия заключается в том, что уже не биологические и социальные обстоятельства господствуют над человеком, а он как свободный субъект властвует над ними, модифицирует их в соответствии с требованиями смысла. Основным принципом функционирования личности в ноэтическом измерении бытия является следующий девиз: «ради чего и в направлении чего осуществляется активность». С точки зрения Попельского, элементарной структурно-функциональной единицей ноэтического измерения в структуре личности является смысл. Смысловая регуляция активности открывает перед человеком некоторые преимущества: она профилирует направление и внутреннее содержание его экзистенции, позволяет воспроизводить жизнь как неделимую целостность, допускает не приспособительный, а преобразующий образ жизни, делает возможным прикосновение к ценностям и смыслам предыдущих поколений. Потребность в смысловой регуляции исследователь ведет от специфики филогенетической эволюции вида. Появление смысловой регуляции элиминировало те онтологические проблемы, которые испытывал человек в связи со своей неприспособленностью к природной среде и отсутствием четкой биологической специализации. Для ориентации в мире человек создал

культуру как мир символизации смысла и сформировал ноэтическое измерение как мир смыслов в себе [279, s. 18—20].

Особый раздел в учении К.Попельского составляет психология индивидуального субъекта. В этом разделе анализируются параметры субъектно-личностного бытия человека и выявляются причины, патологизирующие этот уровень существования [280]. Достойным ответом на эти причины является ноотерапия - психологическая практика борьбы с экзистенциальными заболева-

227

ниями и профилактики ноогенных нарушений личностного бытия. К.Попельский предпочитает рассматривать особенности уклада и функционирования ноэтического измерения в сравнительном ключе - в сопоставлении с психофизическим и психосоциальным уровнем в структуре личности. Общий принцип соотношения этих уровней в структуре личности таков, что вышележащий уровень снимает и сублимирует нижележащие. При подъеме от психофизиологического к ноэтическому уровню наблюдается прирост, меняется качество личностной свободы. На ноэтическом уровне личностная свобода выражается в субъектной самодетерминации и принимает форму индивидуального жизненного пути [279, s. 27-34]. От уровня к уровню сменяется также личностная «компетенция», то есть границы и содержание тех вопросов, которые решает человек как биологический индивид, социальный индивид и субъект жизни. Общая тенденция заключается в пропорциональном увеличению свободы приросте ответственности. Так, на ноэтическом уровне личность держит ответ за свою судьбу в целом [279, s. 34-36]. При переходе между уровнями трансформируются также содержание и движущие механизмы активности личности. Ноэтический уровень личностной активности - «это измерение конструирования субъектно-личностного «Я», как центра процессов осознания, осмысления и принятия жизненно важных решений, являющегося субъектом и соавтором личной биографии, способного к духовному облагораживанию смысла и ценностей жизни» [279, s. 41]. На этом уровне личностную активность побуждают экзистенциальные переживания по поводу судьбы, а жизненные решения инициируют личностные представления о смысле жизни. Характеризуя параметры субъектно-личностного бытия, К.Попельский сосредоточивает внимание на потребности личности в смысле жизни. Эта потребность конкретизируется как стремление человека придать своей жизни единую интенциональную ориентацию. Потребность в смысле жизни можно считать удовлетворенной, если личность осознает содержание смысла жизни (онтический аспект), а ее жизнь реально имеет высокую степень интенциональной интегрированности и осмысленности (онтологический аспект) [279, s. 45]. Вслед за Франклом исследователь подчеркивает невозможность интеллектуализации смысла жизни, полагая его «единством интеллектуальных, эмоциональных и ценностно-смысловых процессов». Осмысленность жизни и субъективная понятность смысла человеку являются наиболее важными предпосылками субъектно-личностной активности.

Соб-

228

ственно смысл жизни трактуется как субъективированная форма переживания личностью общей направленности жизни, которая проявляется в глубинных мотивациях к жизни и нацеливает личностную активность на определенную группу ценностей. «Смысл связан с внутренним убеждением личности об осмысленности и целенаправленности собственной жизни» [279, s. 50]. Не менее важными, чем осмысленность, параметрами личностного бытия, являются высокий динамизм осуществления смысла жизни и растянутость этого процесса во времени и пространстве жизни. К.Попельский, таким образом, в качестве параметров субъектно-личностного бытия полагает подчинение активности смысловой логике регуляции, высокий уровень осмысленности жизни и осознанности смысла жизни, динамизм осуществления смысла жизни и большой пространственно - временной масштаб этого осуществления.

Вообще с позиций экзистенциальной психологии «человеческая дилемма» свободы и судьбы разрешается в пользу свободы при условии, что личность реализует смысловой потенциал собственной интенциональности. Функции интенциональности устойчиво идентифицируются с функциями смысловой регуляции личностной активности и, в частности, с процессами порождения, трансформации, осознания и реализации смысла жизни. Это позволяет заключить, что в контексте экзистенциальной психологии смысловая регуляция жизненного пути и, в особенности, смысл жизни является предпосылкой формирования личности как субъекта жизни. В качестве значимых для автономного (субъектного) существования особенностей смысловой регуляции экзистенциальные психологи постулируют следующие: превалирование особой интенциональной логики смысла в поведении и жизненных выборах личности, телеологическую ориентацию личностной активности, высокий уровень осмысленности жизни и осознанности смысла жизни, а также просоциальное ценностное содержание этого смысла.

В рамках исследуемой проблематики несомненную важность представляет транзактный психоанализ Э.Берна, в фундаменте которого залегает оппозиция «свобода- судьба». Наибольшее влияние эта оппозиция оказала на ту часть теории, которая описывает и объясняет структурирование человеческой жизни в целом. Э.Берн выделяет различные варианты проживания человеком своей судьбы и, в частности, сценарный, несценарный, насильственный и независимый типы жизненного пути [37, с. 192]. Полярными типами жизненного пути являются сценарный и незави-

229

симый, поскольку первый предполагает полную predeterminedность судьбы человека «жизненным сценарием», а второй - полный волюнтаризм и авторство человека в деле созидания собственной жизни. Жизненным сценарием Э.Берн называет постепенно разворачивающийся жизненный план, который формируется еще в раннем детстве под влиянием родителей и более отдаленных родственников. «Большинство людей подсознательно имеют свой жизненный план, или сценарий, согласно которому они структурируют более длительные периоды времени - месяцы, годы или даже всю свою жизнь, заполняя время ритуальной деятельностью, времяпрепровождениями, развлечениями, играми» [37, с. 174]. Жизненные сценарии основываются в большинстве случаев на родительском программировании - внушающем воздействии, которое дает жизни ребенка цель и подсказку о способах ее достижения [37, с. 180]. Сценарный механизм подразумевает определенную сюжетную канву жизненного пути, репетицию сценарных ролей и действий в отдельных жизненных ситуациях, подбор действующих персонажей, комплиментарных к роли главного исполнителя, динамику событий завязки и кульминации, а также сценарный исход - прогнозируемый результат жизненного пути.

Необходимо отметить, что с позиции Э.Берна детерминация жизненного пути личности не редуцируется только к жизненному сценарию, но помимо него включает внешние силы и обстоятельства, именуемые судьбой, и свободные устремления человека, могущие сорвать реализацию жизненного сценария. «Судьба каждого человека определяется в первую очередь им самим, его умением мыслить и разумно относиться ко всему происходящему в окружающем его мире. Человек сам планирует свою жизнь. Только свобода дает силу осуществлять свои планы, а сила дает ему свободу осмысливать, если надо и отстаивать и бороться с планами других. Даже если жизненный план человека определен другими людьми или в какой-то степени обусловлен генетическим кодом, то и тогда вся его жизнь будет свидетельствовать о постоянной борьбе» [37, с. 175]. С точки зрения Э.Берна, сценарий многократно обкатывается, репетируется и прогоняется, что делает его узнаваемым и рефлексивным для человека и для терапевта. Человека как свободного субъекта жизни с этой точки зрения отличает способность осознания, критики и редактурности жизненного сценария. Сознательное планирование жизненного пути при этом преобладает над детскими решениями и подсознатель-

ными программами, которые некритически пересаживаются в жизнь. Не случайно одной из главных целей терапевтического метода Э.Берна является стимуляция рефлексии, при помощи которой происходит осознание и отреагирование детских иррациональных установок на способ жизни [37]. Таким образом, в контексте транзактного психоанализа ключом к независимому способу жизни является осознанность жизненных целей и способов поведения, подспудно навязываемых субъекту жизненным сценарием.

В отечественной психологии концепция личности как субъекта жизни получила развитие в работах, посвященных онтологии человеческой жизни [88; 89; 192], в философско-психологической концепции субъекта общественной жизнедеятельности [4; 5; 8], в рефлексивно-гуманистической психологии сотворчества и жизне-творчества [62; 203; 211]. Некоторые психологические особенности личности как субъекта жизни акцентировались также при разработке концепции психологического времени личности [8; 112], экзистенциальной концепции понимания [97], а также динамического подхода к психологическому анализу личности [21-23].

Общая установка онтологического анализа личности как субъекта жизни - «определение параметров человеческого бытия, по которым определяется уровень человеческой жизни» [192, с. 365]. С точки зрения психологической онтологии С.Л.Рубинштейна, отличительная особенность человека как субъекта жизни - «детерминированность через сознание, иными словами, преломление мира и собственного действия через сознание, - вот основное для понимания проблемы свободы человека и детерминации бытия» [192, с. 358]. Несмотря на то, что в авторской концепции субъекта жизни главный акцент сделан на рефлексию, С.Л.Рубинштейн убедительно показывает, что даже осознанная активность человека в мире нуждается в системе надситуативных ценностно-смысловых опор и является не просто осознанной, но и осмысленной [192, с. 370]. Осмысленность человеческого бытия, по убеждению С.Л.Рубинштейна, содействует способности человека трансцендировать за границы наличной жизненной ситуации и преодолевать ее сиюминутные объективные требования. Примечательно то, что С.Л.Рубинштейн связывает осмысленность человеческого бытия с его устремленностью в будущее: «человек есть существо, имеющее «проект». «Проект» он потому, что в нем существование предшествует сущности, в нем нет готовой сущности, он сам ее делает; отсюда его сущность - свобода. Здесь только повернутость к будущему, посредством которого

231

человек якобы отрывается от прошлого и его детерминации» [192, с. 361]. И далее: «Возможность человека определять свое будущее есть возможность определения каждого из прошедших этапов своей жизни, поскольку и он был в свое время будущим» [192, с. 362]. В концепции С.Л.Рубинштейна просматривается не только онтологическая характеристика смысла жизни, но также и этические притязания к его содержанию. Созвучие содержания смысла жизни общественным идеалам и ценностям - главнейший критерий истинности смысла жизни и предусловие формирования личности как субъекта жизни. Напротив, отвращение человека от служения всеобщему благу, порабощение человека потребностями, гедонизм, погоня за удовольствиями - симптом опустошенности жизни и извращенности ее смысла [192, с. 369]. В конечном итоге преодоление человеком «притязания» ситуации и всевозможных детерминаций возможно благодаря тому, что в каждой ситуации для человека как субъекта жизни «просвечивает» ценностно-смысловой «проект» будущего - смысл жизни.

К концепции субъекта жизни, созданной С.Л.Рубинштейном, присоединяются психологи, исследующие общий онтологический статус человеческой субъективности (субъектности). Так, В.И.Слободчиков утверждает, что рефлексия является специфическим механизмом дистанцирования человека от своей непосредственной жизнедеятельности. Она позволяет сделать «разрыв» в детерминации и взять на себя

контроль над течением жизни [197; 198]. На этот же счет В.П.Зинченко лаконично замечает: «Осознание жизни превращает ее в подлинное бытие. Отсутствие осознания оставляет ее всего лишь существованием» [94, с. 35].

Вслед за С.Л.Рубинштейном субъектный подход к личности пропагандирует К.А.Абульханова-Славская, которой принадлежит одна из наиболее влиятельных в современной российской психологии развернутых теорий личности как субъекта жизни [4-8]. К.А.Абульханова-Славская подходит к исследованию личности как субъекта жизнедеятельности, вовлеченного в диалектический процесс общественного воспроизводства, поэтому ее теория претендует скорее на статус философской, нежели конкретно-психологической концепции. Несмотря на высокий категориальный уровень теории, из ее положений с достаточной очевидностью выводятся некоторые психологические характеристики личности как субъекта жизни.

Одной из первых в ряду таких характеристик стоит способность личности к овладению системой жизненных отношений.

232

Освоение и присвоение личностью жизненных отношений определяет субъективирование жизни и личностное саморазвитие. Применяя марксистский принцип воспроизводства, К.А.Абульханова-Славская рассматривает развитие субъекта жизни как личностное становление в единстве с динамикой развития жизненных отношений. «Развитие отношений - это не движение во времени жизни, вдоль жизни, а подъем вверх, к новому качеству ее осуществления, что приводит к глубине личности и к глубине жизни» [7, с. 35]. Уровень развития личности как субъекта жизни проявляется в способности определять и удерживать жизненную траекторию, самоопределяться в жизненных отношениях. На высших уровнях своего развития личность вносит определенность не только в отношения к отдельным событиям жизни, но самоопределяется по отношению к жизни в целом. Следует отметить, что с точки зрения автора жизненные отношения - это бытийные отношения личности к биографическим фактам и жизненному пути в целом, носящие ценностно-смысловой характер и опосредованные диалектикой индивидуальной жизнедеятельности. Жизненные отношения, таким образом, характеризуют онтологическую сторону организации человеческой жизни. В онтическом (психологическом) плане жизненные отношения презентированы как личностные отношения, упорядоченные в жизненную диспозицию. Соотношение жизненных и личностных отношений, жизненной позиции и диспозиции личности проливает свет на диалектику объективных условий и субъекта жизни (объективного и субъективного) [5]. Индивидуальная мера субъектности жизни тем выше, чем активнее личность в овладении и практической реализации жизненных отношений.

По мнению автора, овладение системой жизненных отношений является условием формирования особой личностной логики воспроизводства жизненного пути [5, с. 108-109]. Эта логика называется «субъективной» или «логикой субъекта» и раскрывается на основе тех связей, которыми личность «завязывает» в единый узел разомкнутые события жизненного пути. При этом К.А.Абульханова-Славская подчеркивает, что наводимые личностью связи сосуществуют с объективными причинно-следственными межсобытийными связями, дополняют и могут даже отводить или отклонять каузальные закономерности жизни. «Эти связи замыкает только субъект. Именно его участием события замыкаются во времени, пространстве, причинных связях» [5, с. 119]. Соединяя события по «субъективной логике», личность строит

233

линию жизни, отражающую индивидуальный смысл бытия. Те жизненные обстоятельства, которые не вписываются в смысловую логику, личность купировывает - обходит, перенаправляет или активно изменяет, а те обстоятельства, которые благоприятствуют реализации субъективной логики, личность организует и связывает воедино. Таким образом, личность как субъекта жизни отличает особая «субъективная логика», на

основании которой замыкаются смысловые связи между разрозненными событиями, прочерчивается индивидуальная жизненная линия.

Кроме того, «важнейшей характеристикой личности в качестве субъекта жизнедеятельности выступает знание, чего она хочет, знание своих и объективных возможностей...» [7, с. 36]. Здесь «знание» является синонимом осознанности терминальных и инструментальных оснований жизнедеятельности. В структуре жизненной диспозиции особо подчеркивается уровень осознанности и качество способа интерпретации личностью смысла жизни. На основании индивидуальных различий в уровне осознанности жизненных отношений К.А.Абульханова-Славская проводит раздел двух типов личностного отношения к жизни. Первый тип -нерефлексивное, некритическое отношение, которое подталкивает личность к автоматическому и реактивному воспроизводству жизни, и второй тип - сознательное отношение, которое содействует прерыванию стихийной детерминации жизненного пути личности, терминирует «слепое» существование [5, с. 114].

Помимо осознанности важным фактором жизненной диспозиции личности утверждается деятельная активность, которая позволяет «взломать» жизненную ситуацию не только в сознании, но в действительности. «Среди форм субъективирования важнейшей является деятельное отношение субъекта к действительности, поскольку оно способно изменять объективное соотношение индивида с действительностью» [5, с. 120]. С этой позиции бытие личности в роли субъекта жизни сводится не к осознанию жизненных отношений, но также имплицитно их деятельную перестройку и реализацию. С этой же позиции личности надлежит решать свою жизнь больше как практическую, чем как «теоретическую» задачу. К.А.Абульханова-Славская пишет: «Когда речь идет о жизни как о проблеме, имеется в виде не столько способность индивида к рефлексии, пониманию смысла жизни, постановке более или менее далеких целей... Качества субъекта определяются не по наличию у него способностей, рефлексии, талантов, а по степени реализованности их в действительность» [5,

234

с. 123]. Обобщая вышеизложенное, можно констатировать, что личность как субъект жизни оценивается по уровню осознанности смысла жизни и степени активности по его реализации.

В дальнейшем К.А.Абульханова-Славская пытается «заземлить» положения своей философской теории на эмпирический уровень и проверить ее на материале экспериментальных исследований [3; 6; 8]. В целях интеграции функционально различных механизмов и компонентов субъективной детерминации жизненного пути вводится объединяющее понятие жизненной стратегии. Жизненная стратегия понимается как индивидуальная организация ценностно-смысловой регуляции жизненного пути личности [8, с. 67-68]. Функциональным «ядром» стратегии жизни считается смысл жизни, а основной стратегической проблемой формирования смысла жизни полагается необходимость повышения его нравственно-духовного уровня. По мнению автора, высот стратегического управления жизнью достигает тот человек, которому удастся разорвать связь смысла жизни с эгоцентрическими потребностями и возвысить его до уровня духовных ценностей [8, с. 70]. Оптимальное соотношение общезначимых ценностей и индивидуальных потребностей - признак подлинного субъекта жизни.

Пристальному психологическому анализу исследователь подвергает активность личности как субъекта жизни. Здесь в обновленном и кристаллизованном виде К.А.Абульханова-Славская восстанавливает прежнюю идею о том, что «жизненная позиция предполагает не только наличие субъективных отношений, но и их действительную, практическую реализацию личностью в жизни» [8, с. 45]. В качестве основной типологической характеристики активности личности как субъекта жизни обсуждается ее уровень - высокий или низкий, в зависимости от меры субъектности жизни [8, с. 76-96]. В эмпирических исследованиях, проведенных под руководством К.А.Абульхановой-

Славской, наибольшее внимание отдается активности личности в сфере организации времени жизни. Установлено, что для рационального расходования времени жизни, что весьма присуще личности как субъекту жизни, необходима высокая степень иерархизации ценностно-смысловых отношений, которые составляют смысл жизни. Иерархия мотивов экстраполируется на структуру психологического времени личности в «горизонтальной» развертке: очередность реализации каждого из мотивов во времени жизни зависит от соответствующего ранга в иерархии [8, с. 133]. Кроме того, выяснилось, что оптимальной формой представленное™ смысла жизни в конти-

235
нууме психологического времени личности как субъекта жизни является временная перспектива и транспектива. Временная транс-пектива была исследована В.И.Ковалевым как личностная способность к ценностно-временной интеграции жизненного пути [112]. Таким образом, в контексте философско-психологической теории К.А.Абульхановой-Славской личность как субъекта жизни квалифицируют следующие признаки: высокий уровень развития ценностно-смысловой регуляции жизненного пути; ориентация в управлении жизнью на субъективную логику, связанную со смысловыми связями биографических фактов; осознанность и активность реализации смысла жизни; иерархическая организация главных жизненных отношений в структуре смысла жизни; большая общественная значимость ценностей в структуре смысла жизни; транспективное распределение смысла во времени жизни. Интегральным свойством личности как субъекта жизни является жизненная позиция, которая раскрывается как совокупность внутренних отношений к отдельным жизненным обстоятельствам и жизненному пути в целом [5; 8; 46]. Подчеркивается, что критериям субъектного способа жизни удовлетворяет активная жизненная позиция, которая подразумевает активное, осознанное и ответственное вмешательство личности в ход жизненного пути.

В недрах рефлексивно-гуманистической психологии сотворчества также вырелась оригинальная концепция личности как субъекта жизни. В рамках данного подхода универсальным механизмом осмысления и творения личностью собственного жизненного пути считается рефлексия. «Именно она позволяет человеку стать творцом собственной неповторимой судьбы, а, возможно, и творцом в более широком социокультурном контексте» [62, с. 6]. Однако рефлексией субъектность жизни не ограничивается, поскольку рефлексия не сообщает человеческому бытию систему смысловых ориентиров. В этой связи актуализируется проблема смыслового потенциала личности как субъекта жинетворчества. В исследовании А.С.Сухорукова выявлено, что субъектная творческая стратегия осуществления жизни во многом обусловлена потенциальными смыслами - смысловыми образованиями личности, сгущающими в себе ее психологическое будущее, предощаваемые, но неочевидные линии жизни. В анализируемом исследовании также найдена связь между интенсивностью жинетворчества и структурой психологического времени личности. Согласно результатам исследования, восприятие текущего жизненного периода как протяженного и уходящего в далекое будущее интен-

236
сифицирует процессы жинетворчества, амплифицирует способность личности быть субъектом жизни [211].

Представление о личности как субъекте жизни существенно расширяется и обогащается в развиваемом Л.И.Анцыферовой динамическом подходе. С позиций этого концептуального подхода формой существования личности является не структурно-агрегатное состояние, а непрекращающийся процесс ее формирования и функционирования в контексте динамической иерархии разнообразных видов деятельности. Изменчивость личности всегда соподчинена с динамизмом форм деятельного отношения к миру, с «диахронической ее жизненных отношений» [23]. Ключевой идеей динамического подхода является утверждение личности «автором ее собственных изменений, преобразований и форм развития», в том числе и субъектом жизненных событий, поскольку личность «свободна в

определении их места в своей жизни, в наделении их значимостью, в санкционировании производных от событий самоизменений» [23, с. 8]. Это открывает плоскость анализа личности в ракурсе индивидуального жизненного пути как субъекта конструирования и распоряжения жизненными отношениями.

Динамический подход включает положение «об изначальной направленности, телеономичности», лежащей в основе жизнедеятельности личности [23, с. 9]. Телеономичность проявляется в стремлении личности осуществить жизненные цели и смысл жизни, в своеобразной «воле к будущему», в том, что личность в отношении своих действий задается вопросом о будущих целях и смыслах «Ради чего?», а не каузальным вопросом «Почему?». «Будущее существует в личности как направленность ее развития и переживается человеком в виде страстного стремления к своим целям и идеалам...» [21, с. 4]. Оптимальный режим развития и самореализации личности как субъекта жизни задается целой композицией внешних и внутренних факторов, среди которых наибольшее значение имеют: сформированность предельных смысловых инстанций, мотивирующий жизненный путь личности в целом [24]; наполненность смысла жизни нравственными и духовными ценностями, сочетание его «личной притягательности с общественной полезностью» [21; 23]; ориентация личности при обосновании линии своей жизни на собственную логику - «логику индивидуальности», связанную со смыслом жизни, жизненными ценностями и целями [23]; глубокая осмысленность отдельных событий и поступков личности, возникающая в результате проецирования смыслового будущего на настоящее [21; 22]; осознан-

237

ность смысла жизни, которая помогает личности «свою неопределенную тягу к будущему оформлять в виде целей, далеких и близких, образующих смысл этапов своей жизни, намечать планы и программы достижения целей, строить в соответствии с ними свои действия, оценивать жизненные события, требующие изменения поведения» [23, с. 10]; высокий уровень активности в достижении поставленных целей и избранных смыслов жизни [22]; большой временной масштаб и перспективность смысла жизни [21], а также способность синтезировать прошлое и настоящее с будущим на основе потенциального смысла жизни [22].

Учениками и сотрудниками Л.И.Анцыферовой на обширном эмпирическом материале прояснены и детализированы концептуальные положения динамического подхода в области изучения личности как субъекта жизни. В частности, показано, что конструктивный способ жизнедеятельности коррелирует с хорошим пониманием личностью самой себя, своих инструментальных и терминальных качеств, в числе которых состоит и смысл жизни [Чеснокова, 1982, 1988], с высоким уровнем активности в сфере реализации личностно значимых мотивов, образующих смысл жизни [220], с умением личности интегрировать зону актуальной мотивации и мотивации потенциальной, берущей исток в смысле жизни и жизненных целях [27]. Кроме того, установлена связь между успешностью реализации жизненного пути и протяженностью смысловых связей между событиями прошлого, настоящего и будущего [126]. Выяснилось, что преобразующую стратегию жизни заметно облегчает «динамическая» картина жизни, стягивающая в настоящем смысловые связи событий прошлого и будущего [127]. Напротив, смысловая разорванность субъективной картины снижает уровень осмысленности жизни, приводит к обесцениванию прошлого и сосредоточению личности на настоящем, закрывает смысловое будущее [34]. Раскрыта взаимозависимость между успешной организацией личностью своего жизненного пути в профессиональной сфере и адекватностью понимания биографического призвания, укорененного в смысле жизни [174]. Также исследовано фасилитирующее воздействие смысла жизни и жизненных ценностей на процессы принятия жизненно важных решений [124]. Оказалось, что наиболее продуктивно жизненный путь создается личностью в том случае, когда в своих жизненных выборах она руководствуется смыслом жизни и ценностными критериями, а

не критериями социальной желательности, имитацией чужих решений, требованиями ситуации и спонтанно всплываю-

238

щими желаниями. Успешность профессионального самоопределения и карьеры также возрастает тогда, когда личность пытается рационализировать смысл жизни вместо того, чтобы следовать чужим советам, подражать образцам и уступать формальным правилам [174]. Изучена связь субъектности жизни с личностными особенностями постановки и достижения жизненных целей: чем более обдуманно являются жизненные цели, тем выше вероятность их воплощения; импульсивность при постановке и недостаточная осознанность мотивационных оснований цели дистанцирует личность от ее практической реализации [229].

Таким образом, в русле динамического подхода к личности очерчен набор критериев личности как субъекта жизни. Обобщая наработки динамического подхода, можно утверждать, что личность как субъект жизни дифференцируется следующими особенностями: телеологической ориентацией активности, подчинением жизнедеятельности особой логике смысла, развитой рефлексией смысла жизни, высоким нравственно-духовным потенциалом содержания смысла жизни, высоким уровнем осмысленности жизни и отдельных жизненных событий, активностью в сфере полагания и достижения жизненных целей, сбалансированным распределением смысла жизни во времени жизни с его приоритетной фиксацией на будущем. В целом с точки зрения динамического подхода субъектность жизни рассматривается как способность к «постановке человеком перед собой все более и более далеких задач, становящихся смыслом жизни индивида. Подобные задачи, нередко выходящие за пределы жизни человека, - важнейшая детерминанта жизненного пути личности и его временной организации» [21, с. 17-18].

Существенный вклад в разработку проблемы субъекта жизни вносят исследования А.Н.Леонтьева и его научной школы, выдержанные в русле системно-деятельностного и смыслового подхода к личности. Принципиальным методологическим моментом данного подхода является не только раскрытие психологической сущности личности как опосредованной системой деятельности в мире, но также как «сплавленной» из смыслов, которые отражают выражаемые деятельностью отношения индивида к миру. Личность фигурирует как «функциональный орган», обеспечивающий ориентировку, овладение и управление этими жизненными отношениями и, в субстанциональном плане, как связанная система личностных смыслов [133, с. 212]. Бытийную основу личности, по мнению А.Н.Леонтьева, составляют реально практикуемые виды

239

деятельности, из которых к тому же сплетается индивидуальная жизнь. В этой связи исследователь не переставал указывать, что «смысл порождается не значением, а жизнью» [133, с. 279]. Собственно личностное поведение А.Н.Леонтьев мыслил как подчиненную смыслам активность в мире. В этом контексте он употребил понятие смысловых связей, которыми направляется и упорядочивается взаимодействие субъекта с жизненным миром. «Смысловые связи - это те связи, которые не осуществляют деятельность, а осуществляются ею. Процесс их образования и есть тот чрезвычайный процесс, в результате которого возникает психологическое содержание поведения» [138, с. 101]. Смысловые связи в контексте учения А.Н.Леонтьева характеризуются двойной онтологией: в объективном аспекте - это реальные жизненные отношения, в субъективном аспекте - это «отслоенные» от объективных отношений, существующих в плоскости жизненного мира, смысловые структуры внутреннего мира личности. При таком подходе «смысл выступает в сознании человека как то, что непосредственно отражает и несет в себе его собственные жизненные отношения» [133, с. 278].

Вообще понятие субъекта жизни в деятельностном подходе возникло не случайно, а с тем, чтобы подчеркнуть зависимость процессов жизни от самого человека и отстранить иллюзию бессубъектного существования. Перефразируя давний афоризм о том, что

мыслит не мышление, а субъект, А.Н.Леонтьев проводит аналогию, говоря о жизни как процессе утверждения и реализации личности в поле жизненных отношений. «Само понятие жизни имплицитно, то есть включает в себя необходимым образом понятие субъекта жизни» [137, с. 490]. Разбирая проблему личности в генетическом аспекте как процесс формирования связной системы смыслов и мотивов, А.Н.Леонтьев непосредственно затронул экзистенциальное измерение личностного бытия. С его точки зрения, в онтогенезе метаморфозы личности связаны с обогащением мотивационно-смысловой системы и перерастанием уровня операционально-технических возможностей индивида, а также ломкой его социальной ситуации развития. Путь формирования личности в ее подлинной психологической сущности объем-лет следующая формула: «от «действовать, чтобы поддерживать свою жизнь» до «жить для того, чтобы делать дело своей жизни» [137, с. 502]. Переломной вехой психического развития является рождение «сознательной личности», с появлением которой кардинально перестраивается ситуация формирования личности. Это

240

событие раскалывает индивидуальный жизненный путь на две фазы - «период подготовки» и «период развития» [133, с. 215]. В этой новой ситуации в значительной степени упраздняется зависимость личности от внешней детерминации и усиливается ее способность к самодетерминации и саморазвитию. Суть психологического преобразования личности заключается в том, что она трансформируется в субъекта жизни. А.Н.Леонтьев отмечает, что если раньше личность была «продуктом биографии» и преимущественно «объектом отношений», то на новом витке развития она превращается в субъекта жизненных отношений, «вступает в отношение к своему прошлому» [133, с. 215, 217]. Переход к самодетерминации осуществляет переворот в судьбе личности: «переход, знаменующий собой подлинное рождение личности, выступает как событие, изменяющее ход всего последующего психического развития» [133, с. 212 - 213]. На этом этапе развития переоценка прошлого позволяет личности разжать «тиски» линейного детерминизма, по метафорическому выражению А.Н.Леонтьева, «сбросить груз собственной биографии» [133, с. 216-217]. Вообще с момента становления субъектом жизни личности приходится на каждом новом этапе жизненного пути «от чего-то освободиться, что-то утверждать в себе, и все это нужно делать, а не только «подвергаться влияниям среды» [133, с. 216].

Процесс формирования личности как субъекта жизни А.Н.Леонтьев конкретно видел в так называемом «вертикальном движении сознания», в результате которого субординируется сфера смыслов и на ее вершину водворяется главный жизненный мотив-цель. Этот жизненный мотив-цель сознательно или безотчетно воспринимается личностью как побудитель индивидуального жизненного пути, как смысл всей жизни. При этом необходимым фактором является осознанность всей мотивационной иерархии, что выпукло характеризует «сознательную личность», способную активно реструктурировать и соподчинять свои жизненные отношения. Жизненный мотив-цель не открывается сознанию субъекта в готовом виде. Для его осознания субъекту необходимо проделать интеллектуальную работу по кларификации своих жизненных мотивов и смыслов. Задачу на раскрытие жизненного смысла А.Н.Леонтьев обозначает как «задачу на смысл» или «задачу на осознание». Согласно его воззрениям, задача на смысл решается субъектом в опоре на эмоциональную сигнализацию смысла в узловых точках жизненного пути. Неизвестное «задачи на смысл» составляет вопрос: «Что данное событие представляет собой не

241

объективно, то есть в своем объективном значении, а что оно для субъекта, для утверждения его жизни или, что то же самое, для утверждения его, субъекта в жизни?» [137, с. 474].

Однако посредством осознания реальное присвоение и изменение субъектом жизненных

отношений не осуществимо, равно как не возможно избавление субъекта от господствующего прошлого. «Не следует только думать, что перевороты в прошлом личности производятся сознанием, сознание не производит, а опосредствует их; производятся же они действиями субъекта, иногда даже внешними - разрывом прежних отношений, переменой профессии, практическим вхождением в новые обстоятельства» [133, с. 217]. В этой связи личность как субъекта жизни отличает не только сознательность, но и достаточный уровень активности в реализации жизненного мотива-цели. Примечательно, что А.Н.Леонтьев приписывает личности как субъекту жизни широкую временную перспективу и нравственное содержание главного жизненного мотива. Идеалом личности А.Н.Леонтьев полагал человека, у которого главный мотив-цель возвышается до истинно человеческих ценностей, сливает его жизнь с жизнью других людей и их благом. «Чем более открывается для личности общество, тем более наполненным становится его внутренний мир» [133, с. 214]. Определяя роль временной перспективы в развитии личности, А.Н.Леонтьев ссылается на пример перевоспитания юных правонарушителей в системе А.С.Макаренки. С этой позиции для формирования личности как субъекта активного отношения к своему прошлому и жизни в целом немаловажное значение играет раздвижение временных горизонтов жизнедеятельности до далеких будущих перспектив. «Человек вообще - весь в будущем» [137, с. 494].

В концепции А.Н.Леонтьева дифференцируются параметры типологического анализа личности как системы субъективно превращенных жизненных отношений, и проясняется значение возможных вариаций по этим параметрам для нормального личностного бытия. Анализируя текст А.Н.Леонтьева, можно заключить, что оптимальной конфигурацией психологического склада личности является широта жизненных отношений при условии высокого уровня их иерархизации и структурирования. Напротив, узость, слабая иерархизация и структурированность жизненных отношений тормозят становление личности субъектом жизни, ведут к драматическим развязкам в ее судьбе. На высших уровнях развития в роли субъекта жизни «личность... перестает казаться ре-

242

зультатом прямого наслаивания внешних влияний; она выступает как то, что человек делает из себя, утверждая свою человеческую жизнь» [133, с. 224].

Глубокое содержание общих методологических и теоретических положений учения А.Н.Леонтьева создало простор для конкретизации значимых характеристик личности как субъекта жизни. Воплощением идеи А.Н.Леонтьева о смысловых связях как психологическом содержании личностной активности стало введенное Б.С.Братусем «межпредметное» понимание смысла. «Межпредметность» расшифровывается как такое свойство смысла, которое указывает на форму его существования на уровне жизненного мира. В онтологическом плане смысл предстает как система смысловых связей, «окутывающих» значимые объекты и явления жизненного мира, события и ситуации жизненного пути, а не как их «предметное» свойство, осевшее на фиксированном носителе [53; 54]. В частности, про смысл жизни Б.С.Братусь пишет, что «не сами по себе как таковые дети, счастье будущих поколений или прогресс науки являются смыслами жизни, а те многочисленные и сложные связи, принципы, соотношения, которые порождаются этими мотивами и образуют связную систему смыслов» [50, с. 25]. Аналогичной точки зрения придерживается Д.А.Леонтьев, который онтологию смысла рассматривает как онтологию смысловых связей между объектами и явлениями жизненного мира личности. Конкретный предметно-содержательный смысл «циркулирует» по смысловым связям, «дрейфует» от одного предметного носителя к другому [144]. С этой точки зрения активность личности как субъекта жизни подчиняется смысловым связям, а жизненный путь - является траекторией избирательной актуализации одних смысловых связей и дезактуализации отклоненных смысловых альтернатив [30]. Таким образом, в рамках системно-деятельностного и смыслового подхода исследование личности в качестве субъекта жизни подразумевает «исследование жизненного пути

личности, т.е. истории смыслового построения жизненного мира и его развития, изучение формирования и развертывания различных деятельностей, посредством которых реализуются жизненные смыслы и ценности личности, где единицей анализа является «жизненное событие» или, точнее, смысловые связи между жизненными событиями» [55, с. 33]. Для данного подхода характерно также то, что детерминация активности личности смысловыми связями возводится в ранг особого регуляторного принципа. В этой связи речь идет о самобытной

243

регуляторной «логике индивидуальности» [30; 31], «смысловой логике» [46; 54] или «логике жизненной необходимости» [144], присущей личности как созидателю жизненного мира и жизненного пути.

В научной школе А.Н.Леонтьева по достоинству оценен тезис о том, что психологический анализ не исчерпывается изучением только лишь феноменологии, динамических закономерностей и механизмов движения сферы смыслов. Представления о содержании смысловой сферы углубляет концепция «смысловой вертикали» или концепция уровней смысловых образований личности [46; 50; 54]. С привлечением теоретического потенциала данной концепции Б.С.Братусь предлагает решение проблемы нормального и аномального пути личностного развития. Аномальный путь личностного развития он усматривает в первую очередь в обесмысливании жизни, которое имеет место при разобщении человека и социального окружения, при сшибке индивидуального и общечеловеческих смыслов жизни. Аномализация личности сопровождается угасанием стремления к обретению смысла жизни, блокадой потребности в позитивной свободе, боязнью личной ответственности за судьбу, отрешенностью от общечеловеческих ценностей, пассивностью. В целом аномальный путь развития оборачивается неспособностью личности к жизнетворчеству, проектированию своего будущего, подчинением жизненного пути внешним обстоятельствам и причинно-следственной реактивной детерминации [46, с. 51]. Нормальный путь развития, напротив, закономерно ведет к нарастанию способности личности быть субъектом жизни, что проявляется в повышении уровня осмысленности жизни, усилении ответственности личности за свою судьбу, ориентацией на будущее и смысловые регуляторы жизненного пути, активизации свободного и деятельного отношения к жизни [46, с. 50]. В более поздних работах Б.С.Братусь высказал общее предположение, что расстроенное личностное развитие наблюдается при тотальном умалении роли смысла жизни и смысловой регуляции в детерминации жизненного пути человека [52]. В содержательном плане деградация личности коррелирует с «уплощением» ее смысловой сферы. При этом происходит сползание личности с просоциального на эгоцентрический уровень смысловых образований, атрофия бытийных смыслов жизни. Наоборот, конструктивный личностный рост связан с подъемом на более высокие уровни «смысловой вертикали», с которых человеку открывается панорама общечеловеческих ценностей и смыс-

244

лов жизни. «Стать личностью - значит, во-первых, занять определенную жизненную, прежде всего межличностную нравственную, позицию; во-вторых, в достаточной мере осознавать ее и нести за нее ответственность; в-третьих, утверждать ее своими поступками, делами, всей своей жизнью» [46, с. 59].

Рассматривая концепцию личности как субъекта жизнедеятельности, нельзя не упомянуть деятельностную концепцию переживания [64]. С точки зрения Ф.Е.Васильюка, активность личности по отношению к собственному жизненному пути может разворачиваться не только во внешнем плане практического преобразования ситуации, но также во внутреннем плане как деятельность переживания данной ситуации. Деятельность переживания активизируется в тех ситуациях, перед которыми бессильны даже самая умелая деятельность и самое оснащенное психическое отражение [64, с. 23]. Такие ситуации разлагают осмысленность бытия, забирают у жизни ее смысл в силу того, что являются

ситуациями невозможности реализации жизненной необходимости субъекта. В этом случае для ликвидации диссонанса между жизненной необходимостью субъекта и непреодолимой жизненной ситуацией запускается рефлексивная деятельность, «мишенью» которой выступают смысловые структуры личности. «Переживание понимается нами как особая деятельность, особая работа по перестройке психологического мира, направленная на установление смыслового соответствия между сознанием и бытием, общей целью которой является повышение осмысленности жизни» [64, с. 30]. Невозможность совладать с ситуацией в плане психического отражения и предметной деятельности компенсируется переделкой смысловых структур личности. По мысли Ф.Е.Василюка, конечная цель переживания - вернуть индивидуальной жизни субъекта осмысленность, восстановить бытийную возможность реализации смысла жизни. Здесь перед личностью встает несколько иной тип задачи, нежели задача на осознание смысла в традиционном ее понимании. Это задача на порождение и строительство нового смысла жизни, «толерантного» в отношении критической жизненной ситуации. Конструируемый в процессе переживания смысл жизни должен обеспечивать субъекту смысловое принятие и высокий уровень осмысленности бытия. В концепции Ф.Е.Василюка личность как субъект жизни характеризуется активностью по реализации смысла жизни, рефлексивной активностью по переработке жизненных ситуаций и смысла жизни, высокой осмысленностью жизни. Кста-

245

ти отметить, что Ф.Е.Василюк также ставит перед личностью как субъектом жизни задачу согласования времен. По его мнению, она «решается проекцией в психологическое настоящее разнородных «содержательно-временных рядов» отдельных жизненных отношений и многочисленных перспектив и горизонтов прошлого и будущего» [64, с. 144]. В результате оформляется транспективный жизненный замысел как отражение смысла жизни с поправкой на временной график его реализации [64, с. 147].

Таким образом, с точки зрения системно-деятельностного и смыслового подхода личность как субъект жизни определяется развитой смысловой регуляцией и своеобразной смысловой логикой управления жизнедеятельностью, которая базируется на смысловых связях между событиями жизненного пути; высоким уровнем общей осмысленности жизни; осознанием жизненной позиции как системы принятых смыслов жизни; активностью в реализации смысла жизни; широтой, иерархичностью и структурированностью смысла жизни; просоциальным содержанием смысла жизни и устремленностью в будущее.

Российскими психологами были высказаны теоретические положения, имеющие прямое отношение к концепции личности как субъекта жизни. И хотя эти положения не были развернуты в целостную концепцию и являются мозаичными, их невозможно обойти. Так, по мнению Б.Г.Ананьева, индивидуальный жизненный путь является результатом констелляции социальных детерминант и преобразующей активности личности. «Жизненный путь личности - это история формирования и развития личности в определенном обществе, современника определенной эпохи и сверстника определенного поколения. Вместе с тем фазы жизненного пути датируются историческими событиями, сменой способов воспитания, изменениями образа жизни и системы отношений, суммой ценностей и жизненной программой - целями и смыслом жизни, которыми данная личность владеет» [16, с. 63]. Личность как творца собственного жизненного пути выделяет высокий уровень активности в «экстериоризации» ценностей, смысла жизни и других структур внутреннего мира. «Одним из важных индикаторов человеческой индивидуальности является активность созидательной, творческой деятельности человека» [16, с. 172]. Психобиографические исследования творческой самореализации личности подтверждают проницательное предсказание Б.Г.Ананьева о том, что личность как субъект жизни отличается мощным мотивацион-ным потенциалом смысла жизни (широта, разносторонность, со-

держательное богатство) и высоким уровнем жизненной, в том числе творческой активности [194].

Эти исходные идеи были восприняты Н.А.Логиновой при разработке психологической концепции жизненного пути. Общую систему регуляции жизненного пути личности Н.А.Логинова делит на две подструктуры - объективную и субъективную регуляцию [149-151]. Соотношение субъективных и объективных регуляторов - ключевая проблема психологии жизненного пути, поскольку ее решение ведет к определению роли личности в своем развитии. Объективная регуляция трактуется как детерминация жизненного пути личности индивидуальным онтогенезом и социальными факторами. Объективная регуляция жизненного пути онтогенетическими и общественными факторами не аннулируется и в том случае, когда личность становится субъектом в полной мере. Более того, возможность субъективирования жизненного пути обусловлена длительным «подготовительным этапом» развития личности как объекта социальных воздействий и психофизиологического созревания.

Универсальной является формула о том, что субъектом жизни личность является в той мере, в какой она «организует и направляет события жизненного пути, строит собственную среду развития, избирательно относится к тем событиям, которые не зависят от ее воли» [150, с. 104-105]. Субъективная регуляция жизненного пути является прерогативой личности как субъекта жизни и включает те психологические структуры внутреннего мира, которые отвечают за общую жизненную направленность -жизненный опыт, талант, смысл жизни и др. Соотношение объективной и субъективной регуляции жизненного пути является индивидуально-биографической характеристикой личности. В том случае, когда жизненным путем полностью правят внешние факторы, жизнь дегуманизируется и автоматизируется, а личность выступает в качестве заложника судьбы. В противном случае, когда личности удается «обуздать» внешние детерминанты и захватить инициативу в свои руки, жизнь-автоматизм переходит в житнетворчество.

Наиболее существенной особенностью личности как субъекта жизни Н.А.Логинова полагает высокий уровень активности по опредмечиванию смысла жизни и производных от него внутренних образований. Считается, что активность личности «квантуется» на единичные акты воздействия на жизненный путь - биографические события - поступки [151]. Но автор не упускает

важный нюанс, касающийся содержания смысла жизни личности как субъекта жизни: обязательным условием нормального личностного развития является общественно-историческая полезность смысла жизни [150, с. 105]. Н.А.Логинова также делает ставку на интеллект и, в частности, на рефлексивность как средство решения жизненных задач и в первую очередь задачи на смысл жизни. «Процессы мышления участвуют в решении жизненных, нравственных задач, предполагающих совершение выбора, построение стратегии поведения... Определение линии поведения или даже линии всей жизни - творческая задача, адресованная в большой мере интеллекту» [150, с. 106-107]. Концепция жизненного пути Н.А.Логиновой впитала идею Б.Г.Ананьева о том, что рефлексивные черты характера наиболее интимно связаны с целями жизни и ее смыслом, ценностными ориентациями и мировоззрением [18, с. 314]. Таким образом, подразумевается, что личность как субъект жизни обладает осознанным представлением о смысле своей жизни, демонстрирует высокий уровень активности по «материализации» смысла в линии жизни, а собственно смысл жизни сосредоточен на общественно полезных ценностях.

В психологической литературе наличествуют попытки провести параллель между личностной зрелостью и субъектностью жизни. Одна из наиболее удачных попыток принадлежит П.М.Якобсону, который обосновывает систему критериев и компонентов личностной зрелости [251]. Интегральным критерием личностной зрелости является способность к самодетерминации и самовоспитанию, на основании которой личность

выстраивает неповторимый жизненный путь и вплетает его в исторический путь развития общества. П.М.Якобсон вводит ряд сопутствующих этой способности компонентов зрелой личности: широта и иерархичность мотивов, из которых скомпонован личностный смысл жизни, сознательность их реализации, исполненность заботой об окружающих и стремление преумножать человеческую культуру, высокая интеллектуальная активность в области жизненных проблем, озабоченность судьбой общего дела. «Полноценно развитая зрелая личность характеризуется хорошо интегрированной, цельной психологической организацией, единство которой обеспечивается единством изменяющихся и развивающихся, но достаточно значительных жизненных целей. Они наполняют смыслом жизнь человека и осознаются им не просто как личностно значимые, но и как объективно значительные, общественно важные» [252, с. 190]. Напротив, инфантилизация набирает силу тог-

248

да, когда личность утрачивает контроль над собственным развитием. По мысли П.М.Якобсона, это случается, если личность не имеет четких ориентиров и принципов в жизни, ее интересы разбросаны и эгоистичны, она податлива соблазну «легкой жизни» и приуменьшает роль будущего в своем развитии [252, с. 189-190]. Легко заметить, что содержание критериев личностной зрелости перекликается с содержательными характеристиками личности как субъекта жизни. Наибольшее сходство между зрелой личностью, в понимании П.М.Якобсона, и субъектом жизни прослеживается по таким параметрам, как широта, иерархичность, осознанность и социализированность смысла жизни, мобильность и высокий уровень жизненной активности личности, а также смысловая устремленность ее жизнедеятельности в будущее.

На стержневые компоненты психологического устройства зрелой личности отлично накладываются параметры смысла жизни, характерные для людей достигших личностного акме [42; 43]. Личность, взошедшая на уровень акме, уподобляется здесь субъекту жизни. «Проявляя редкое умение одновременно и пребывать в потоке жизни, и быть вне его, не увязать в собственных переживаниях, а, поняв их причины, оказаться над ними, они демонстрируют в каждой возникающей на их жизненном пути ситуации способность находить оптимальное решение и умение его осуществлять» [42, с. 33]. Смысл жизни таких людей квалифицируется связью с общечеловеческими ценностями, большим временным размахом, конкретизацией в иерархии жизненных целей, уклоном в будущее. Прогресс развития личности, по идее А.А.Бо-далева, объективно отражается в усиливающейся управляемости ее жизни. Прогресс развития, в частности, означает: а) проникновение в мотивационную сферу человека бытийных ценностей; б) формирование интеллектуальных способностей к планированию жизненного пути и полаганию жизненных целей на базе этих ценностей; в) подъем уровня активности в практическом воплощении этих ценностей; г) объективизацию индивидуального образа Я и концепции жизни [42, с. 36-37]. Достоверной акмеологической закономерностью развития личности можно считать трансценденцию личностного смысла жизни. Эта закономерность понимается как выход личности из полной поглощенности своими приватными проблемами навстречу ценностям и смыслам жизни, значимым для сохранения и эволюции общества. Психологическим признаком самотрансценденции личности является наполненность смысла ее жизни гуманистическим содержанием [185, с. 32-36].

249

Интересные идеи о личности как субъекте собственного жизненного пути развивает М.Р.Гинзбург в смысловой концепции личностного самоопределения [77; 78]. Он опирается на философское положение о двойственности природы человека и о родовой специфичности смысловой регуляции человеческого бытия. Концепция личностного самоопределения проникнута пафосом философских представлений о личности как субъекте решения жизненно важных противоречий между пространственно-временным («горизонтальным») и ценностно-смысловым («вертикальным») измерениями бытия.

«Природа человека двойственна, и его жизнь разворачивается одновременно в двух плоскостях - ценностно-смысловой и пространственно-временной. Для человека пространственно-временная плоскость является полем реального действо-вания (актуального и потенциального), а ценностно-смысловая плоскость - полем ценностей и смыслов» [78, с. 47]. Поскольку природа человека двоится, то его жизнь детерминирована двояко - полем ценностей и смыслов и полем объективных пространственно-временных закономерностей жизненного пути. Личностное самоопределение является закономерным для определенного этапа развития личности переходом от объективной к субъектной детерминации жизненного пути. По М.Р.Гинзбургу, личностное самоопределение - это конструирование человеком своего жизненного поля, включающего в себя как совокупность индивидуальных смыслов, так и пространство реального действо-вания. Первым параметром личностного самоопределения выступает ценностная насыщенность - разряженность внутреннего мира и жизни человека. «Субъективно успешное самоопределение характеризуется переживанием осмысленности собственной жизни, а неуспешное - переживанием ее бессмысленности» [78, с. 48]. Здесь важна не только объективная насыщенность жизни смыслом, но также осознание этого смысла. «Размышления о смысле жизни являются существенной характеристикой формирующегося самоопределения» [78, с. 48]. Прогресс личности в поисках смысла жизни отображается вторым параметром личностного самоопределения - наличием или отсутствием экзистенциальной ориентации в сознании личности. Следующий параметр успешности личностного самоопределения завязан на процесс самореализации. На негативном полюсе этого параметра оказывается узость сфер, пассивность и репродуктивность самореализации, а на позитивном - широта сфер, активность и творческий характер самореализации личности. Наконец, для ус-

250

пешности личностного самоопределения небезразличным фактором является смысловая плотность психологического времени личности. Личностное самоопределение считается продуктивным тогда, когда наблюдается валоризация будущей временной перспективы [78, с. 50-51].

Таким образом, в концепции М.Р.Гинзбурга центральной характеристикой личности как субъекта жизни является успешность самоопределения в смысловом поле жизненного пути. Успешность личностного самоопределения коррелирует с доминированием смысловой регуляции, высокой осмысленностью жизни, осознанием смысла жизни и ценностно нагруженной временной перспективой.

Выявлению важных регуляторных особенностей личности как субъекта жизни всемерно способствует практика психологической помощи лицам, которые испытывают экзистенциальные трудности. Ценный опыт психологического воздействия на смысл жизни пациентов, страдающих нарушениями речевой функции, аккумулирован в логотерапии Ю.Б.Некрасовой и Н.Л.Карповой. Существенные подвижки в лечении таких пациентов отмечались в том случае, если параллельно с терапией основного расстройства прорабатывалось содержание смысла жизни. Активность личности как субъекта жизни и субъекта совладания с речевым недугом резко возростала при трансформации индивидуалистических смыслов жизни в коллективистические и просоциальные [165]. Дополнительным фактором успешного излечения, компенсации и реабилитации больных явилось углубление понимания смысла жизни и рефлексия на свой жизненный путь [108], а также строительство смысла жизни «по векторам» широты, структурированности и субординации [109].

В современной психологической литературе имеются попытки целостного осмысления и синтеза различных подходов к психотерапии, центрированной на смысле жизни [205]. Вычленяются общие цели психологического воздействия на смысл жизни в различных школах и направлениях психотерапии и психокоррекции: повышение осмысленности жизни, активизация, расторможение творческой активности личности в сфере реализации

жизненных ценностей и смыслов, интенсификация процессов рефлексии смысла жизни, уплотнение просоциального содержания смысла жизни. Реконструкция, достраивание смыслового будущего, о котором ранее не подозревал пациент, или «футурирование» также является одной из наиболее плодотворных линий воздействия на смысл

251

жизни [205, с. 92]. В конечном итоге базисной целью психотерапии является возвращение человеку способности организовывать свою жизнь в соответствии с ее неповторимым смыслом.

В некоторых исследованиях активность личности как субъекта жизни ассоциируется с функциями целеполагания, планирования, программирования жизненного пути. В результате этих процессов личность не только антиципирует будущие события и этапы жизни, но также выстраивает систему смысловых образований, необходимых для практической реализации смысла жизни. Эти смысловые образования «вплавлены» в жизненные цели, задачи, планы и программы, которые, с одной стороны, являются субъективными образами реального жизненного пути, а с другой, - смысловыми структурами, несущими элементы смысла жизни. На тесную психологическую связь смысловой регуляции жизненного пути и отмеченных целевых образований указывает К.А.Абульхано-ва-Славская: «Активность личности, выявленная в масштабах всей жизнедеятельности, позволяет понять ее субъективные - и сознательные, и деятельные - формы активности, обобщения своей жизни; личность устанавливает смысловые связи между отдельными задачами, делами, ситуациями. Создаваемая личностью, достигшей зрелости, программа всей жизни, включающая жизненные цели, планы, перспективы, жизненное мировоззрение, есть открытие смысла жизни» [4, с. 40-41]. В исследованиях целевых образований, регулирующих жизнедеятельность личности, чаще всего упоминаются жизненные планы [16; 77; 78; 80; 240], жизненные цели [113; 114; 156; 229], жизненная программа [202], жизненные ориентации [213], образ желаемого будущего [166].

Необходимость личности как субъекта жизни в промежуточных целевых структурах обоснована тем обстоятельством, что устойчивые смысловые образования сами по себе не могут быть претворены в жизнь: они «нуждаются» в «проводниках», ме-дирующих смысловую регуляцию в разнообразных жизненных ситуациях. Включение жизненных целей, планов, программ в контур смысловой регуляции жизненного пути личности необходимо в связи с различием обобщенных и устойчивых смысловых образований и производных от них целе-смысловых структур - ситуативных и конкретных. В смысловой регуляции жизненного пути действует универсальная закономерность: «Будучи внеситуативными, устойчивые мотивационные образования приобретают способность побуждать конкретное действие лишь посредством порождения мотивационных образований второго типа» [172, с. 31].

252

Несмотря на большое разнообразие целевых структур, все они легко упорядочиваются в единую систему смысловой регуляции жизненного пути. «Ядром» этой системы выступает смысл жизни, который смыслообразует целевые образования и делегирует им побудительную силу. В литературе специально подчеркивается про-изводность от смысла жизни жизненных целей, образов желаемого будущего, жизненных планов и программ. Например, И.О.Мартынюк считает, что «будучи направленными на такой всеобщий конечный результат, как «благо», «счастье» и т.п., жизненные цели личности неразрывно связаны со смыслом жизни. Однако отождествление данных понятий было бы неправомерным, так как жизненные цели являются лишь одним из способов осознания смысло-жизненной проблемы» [156, с. 16]. Смысл жизни является наиболее устойчивой и транситуативной структурой смысловой регуляции жизненного пути личности, в то время как производные от него целевые структуры распространяют свою регуляторную силу на дискретные этапы, события и ситуации жизнедеятельности, но не на жизненный

путь в целом. В совокупности смысл жизни и целевые образования формируют внутренний план жизнедеятельности, в котором хорошо дифференцируются содержательная и инструментальные стороны. Содержательная сторона представлена собственно смыслом жизни, а также жизненными целями и задачами, намечающими образы потребного и должного жизненного пути. Инструментальная сторона комплексирует жизненные планы и программы, которые регламентируют пути, способы и средства реализации смысла жизни, жизненных целей и задач. Внутренние связи смысла жизни и целевых структур составляют «каркас» психологической структуры жизнедеятельности, в которой смысл жизни исполняет функции мотива, жизненные цели и задачи функции целевых образований соотносимых с отдельными жизнедеятельностями, а жизненные планы и программы берут на себя операциональные функции. Описанное соотношение смысла жизни и производных от него целевых структур регуляции жизненного пути является закономерным, поскольку повторяет внутреннюю смысловую структуру любого вида деятельности.

Рассмотрим несколько философско-психологических концепций, обращенных к проблеме целевых структур в системе смысловой регуляции жизненного пути личности. Так, известный философ Л.Н.Коган разворачивает вопрос о соотношении смысла жизни, жизненных целей и планов в плоскость отношений сознания и реального жизненного пути личности. По его мнению, категория

253

смысла жизни имеет объективное содержание, которое заключается в объективной направленности и объективных результатах жизнедеятельности человека. Возникает законный вопрос: имеет ли смысл жизни тот, кто не осознает его, и как тогда жизненные цели и планы связаны со смыслом жизни? В качестве исходного предположения исследователь принимает тезис о том, что смысл жизни и цель жизни являются категориями однопорядковыми, но не эквивалентными одна другой. Наличие у субъекта жизненной цели уже предполагает наличие смысла жизни, на базе которого вырастает эта цель. Оторванность сознательно сконструированной цели от объективной направленности жизненного пути может спровоцировать внутренние коллизии по типу «измены самому себе». Смысл жизни подчиняет все жизненные цели и является своеобразной «сверхзадачей» жизнедеятельности человека. Смысл жизни пронизывает и тем самым скрепляет совокупность жизненных целей индивида. В то же время смысл жизни неотделим от тех жизненных целей, которые порождаются им и конкретизируют его. Смысл жизни как общее присутствует в каждой жизненной цели как в частном и раскрывается, насыщается конкретным жизненным содержанием только через нее. «Смысл жизни характеризует человеческую деятельность прежде всего со стороны ее направленности, ведущей тенденции и цели... Осознание смысла жизни требует от личности разработки жизненных планов и программ, рассчитанных как на ближайшую, так и на длительную перспективу» [113, с. 227]. Внутренние отношения смысла жизни, жизненных целей и программ представляются еще более сложными, если учесть, что каждая жизненная цель дробится на ряд задач, а от каждой их этих задач ответвляется пучок еще более частных планов. «Это значит, что смысл жизни - не простая совокупность целей, а их иерархия, субординация и координация, их система» [113, с. 229].

Таким образом, по мнению Л.Н.Когана, опосредованность смысла жизни сознательно поставленными целями и задачами является сущностной характеристикой активности личности как субъекта жизни.

Системный характер целевой регуляции жизненного пути и репрезентации смысла жизни в жизненных целях личности схвачен в понятии «жизненная программа», которое предлагается украинскими философами Л.В.Сохань и М.В.Кирилловой. Авторы понятия отталкиваются от общепсихологического понимания жизнедеятельности как сознательно и произвольно регулируемой и

254

организуемой активности личности. Атрибутом человеческой жизни является то, что свою судьбу человек делает предметом сознания и воли, а посему является ее творцом. В этой связи жизненная программа трактуется как одно из психологических средств саморегуляции, самосовершенствования и самовоспитания личности. Жизненная программа обладает мобилизующим и организующим свойством и является «идеальным средством превращения возможности в действительность» [202, с. 235]. Жизненная программа как элемент сознательного устройства личностью собственной жизни - это целостная картина спланированного жизненного пути, идеальный образ процесса и результатов жизнедеятельности, отражение жизненных целей [202, с. 234]. От единичной жизненной цели жизненная программа отличается по признакам системности и интегративности. Жизненная программа всегда - матрица генеральных целей жизненного пути личности, ядро жизненной позиции и субъективное основание индивидуальной линии жизни. Жизненная программа вырабатывается личностью на основе смысла жизни и детализируется в жизненных планах. Последние позволяют пересматривать и корректировать жизненную программу с учетом реального динамизма жизни и фактуры жизненных обстоятельств. В процессе соиздания жизненной программы проявляется активность и избирательность личности как субъекта жизни.

Зависимость между качеством личности как субъекта жизни и активностью целеполагания, планирования, прогнозирования жизненного пути констатирует украинский философ И.О.Мартынюк. От того, насколько человеку удастся выразить смысл своей жизни в системе жизненных целей, планов и программ зависит, «будет ли он хозяином судьбы или же безвольно подчинится жизненным обстоятельствам» [156, с. 59]. Жизненные цели исследователь определяет как одно из звеньев цепочки личностных образований, опосредующих отношения смысла жизни и деятельности. Место жизненной цели в трехзвенной смысловой структуре деятельности определяется тем, что жизненная цель появляется от смысла жизни и далее трансформируется в дробные задачи и планы. Чтобы стать фактором, детерминирующим жизненный путь, смысл жизни должен воплотиться в жизненных целях, а жизненные цели, в свою очередь, зарядиться мотивационной силой от смысла жизни. Между конечными и промежуточными целями устанавливаются отношения смыслообразования: жизненные цели «придают смысл более конкретным и частным

255

целям» [156, с. 16]. Совокупность жизненных целей образует высшую подструктуру мотивационно-целевой регуляции активности личности, выполняющую функции долгосрочного программирования индивидуальной жизнедеятельности. Здесь также правомерно положение Б.Ф.Ломова о том, что жизненные цели синтезируют цели отдельных видов деятельности и являются квинтэссенцией общей мотивационной направленности личности [153, с. 322].

Особое внимание в исследованиях целевой регуляции жизненного пути личности уделяется жизненным планам. Общеизвестным является то, что жизненные планы уточняют смысловое содержание жизненных целей в конкретных жизненных обстоятельствах и функционируют как одно из звеньев смысловой регуляции жизненного пути [80; 113; 156]. В жизненных планах происходит инструментализация жизненных целей и их наложение на временной ряд человеческой жизни. Как результат, композиция жизненных планов всегда содержит «жизненное расписание» - систему временных наметок по реализации смысложизненных отношений личности. Под таким углом рассмотрения жизненный план - это способ пространственной, временной и операциональной конкретизации смысла жизни, схема координации жизненных целей. Точнее говоря, функции жизненного плана, как и всякого плана деятельности, состоят в том, «чтобы вместе с учетом конкретных условий, объективных и субъективных возможностей отбирать те из имеющихся средств, которые в совокупности с деятельностью субъекта могли бы дать результат, наиболее полно отражающий свойства

цели; устанавливать последовательность использования этих средств, определять сроки выполнения операций и всей совокупности действий, а также темпы действий на различных этапах; быть общим регулятором всей суммы действий субъекта, направленных на достижение плановой цели, побуждая и организуя ее в процессе указанной деятельности» [240, с. 141].

Таким образом, смысл жизни, жизненные цели и планы являются взаимосвязанным звеньями единой системы смысловой регуляции жизненного пути личности. Разработанность системы це-лесмысловой регуляции жизненного пути, бесспорно, является психологическим признаком личности как субъекта жизни и одним из параметров смысловой регуляции жизненного пути.

В задачи настоящего исследования не входит сопоставление всех доводов «про» и «контра» для каждой рассмотренной концепции. Исследование направлено на систематизацию и интеграцию положений современной психологии в области изучения личности как субъекта жизни. На основании результатов те-

256

оретического анализа попытаемся обобщить и концептуализировать относительно инвариантные положения, повторяющиеся независимо друг от друга в разных концепциях. Это поможет преодолеть фрагментарность понимания личности как субъекта жизни в контексте разных школ и направлений академической психологии и привести партикулярные трактовки к общему теоретическому «знаменателю».

Во-первых, необходимо констатировать связь субъектности жизни со смысловой регуляцией жизнедеятельности личности и, в частности, со смыслом жизни как интегральной основой субъекта жизни. Это концептуальное положение отстаивают представители практически всех проанализированных концепций: А.Адлер, К.Юнг, Р.Мэй, В.Франкл, Д.Бьюдженталь, С.Мадди, И.Ялом, Ш.Бюлер, А.Маслоу, Г.Олпорт, К.А.Абульхано-ва-Славская, Л.И.Анцыферова, Б.С.Братусь, Н.А.Логинова, С.Л.Рубинштейн, А.Н.Леонтьев, Ф.Е.Василюк, Д.А.Леонтьев, К.Попельский, М.Страс-Романовская, К.Обуховский, В.Э.Чудновский, Н.Л.Карпова, Ю.Б.Некрасова. Перечисленные авторы солидаризируются по вопросу о том, что **смысловая регуляция и смысл жизни являются психологическими предпосылками самодетерминации поведения и жизненного пути личности.**

Во-вторых, необходимо отметить единодушие исследователей по вопросу о специфичности логики личностной регуляции жизненного пути и об отличии личностной логики детерминации жизненного пути от объективной логики развития жизни, заданной внешними обстоятельствами. На наличие у личности как субъекта жизни особой смысловой или субъективной логики детерминации собственного жизненного пути указывают следующие авторы: А.Адлер, К.Юнг, К.А.Абульханова-Славская, Л.И.Анцыферова, Д.А.Леонтьев, М.Страс-Романовская, К.Попельский, В.Франкл, Д.Бьюдженталь, С.Мадди, Н.А.Логинова. Все названные авторы сходятся во мнении, что аутентичной для субъекта жизни логикой регуляции жизненного пути является **логика смысла, логика субъективности, логика индивидуальности, финалистическая логика, телеологическая логика или логика интенциональности.**

В-третьих, необходимо подчеркнуть, что общепризнанным является противопоставление смысловой регуляции жизненного пути личности каузальной детерминации. Примечательно то, что смысловую и каузальную регуляцию замыкают в оппозиционный биполярный конструкт, по которому можно шкалировать индивидуальную меру субъектности жизни. При этом

257

доминирующая каузальность отождествляется с несубъектным способом бытия, а доминирование смысловой регуляции полагают как признак субъектности жизни. На этих положениях настаивают следующие исследователи: А.Адлер, Ш.Бюлер, Г.Олпорт, А.Маслоу, Р.Мэй, С.Мадди, Д.Бьюдженталь, М.Страс-Романовская, К.Попельский,

К.А.Абульханова-Славская, Л.И.Анцыферова, Б.С.Братусь, Д.А.Леонтьев. В-четвертых, **исследователи акцентируют внимание на содержании смысла жизни личности как субъекта жизни, которое должно быть в высшей мере одухотворено - освещено общественно полезными или общечеловеческими духовными ценностями.** При этом смысл жизни «отстраивается» от элементарных потребностей, которые придают его содержанию преимущественно индивидуалистический, эгоцентрический характер. Комбинация культурных ценностей и простейших потребностей в структуре источников смысла жизни рассматривается как индивидуальная характеристика личности в качестве субъекта жизни (А.Адлер, К.Юнг, Г.Олпорт, А.Маслоу, Х.Томе, В.Франкл, С.Мадди, И.Ялом, С.Л.Рубинштейн, К.А.Абульханова-Славская, Л.И.Анцыферова, Б.С.Братусь, Д.А.Леонтьев, Н.А.Логинова, В.Э.Чудновский, А.А.Бодалев, Ю.Б.Некрасова).

В-пятых, **исследователи практически в унисон говорят о том, что личность как субъект должна осознавать содержание смысла своей жизни для того, чтобы руководить своей судьбой сознательно и ответственно.** Рефлексивный способ бытия контрастирует с несубъектным способом, при котором смысл жизни остается неосознанным и неведомым для личности (А.Адлер, К.Юнг, Ш.Бюлер, Г.Олпорт, А.Маслоу, Р. Мэй, С.Мадди, Д.Бьюдженталь, И.Ялом, Э.Берн, М.Страс-Романовская, К.Попельский, С.Л.Рубинштейн, В.П.Зинченко, В.И.Слободчиков, К.А.Абульханова-Славская, Л.И.Анцыферова, С.И.Степанов, Е.П.Варламова, А.С.Сухоруков, Д.А.Леонтьев, Ф.Е.Василюк, Н.А.Логинова, В.Э.Чудновский, А.А.Бодалев, М.Р.Гинзбург, Н.Л.Карпова).

В-шестых, **исследователи солидарны в том, что для нормального формирования личности в качестве субъекта жизни необходим высокий уровень общей осмысленности жизни, в то время как фрустрация потребности в смысле жизни блокирует развитие субъектности.** К этому положению присоединяются А.Адлер, К.Юнг, Р.Мэй, В.Франкл, С.Мадди, Д.Бьюдженталь, И.Ялом, М.Страс-Романовская, К.Попельский, С.Л.Рубинштейн, К.А.Абульханова-Славская, Л.И.Анцыферова, Б.С.Братусь,

258

Д.А.Леонтьев, Ф.Е.Василюк, М.Р.Гинзбург, Ю.Б.Некрасова, Н.Л.Карпова.

В-седьмых, **некоторые исследователи обращаются к особенностям структурной организации смысла жизни личности как субъекта жизни. В ряду наиболее типичных особенностей они постулируют широту, высокую степень субординации и структурированности смысловых отношений личности к собственной жизни.** Напротив, аморфность структуры смысла жизни находят фактором, подавляющим субъектную активность личности. Эту особенность отмечают С.Л.Рубинштейн, А.Н.Леонтьев, К.А.Абульханова-Славская, Л.И.Анцыферова, Д.А.Леонтьев, В.Э.Чудновский, П.М.Якобсон, Н.Л.Карпова.

В-восьмых, **определенная часть исследователей характеризуют временные параметры смысла жизни, присущие личности как субъекту жизни. По их мнению, относительно равномерное распределение смысла жизни в континууме времени жизни с акцентом на будущем является гарантией оптимального временного режима жизнедеятельности.** Это положение поддерживают А.Адлер, К.Юнг, Г.Олпорт, А.Маслоу, В.Франкл, Х.Томе, К.Попельский, Б.Г.Ананьев, С.Л.Рубинштейн, К.А.Абульханова-Славская, В.И.Ковалев, Ф.Е.Василюк, Л.И.Анцыферова, А.С.Сухоруков, Б.С.Братусь, Д.А.Леонтьев, Н.А.Логинова, П.М.Якобсон, В.Э.Чудновский, А.А.Бодалев, М.Р.Гинзбург.

В-девятых, **практически единогласно исследователи утверждают, что личности как субъекту жизни присущ высокий уровень активности в практической реализации смысла жизни, в то время как не субъект пассивен и индифферентен в отношении реального воплощения жизненных замыслов.** Высокий уровень активности в осуществлении смысла жизни как признак субъекта жизни расценивают А.Адлер, Ш.Бюлер, Г.Олпорт, А.Маслоу, Х.Томе, Р.Мэй, В.Франкл, Д.Бьюдженталь, М.Страс-Романовская, К.Попельский, С.Л.Рубинштейн, Б.Г.Ананьев, К.А.Абульханова-Славская,

Л.И.Анцыфе-рова, Б.С.Братусь, Ф.Е.Василюк, Н.А.Логинова, В.Э.Чудновский, П.М.Якобсон, А.А.Бодалев.

В-десятых, исследователи вменяют личности как субъекту жизни функции планирования жизненного пути, полага-ния жизненных целей и программирования жизнедействий, посредством которых эти цели могут быть достигнуты. В то же время не субъект инактивен в отношении жизненных целей, планов и программ (А.Адлер, К.Юнг, Х.Томэ, С.Л.Рубин-259

штейн, Б.Г.Ананьев, Б.Ф.Ломов, В.И.Шорохова, К.А.Абульхано-ва-Славская, Л.И.Анцыферова, П.М.Якобсон, А.А.Бодалев, Л.Н.Коган, И.О.Мартынюк, Е.И.Головаха, Л.В.Сохань).

Все перечисленные параметры смысловой регуляции жизненного пути личности сведены в таблице.

Таблица 3

	Параметры смысловой регуляции жизненного пути	
А.Адлер, К.Юнг, Ш.Бюлер, А.Маслоу, В.Франкл, Р.Мэй, С.Мадди, М.Страс-Романовская, К.Попельский, КА.Абульханова-Славская, Л.И.Анцыферова, Б.С.Братусь, А.Г.Асмолов, Н.А.Логинова, В.Э.Чудновский, М.Р.Гинзбург	Соотношение смысла жизни с другими системами психической регуляции жизненного пути личности	
А.Адлер, ШБюлер, Г.Олпорт, А.Маслоу, Р.Мэй, С.Мадди, Д.Бьюдженгаль, М.Страс-Романовская, К.Попельский, ААбульханова-Славская, ЛИ.Анцыферова, Б.С.Братусь, Д.А.Леонтьев	Телеологичность каузальность психической регуляции жизненного пути личности	-
А.Адлер, КЮнг, Р.Мэй, В.Франкл, С.Мадди, Д.Бьюдженгаль, ИЯлом, М.Страс-Романовская, К.Попельский, С.Л.Рубинштейн, К.А.Абульханова-Славская, ЛИ.Анцыферова, Б.С.Братусь, Д.А.Леонтьев, Ф.Е.Васи-люк, М.Р.Гинзбург, Ю.Б.Некрасова, Н.Л.Карпова	Осмысленность бессмысленность жизни	-

А.Адлер, К.Юнг, Г.Олпорт, А.Маслоу, Х.Томе, В.Франкл, С.Мадди, И.Ялом, С.Л.Рубинштейн, К.А.Абульханова- Славская, Л.И.Анцыферова, Б.С.Братусь, Д.А.Леонтьев, Н.А.Логинова, В.Э.Чудновский, А. А.Бодалев, Ю.Б.Некрасова	Ценностность - потребностность смысла жизни
С.Л.Рубинштейн, А.Н.Леонтьев, К.А.Абульханова- Славская, Л.И.Анцыферова, Д.А.Леонтьев, В.Э.Чудновский, П.М.Якобсон, Н.Л.Карпова	Структурная организация - структурная дезорганизация смысла жизни (широта - узость, структурированность - аморфность, иерархизированность - рядоположенность смысложизненных отношений)

260

Продолжение таблицы 3

	Параметры смысловой регуляции жизненного пути
А.Адлер, Ш.Бюлер, Г.Олпорт, А.Маслоу, Х.Томе, Р.Мэй, В.Франкл, Д.Бьюдженталь, М.Страс- Романовская, К.Попельский, С.Л.Рубинштейн, Б.Г.Ананьев К.А.Абульханова-Славская, Л.И.Анцыферова, Б.С.Братусь, Ф.Е.Василюк, Н.А.Логинова, В.Э.Чудновский, П.М.Якобсон, А.А.Бодалев	Активность - пассивность реализации смысла жизни
А.Адлер, К.Юнг, Ш.Бюлер, Г.Олпорт, А.Маслоу, Р.Мэй, С.Мадди, Д.Бьюдженталь, И.Ялом, Э.Берн, М.Страс-Романовская, К.Попельский, С.Л.Рубинштейн, В.П.Зинченко, В.И.Слободчиков, К.А.Абульханова-Славская, Л.И.Анцыферова,	Осознанность - неосознанность смысла жизни

С.И.Степанов, Е.П.Варламова, А.С.Сухоруков, Д.А.Леонтьев, Ф.Е.Василюк, Н.А.Логинова, В.Э.Чудновский, А.А.Бодалев, М.Р.Гинзбург, Н.Л.Карпова	
А.Адлер, К.Юнг, Г.Олпорт, А.Маслоу, В.Франкл, Х.Томе, К.Попельский, Б.Г.Ананьев, С.Л.Рубинштейн, К.А.Абульханова-Славская, В.И.Ковалев, Ф.Е. Василюк, Л.И.Анцыферова, А.С.Сухоруков, Б.С.Братусь, Д.А.Леонтьев, Н.А.Логинова, П.М.Якобсон, В.Э.Чудновский, А. А. Бодалев, М.Р.Гинзбург	Временная локализация смысла жизни
А.Адлер, К.Юнг, Х.Томе, С.Л.Рубинштейн, Б.Г.Ананьев, Б.Ф.Ломов, В.И.Шорохова, К.А.Абульханова-Славская, Л.И.Анцыферова, П.М.Якобсон, А.А.Бодалев, Л.Н.Коган, И.О.Мартынюк, Е.И.Головаха, Л.В.Сохань	Опосредованность - не опосредован-ность смысловой регуляции жизненными целями, планами и программами личности

261

В совокупности рассмотренные подходы и концепции убеждают в том, что субъект жизни является системным качеством личности, а смысловая регуляция - особым качественным уровнем детерминации, не сводимым к другим уровням и системам психической регуляции индивидуального жизненного пути. Более того, на основании подробного анализа этих подходов представляется возможным синтезировать критерии и компоненты личности как субъекта жизни в единый непротиворечивый блок параметров смысловой регуляции жизненного пути.

В целостной системе осознанной саморегуляции смысловые структуры и процессы личности выполняют системообразующую и интегрирующую функцию. В этой связи сформированность смысловой регуляции жизненного пути является главной предпосылкой развития личности в качестве субъекта жизни. Уровень и качество психического развития субъекта жизни производны не только от возрастно-психологических факторов, но также зависят от индивидуальных параметров регуляции жизненного пути смыслом жизни. Эти параметры определяют качество и уровень самодетерминации личностью жизненного пути в силу того, что смысл жизни выступает в качестве «функционального ядра» целостной системы психобиографической осознанной саморегуляции.

Смысловая регуляция жизненного пути личности характеризуется двумя классами индивидуальных параметров - межсистемными, отражающими функциональное соотношение смысловой регуляции с другими системами психической детерминации, и внутрисистемными, раскрывающими внутреннюю структурно-функциональную организацию смысловой регуляции. Универсальным межсистемным параметром смысловой регуляции жизненного пути личности является функциональное соотношение смысла жизни с другими регуляторами не смысловой природы. Из класса внутрисистемных характеристик можно вычлениить следующие параметры смысловой регуляции жизненного пути личности: соотношение каузальных и смысловых межсобытийных связей в системе психической регуляции жизненного пути, уровень общей осмысленности жизни, баланс личностных ценностей и индивидуальных потребностей в динамической системе смысла жизни, структурная организация смысла жизни (по признакам широты, иерархичности и структурированности), степень осознанности смысла жизни, уровень активности его практической реализации, временная локализация смысла жизни, опосредованность смысла жизни жизненными целями, планами и программами. Выде-

262

ленные параметры являются дифференциальными характеристиками, которые позволяют специфицировать индивидуальные различия смысловой регуляции жизненного пути и установить уровень развития личности как субъекта жизни.

Результаты теоретического анализа отечественных и зарубежных концепций свидетельствуют, что личность как субъект жизни характеризуется следующими показателями по выделенным параметрам смысловой регуляции жизненного пути: доминированием смысла жизни среди прочих регуляторов не смысловой природы; преимущественной ориентацией на смысловые, а не на каузальные межсобытийные связи (телеологичность психической регуляции жизненного пути); высоким уровнем общей осмысленности жизни; преобладанием в структуре источников смысла жизни общечеловеческих и макросоциальных ценностей; широтой, иерархичностью и структурированностью как индикаторами внутренней структурной организации смысла жизни; высокой активностью в практической реализации смысла жизни; глубоким пониманием, осознанностью содержания смысла жизни; транспективной или перспективной локализацией смысла жизни на оси психологического времени; опосредованностью смысла жизни жизненными целями, планами и программами.

Напротив, низкий уровень развития субъекта жизни детерминирован недостаточной включенностью смысла жизни в систему психической регуляции жизненного пути; доминированием каузальных межсобытийных связей над смысловыми связями в структуре субъективной картины жизни; низким уровнем общей осмысленности жизни; ориентацией личности на индивидуальные потребности, а не на бытийные общезначимые ценности как источники смысла жизни; сравнительной узостью, низкой иерархизацией и слабой структурированностью смысла жизни; низкой активностью в сфере осуществления смысла жизни; неосознанностью или неглубоким пониманием содержания смысла жизни; концентрацией смысла жизни во временных модусах психологического прошлого или настоящего; малой опосредованностью смысла жизни жизненными целями, планами и программами.

Предложенная концепция открывает перспективу для конкретно-психологических исследований личности в качестве субъекта жизни. Эти исследования могут быть организованы как дифференциально-психологические, возрастно-психологические, социально-психологические, патопсихологические и, соответственно, выявлять индивидуальные и возрастные различия, соци-

263

альную детерминацию и патологическую деформацию субъектности жизни. В конечном итоге общей задачей этих исследований является раскрытие того, каким образом личность

превращает свою жизнь в индивидуальный жизненный путь, и сама превращается из «продукта» биографии в ее творца.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абишев К. Человек. Индивид. Личность. - Алма-Ата: Казахстан, 1978.-168 с.
 2. Абульханова К.А. О субъекте психической деятельности. - М.: Наука, 1973.-288 с.
 3. Абульханова К.А., Березина Т.Н. Время личности и время жизни. -СПб.: Алетейя, 2001. - 304 с.
 4. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. -М.: Наука, 1980.-334 с.
 5. Абульханова-Славская К.А. Диалектика человеческой жизни. -М.: Мысль, 1977.-224 с.
 6. Абульханова-Славская К.А. Жизненная перспектива личности // Психология личности и образ жизни. - М.: Наука, 1987. - С. 137 - 145.
 7. Абульханова-Славская К.А. Развитие личности в процессе жизнедеятельности // Психология формирования и развития личности / Под ред. Л.И.Анцыферовой. - М.: Наука, 1981. - С. 19 - 45.
 8. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. - М.: Мысль, 1991.-299с.
 9. Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Философско-пси-хологическая концепция С.Л.Рубинштейна: К 100-летию со дня рождения. -М.: Наука, 1989.-248 с.
 - 9а. Абульханова-Славская К.А. Активность и сознание личности как субъекта деятельности // Психология личности в социалистическом обществе: Активность и развитие личности. -М.: Паула, 1989. -С. ПО- 134.
 10. Агафонов А.Ю. Человек как смысловая модель мира. Прологомены к психологической теории смысла. - Самара: Издательский Дом «Бахрах - М», 2000. - 336 с.
 11. Адлер А. Наука жить. - Киев: Port-Royal, 1997. - 315 с.
 12. Адлер А. Смысл жизни // Философские науки. - 1998. - № 1. -С. 15-26.
 13. Адлер А. Что означает для тебя жизнь. - М.: АСТ, 1998.
 14. Активность и жизненная позиция личности. - М.: Наука, 1988.
 15. Александрова Ю.В. Нравственное переживание как путь преодоления «раскола» смысла жизни // Психолого-педагогические и философские проблемы смысла жизни. - М.: ПИ РАО, 1997. - С. 140 - 145.
- 264
16. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды: В 2 т. - М.: Педагогика, 1980. - Т. 1. - 232 с.
 17. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. - М.: Наука, 1977.-380 с.
 18. Ананьев Б.Г. Человек как объект познания. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968.-340 с.
 19. Анохин П.К. Избранные труды: Философские аспекты теории функциональной системы. - М., 1978.
 20. Анцыферова Л.И. Архетипическая теория развития личности Карла Густава Юнга//Психологический журнал. -2000. -Т. 21. - №3.-0. 10-19.
 21. Анцыферова Л.И. К психологии личности как развивающейся системы // Психология формирования и развития личности / Под ред. Л. И. Анцыферовой. - М.: Наука, 1981. - С. 3 - 19.
 22. Анцыферова Л.И. Личность в динамике: некоторые итоги исследования // Психологический журнал. - 1992. - № 5. - С. 12 - 25.
 23. Анцыферова Л.И. Личность с позиций динамического подхода // Психология личности в социалистическом обществе: личность и ее жизненный путь. - М.: Наука, 1990. - С. 7 - 17.
 24. Анцыферова Л.И. Некоторые теоретические проблемы психологии личности // Вопросы психологии. - 1978. - № 1. - С. 37 - 50.
 25. Анцыферова Л.И. Психология повседневности: жизненный мир личности и «техники» ее бытия // Психологический журнал. -1993.-Т. 14. -№2.-0. 3-16.
 26. Анцыферова Л.И. Способность личности к преодолению деформаций своего развития

- // Психологический журнал. - 1999. - Т. 20. - № 1. - С. 6-20.
27. Асеев В.Г. Личность и значимость побуждений. - М.: ИП РАО, 1993.-224 с.
28. Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирование личности. -М.: Мысль, 1976.-156 с.
29. Асмолов А.Г. Деятельность и установка. - М.: Изд-во Моск. унта, 1979. - 152 с.
30. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. - Москва - Воронеж: Модэк, 1996. - 768 с.
31. Асмолов А.Г. Личность как предмет психологического исследования. -М.: МГУ, 1984. - 104 с.
32. Асмолов А.Г, Братусь Б.С, Зейгарник Б.В. и др. О некоторых перспективах исследования смысловых образований личности // Вопросы психологии. - 1979. - № 4. - С. 35 - 46.
33. Ахмеров Р.А. Биографические кризисы личности: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. - М., 1994. - 24 с.
34. Ахмеров Р.А., Кроник А.А. Мотивационная недостаточность как критерий деформации картины жизненного пути // Мотивационная регуляция деятельности и поведения личности. - М.: ИП АН, 1988.-С. 136-140.
- 265
35. Балл Г.А. Психологическое содержание личностной свободы: сущность и составляющие // Психологический журнал. - 1997. - Т. 18. - № 5. -С. 7-19.
36. Бассин Ф.В. Проблема бессознательного. - М.: Медицина, 1968.-486 с.
37. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. - М.: Прогресс, 1988.
38. Бернштейн Н.А. На путях к биологии активности // Вопросы философии. - 1965. - № 10. - С. 65 - 78.
39. Берталанфи Л. Общая теория систем // Исследования по общей «теории систем». - М., 1969.
40. Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. - М.: Наука, 1978.
41. Бодалев А. А. Опыт психологической характеристики людей, достигших личностного акме // Психолого-педагогические и философские проблемы смысла жизни. - М.: ПИ РАО, 1997. - С. 33 - 40.
42. Бодалев А.А. Опыт психологической характеристики людей, достигших личностного акме // Психолого-педагогические и философские проблемы смысла жизни. - М.: ПИ РАО, 1997. - С. 33 - 40.
43. Бодалев А.А. Смысл жизни и акме человека: соотношение «будничного» и «высшего Я» // Психолого-педагогические и философские проблемы смысла жизни. - М.: ПИ РАО, 1997. - С. 29 - 33.
44. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. -М.: Просвещение, 1968. - 464 с.
45. Боришевский М.И. Развитие саморегуляции поведения школьников: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.07. -М., 1990. - 78 с.
46. Братусь Б.С. Аномалии личности. - М.: Мысль, 1988. - 304 с.
47. Братусь Б.С. К изучению смысловой сферы личности // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. - 1981. -№ 2. -С. 46 - 56.
48. Братусь Б.С. К проблеме смысловых образований личности // Очерки по психологии аномального развития личности. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.-С. 111-126.
49. Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. - 1997. -№ 5. - С. 3 - 19.
50. Братусь Б.С. Нравственное сознание личности: психологическое исследование. - М.: Знание, 1985. - 64 с.
51. Братусь Б.С. Общепсихологическая теория деятельности и проблема единиц анализа личности // А.Н.Леонтьев и современная психология. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. - С. 212 - 220.

52. Братусь Б.С. Понятие нормы - психологический и нравственный смысл // Психолого-педагогические и философские проблемы смысла жизни. -М.: ПИРАО, 1997. -С. 145 - 157. 266
53. Братусь Б.С. Психология. Нравственность. Культура. - М.: Менеджер, 1994. -60 с.
54. Братусь Б.С. Смысловая вертикаль сознания личности // Вопросы философии. - 1999.- № 11.-С. 81 -89.
55. Братусь Б.С, Розовский И.Я., Цапкин В.Н. Психологические проблемы изучения коррекции аномалий личности: Учебно-методическое пособие. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. - 86 с.
56. Брушлинский А.В. Проблема субъекта в психологической науке (статья вторая)//Психологический журнал. - 1992. -Т. 13. —№6. -С. 3 - 12.
57. Брушлинский А.В. Проблема субъекта в психологической науке (статья первая)//Психологический журнал. - 1991. -Т. 12. -№ 6. -С. 3 - 11.
58. Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. - М.: ИП РАН, 1994.-109 с.
59. Брушлинский А.В. Психология субъекта в изменяющемся обществе // Психологический журнал. - 1996. - Т. 17. - № 6. - С. 30 - 37.
60. Бьюдженталь Дж. Искусство психотерапевта. - СПб.: Питер, 2001.-304 с.
61. Вайзер Г.А. Смысл жизни и «двойной кризис» в жизни человека // Психологический журнал. - 1998. - Т. 19. - № 5. - С. 3 - 14.
62. Варламова Е.П., Степанов СЮ. Психология творческой уникальности человека: рефлексивно-гуманистический подход. - М.: ИП РАН, 1998.-195 с.
63. Васильев И. А., Поплужный В. Л., Тихомиров О.К. Эмоции и мышление. -М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. - 192 с.
64. Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. - 200 с.
65. Ватин М.В. Человеческая субъективность. - Ростов-на-Дону, 1984.-187 с.
66. Ведин И.Ф. Бытие человека: деятельность и смысл. - Рига: Зинат-не, 1987.-212 с.
67. Великовский С. В поисках утраченного смысла: очерки литературы трагического гуманизма во Франции. - М.: Худ. лит., 1979. - 295 с.
68. Вилюнас В.К. Психологические механизмы биологической мотивации. - М.: Изд-во МГУ, 1986. - 208 с.
69. Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. - М.: Изд-во МГУ, 1990. - 288 с.
70. Вилюнас В.К. Психология эмоциональных явлений. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. - 142 с.
71. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. - М.: Педагогика, 1982.-Т. 1.-487 с.
72. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Проблемы развития психики. - М.: Педагогика, 1983. - Т. 3. - 368 с. 267
73. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6 т. Основы дефектологии. -М.: Педагогика, 1983. -Т. 5. - 368 с.
74. Гальперин П.Я. Введение в психологию. - М.: Изд-во МГУ, 1976.-150 с.
75. Гальперин П.Я. Психология как объективная наука: Избранные психологические труды. - М.: Ин-т практической психологии; Воронеж: Модек, 1998.-480 с.
76. Ганжин В.Т. Смыслообретения и смыслоутраты в культуре и биографии личности (опыт аксиологического анализа проблематики) // Психолого-педагогические и философские проблемы смысла жизни. -М.:ПИРАО, 1997.-С. 177-185.
77. Гинзбург М.Р. Личностное самоопределение как проблема // Вопросы психологии. - 1988. - № 2.
78. Гинзбург М.Р. Психологическое содержание личностного самоопределения // Вопросы психологии. - 1994. - № 3. - С. 43 - 52.
79. Гиппенрейтер Ю.Б. Понятие личности в трудах А.Н.Леонтьева и проблема

- исследования характера // Вестник Моск. ун-та. - Сер. 14. - Психология. - 1983. - №4. - С. 7-23.
80. Головаха Е.И. Жизненная перспектива и профессиональное самоопределение молодежи. - Киев: Наукова думка, 1988. - 143 с.
81. Головаха Е.И., Кроник А. А. Психологическое время личности. - Киев: Наукова думка, 1984. - 208 с.
82. Давыдов В.В. Нерешенные проблемы теории деятельности // Психологический журнал. - 1992. - Т. 13. - № 2. - С. 3 - 13.
83. Давыдов В.В. Новый подход к пониманию структуры и содержания деятельности // Психологический журнал. - 1998. - Т. 19. — № 6. — С. 20-27.
84. Давыдов В.В. О понятии личности в современной психологии // Психологический журнал. - 1988. - Т. 9. - № 4. - С. 22 - 32.
85. Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения: Опыт теоретического и экспериментального психологического исследования. - М.: Педагогика, 1986. - 240 с.
86. Деятельность: теории, методология, проблемы. - М.: Политиздат, 1990.-366с.
87. Дружинин В.Н. Варианты жизни: Очерки экзистенциальной психологии. -М.: ПЕР СЕ; СПб.: ИМАТОН-М, 2000. - 135 с.
88. Жизненный путь личности: Вопросы теории и методологии социально-психологического исследования / Под ред. Л.В.Сохань. - Киев: Наукова думка, 1987. - 280 с.
89. Жизнь как творчество: социально-психологический анализ. -Киев: Наукова думка, 1985.
90. Зейгарник Б.В. Личность и патология деятельности. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971.-100 с.
- 268
91. Зейгарник Б.В. Патопсихология. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. -287 с.
92. Зейгарник Б.В., Братусь Б.С. Очерки по психологии аномального развития личности. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. - 157 с.
93. Зеленкова И.Л. Проблема смысла жизни: Опыт историко-этического исследования. - Мн.: Университетское, 1988. - 125 с.
94. Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. - 1991. - №2. -С. 15-36.
95. Зинченко В.П. О предмете психологии личности: обсуждение доклада А.Г.Асмолова // Вопросы психологии. - 1983. - № 3. - С. 126.
96. Зинченко В.П. Проблема «образующих» сознания в деятельно-стной теории психики // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. -1988.-№3.-0. 25-34.
97. Знаков В.В. Понимание как проблема психологии человеческого бытия // Психологический журнал. - 2000. - Т. 21. - № 2. - С. 7 - 15.
98. Знаков В.В. Понимание субъектом мира как проблема психологии человеческого бытия // Проблема субъекта в психологической науке / Под ред. А.В.Брушлинского. - М.: Академический проект, 2000. -С. 86-105.
99. Иванников В.А. Проблема потребности в теории деятельности // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. - 1983. - № 2. - С.20 - 27.
100. Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. - 140 с.
101. Иванов В.П. «Жизненный мир» личности // Фшасофская думка.-1982.-С. 12-19.
102. Иванов В.П. Мировоззренческие проблемы эволюции природы и становления человеческого мира // Человек и мир. - Киев: Наукова думка, 1977.-С. 29-98.
103. Иванов В.П. Человеческая деятельность - познание - искусство. - Киев: Наукова думка, 1977. - 260 с.
104. Иванов В.П., Быстрицкий Е.К., Тарасенко Н.Ф., Козловский В.П. Мировоззренческая культура личности. Философские проблемы формирования. - Киев: Наукова думка, 1986. -

293 с.

105. Ильенков Э.В. Проблема идеального // Вопросы философии. -1979. -№7.-0. 145-158.
106. Каган М.С. Человеческая деятельность: опыт системного анализа. - М.: Политиздат, 1974. - 328 с.
107. Карандашев Ю.Н. Психология развития. Введение. - Мн.: Д-р КАРА, 1998.
108. Карпова Н.Л. Мотивационная включенность и динамика осознания жизненных смыслов в процессе социореабилитации // Психолого-педагогические и философские проблемы смысла жизни. - М.: ПИ РАО, 1997.-С. 11-127.
269
109. Карпова Н.Л. О векторе и механизмах «смыслостроительства» в процессе социореабилитации // Психологические, философские и религиозные аспекты смысла жизни: Материалы III - V симпозиумов. - М.: Ось-89,2001.-С. 255-264.
110. Карцева Т.Б. Понятие жизненного события в психологии //Психология личности в социалистическом обществе: личность и ее жизненный путь. -М.: Наука, 1990. -С. 88-101.
111. Ковалев В.И. Мотивы поведения и деятельности. М.: Наука, 1988.
112. Ковалев В.И. Психологические особенности личностной организации времени жизни: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. -М., 1979. -25 с.
113. Коган Л.Н. Цель и смысл жизни человека. -М.: Мысль, 1984.-252 с.
114. Коган Л.Н. Человек и его судьба. - М.: Мысль, 1988. - 283 с.
115. Козловский В.П. Культурный смысл: генезис и функции. - Киев: Наукова думка, 1990. - 128 с.
116. Кон И.С. Жизненный путь личности как предмет междисциплинарного исследования // Психология личности в трудах отечественных психологов: Хрестоматия. - СПб.: Питер, 2000. - С. 269 - 279.
117. Кон И.С. Открытие «Я». -М.: Политиздат, 1978. - 367 с.
118. Кон И.С. Ребенок и общество. - М.: Наука, 1988. - 270 с.
119. Конопкин О.А. Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект) // Вопросы психологии. - 1995.-№ 1. - С. 5-12.
120. Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности. - М.: Наука, 1980. - 256 с.
121. Конопкин О.А. Функциональная структура саморегуляции деятельности и поведения // Психология личности в социалистическом обществе: Активность и развитие личности.- М.: Наука, 1989.-С. 158-172.
122. Конопкин О.А., Моросанова В.И. Стилиевые особенности саморегуляции деятельности//Вопросы психологии. - 1989. -№5. -С. 18-26.
123. Костюк Г.С. Принцип развития в психологии // Методологические и теоретические проблемы психологии / Под ред. Е.В.Шороховой. -М.: Наука, 1969.-С. 118-152.
124. Кравченко Л.С. Жизненный выбор личности (психологический анализ): Автореф. ... дис. канд. психол. наук. -М., 1987. - 19 с.
125. Крипнер С, Карвало Р. Проблема метода в гуманистической психологии //Психологический журнал. - 1993. - Т. 14. - № 2. - С. 113 - 126.
126. Кроник А. А. Субъективная картина жизненного пути как предмет психологического исследования, диагностики и коррекции: Дис. ... докт. психол. наук в виде научного доклада. - М.: ИП РАН, 1994. - 71 с.
127. Кроник А.А., Кроник Е.А. В главных ролях: Вы, Мы, Он, Ты, Я: Психология значимых отношений. - М.: Мысль, 1989. - 204 с.
128. Кудрявцев В.Т. Идея субъекта - основание единства отечественного психологического знания? // Вопросы психологии. - 1998. - №5.
270
129. Кудрявцев В.Т., Уразалиева Г.К. Субъект деятельности в онтогенезе //Вопросы психологии. - 2001. -№4.-0. 14-30.
130. Кудрявцев И.А., Ратинова Н.А. Криминальная агрессия (экспертная типология и

- судебно-психологическая экспертиза). - М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. - 192 с.
131. Лекторский В.А. Субъект, объект, познание. - М.: Наука, 1980.-360 с.
 132. Леонтьев А.Н. Воля // Вестник МГУ Сер. 14. Психология. -1993.-№2.-0.3-15.
 133. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. - М.: Политиздат, 1975. - 304 с.
 134. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. -М.: Педагогика, 1983.-Т. 1.-391 с.
 135. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. -М.: Педагогика, 1983.-Т. 2.-318 с.
 136. Леонтьев А.Н. Философия психологии: из научного наследия / Под. ред. А.А.Леонтьева, Д.А.Леонтьева. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. - 287 с.
 137. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. - М.: Смысл, 1999.-560 с.
 138. Леонтьев А.Н. Философия психологии: из научного наследия / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А.Леонтьева. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.-287 с.
 139. Леонтьев Д.А. Динамика смысловых процессов // Психологический журнал. - 1997. - Т. 19. -№ 6. - С. 13 - 27.
 140. Леонтьев Д.А. Жизненный мир человека и проблема потребностей//Психологический журнал. - 1992. - Т. 13.—№2.—С. 107-117.
 141. Леонтьев Д.А. Личность: человек в мире и мир в человеке // Вопросы психологии. - 1989. — № 3. — С. 11—21.
 142. Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. - М.: Смысл, 1993.-43 с.
 143. Леонтьев Д.А. Психология свободы: к постановке проблемы само детерминации личности // Психологический журнал. - 2000. - Т. 21. -№1.-0. 15-25.
 144. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. - М.: Смысл, 1999. - 487 с.
 145. Леонтьев Д.А. Структурная организация смысловой сферы личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. - М.: МГУ, 1988. - 24 с.
 146. Леонтьев Д.А. Что такое экзистенциальная психология? //Психология человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. - М.: Смысл, 1997. - С. 40 - 54.
 147. Леонтьев Д.А., Калашников М.О., Калашникова О.Э. Факторная структура теста смысло-жизненных ориентации // Психологический журнал. - 1993.-№ 1.-Т. 14.-С. 150-155. 271
 148. Лобок А.М. Антропология мифа. - Екатеринбург: Отд. образования, 1997.-688 с.
 149. Логинова Н.А. Биографический метод в психологии и смежных науках: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. -Л.: ЛГУ, 1975. - 18 с.
 150. Логинова Н.А. Жизненный путь человека как проблема психологии // Вопросы психологии. - 1985. - № 1.
 151. Логинова Н.А. Развитие личности и ее жизненный путь // Принцип развития в психологии. - М.: Наука, 1978. - С. 156 - 172.
 152. Логинова Н.А. Ш. Бюлер - представитель гуманистической психологии // Вопросы психологии. - 1980. - № 1. - С. 154-158.
 153. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. -М.: Наука, 1984. - 444 с.
 154. Ломов Б.Ф., Сурков Е.Н. Антиципация в структуре деятельности. - М.: Наука, 1980.
 155. Маркс К., Энгельс Ф. - Соч. 2-е изд. - Т. 42.
 156. Мартынюк И.О. Жизненные цели личности: понятие, структура, механизмы формирования. - Киев: Наукова думка, 1990. - 116 с.
 157. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. - СПб.: Евразия, 1997.-430 с.
 158. Миславский Ю.А. Саморегуляция и активность в юношеском возрасте. -М.: Педагогика, 1991. - 152 с.
 159. Михайлов Ф.Т. Загадка человеческого «Я». - М.: Наука, 1976. -286 с.
 160. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции в произвольной активности

человека // Психологический журнал. - 1996. -Т. 16.-№4.-0. 26-36.

161. Моросанова В.И. Индивидуальный стиль саморегуляции: феномен, структура и функции в произвольной активности человека. - М.: Наука, 2001.-192 с.

162. Москаленко А.Т., Сержантов В.Ф. Смысл жизни и личность. -Новосибирск: Наука, 1989. - 205 с.

163. Налимов В.В. Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. - М: Прометей, 1989. - 288 с.

164. Насиновская Е.Е. Методы изучения мотивации личности: Опыт исследования личностно-смыслового аспекта мотивации. - М.: Изд-во МГУ, 1988.-80 с.

165. Некрасова Ю.Б. Изменения в понимании смысла жизни в процессе социореабилитации // Психолого-педагогические и философские проблемы смысла жизни. - М.: ПИ РАО, 1997. - С. 127 - 140.

166. Немировский В.Г. Смысл жизни: проблемы и поиски. - Киев: Наукова думка, 1990. - 221 с.

167. Нуркова Б.Б. Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. - М.: УРАО, 2000. - 320 с.

272

168. Обуховский К. Психология влечений человека. - М.: Прогресс, 1972.-247 с.

169. Осницкий А.К. Проблемы исследования субъектной активности // Вопросы психологии. - 1996. - № 1. - С. 5 - 19.

170. Осницкий А.К. Саморегуляция деятельности школьника и формирование активной личности. - М.: Знание, 1986. - 80 с.

171. Павлова Т. А. Организация времени жизни как компонент структуры личности студентов: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. -М., 1988.-19 с.

172.ПатяеваЕ.Ю. Ситуативное развитие и уровни мотивации//Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. - 1983. -№4. -С. 23 -33.

173. Пергамещик Л.А. Социально-психологическая адаптация человека к кризисным событиям жизненного пути: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. - Мн., 1999. - 40 с.

174. Перетятко Л.Г. Профессиональное призвание личности (психолого-биографический аспект): Автореф. дис. ... канд. психол. наук. -М., 1991.-22с.

175. Петровский А.В. Вопросы истории и теории психологии: Избранные психологические труды. - М.: Педагогика, 1984. - 272 с.

176. Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. - М.: Политиздат, 1982. -255 с.

177. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. - М.: ИНФРА - М, 1998. - 528 с.

178. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. -Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. - 512 с.

179. Попов Б.Н. Взаимосвязь категорий счастья и смысла жизни. -М.: Наука, 1986.-93 с.

180. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В.Брушлинского. -М.: ИП РАН, 1997. -576 с.

181. Психологические, философские и религиозные аспекты смысла жизни: Материалы III - V симпозиумов. - М.: Ось-89, 2001. - 336 с.

182. Психологический словарь / Под ред. В.В.Давыдова, А.В.Запорожца, Б.Ф.Ломова. - М.: Педагогика, 1983. - 448 с.

183. Психология. Словарь /Под ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошев-ского. - 2-е изд. - М.: Политиздат, 1990. - 494 с.

184. Психолого-педагогические и философские проблемы смысла жизни: Материалы I - II симпозиумов. - М.: Психологический ин-т РАО, 1997.-232 с.

185. Реан А.А., Коломинский Я.Л. Самоактуализация и самотранс-ценденция личности // Социальная педагогическая психология. - СПб.: Питер, 1999.-С. 32-36.

186. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. - М.: АН СССР, 1957. -328 с.

273

187. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. 2-е изд. —М., 1946.
188. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. - М.: Педагогика, 1989.-Т. 1.-488 с.
189. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2 т. - М.: Педагогика, 1989.-Т. 2.-328 с.
190. Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности: к философским основам современной педагогики // Вопросы психологии. -1986.-№4.-0. 101-109.
191. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. - М.: АН СССР, 1959.-351 с.
192. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. - М.: Педагогика, 1973.-424 с.
193. Рувинский Л.И. Самовоспитание личности. - М.: Мысль, 1984.-140 с.
194. Рудкевич Л.А., Рыбалко Е. Ф. Возрастная динамика самореализации личности // Психологические проблемы самореализации личности / Под ред. АА.Крылова. - СПб., 1997. - С. 89 - 106.
195. Сарджвеладзе Н.И. Динамическая структура личности и социогенные потребности // Проблемы формирования социогенных потребностей. - Тбилиси, 1981.-С. 191-201.
196. Слободчиков В.И. Выявление и категориальный анализ нормативной структуры индивидуальной деятельности // Вопросы психологии. -2000.-№2.-0. 42-52.
197. Слободчиков В.И. Психологические проблемы становления внутреннего мира человека // Вопросы психологии. - 1986. - № 6. - С. 14 - 22.
198. Слободчиков В.И. Развитие субъективной реальности в онтогенезе: Автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. -М., 1994. - 77 с.
199. Слободчиков В.И. Реальность субъективного духа // Психология личности в трудах отечественных психологов: Хрестоматия. - СПб.: Питер, 2000.-С. 380-395.
200. Соболева Н.И. Мировоззрение и жизненный выбор личности. -Киев: Наукова думка, 1989.
201. Соколова Е.Е. Идеи А.Н.Леонтьева и его школы о поступке как единице анализа личности в их значении для исторической психологии // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н.Леонтьева / Под ред. А.Е.Войскунского, А.Н.Ждан, О.К.Тихомирова. -М.: Смысл, 1999. - С. 80 - 117.
202. Сохань Л.В., Кириллова М.В. Жизненная программа личности как способ сознательной организации ее жизнедеятельности // Стил жизни личности. Теоретические и методологические проблемы. - Киев: Наукова думка, 1982. - С. 223 - 255.
203. Степанов СЮ. Рефлексивная практика творческого развития человека и организаций. - М.: Наука, 2000. - 174 с.
- 274
204. Степанский В.И. Психическая саморегуляция деятельности (Информационный аспект): Автореф. дис. ... д-ра психол наук. - М., 1991.-37 с.
205. Степнова Л.А. О некоторых подходах к психотерапии смысложиз-ненных ориентации личности//Мир психологии. -2001. -№2. -С. 89-93.
206. Стил жизни личности. Теоретические и методологические проблемы. - Киев: Наукова думка, 1982.
207. Столин В.В. Самосознание личности. -М: Изд-во МГУ, 1983.-285 с.
208. Суворов А.В. Смысл жизни и воля к жизни // Психолого-педагогические и философские проблемы смысла жизни. - М.: ПИ РАО, 1997. -С. 40-57.
209. Судаков К.В. Функциональная система как методологический принцип познания адаптивного поведения человека и животных // Вестник АМН СССР. - 1986.-№ 4.-С. 19-24.
210. Суходольский Г.В. Основы психологической теории деятельности. -Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. - 167 с.
211. Сухоруков А.В. Жизнетворчество личности в динамике ее смысловой системы: Автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. - М.: МГУ, 1997.-21с.

212. Терехов В.А. Целеобразование и принятие решений в деятельности человека // Психологические механизмы целеобразования / Отв. ред. О.К.Тихомиров. -М.: Наука, 1977. -С. 156-184.
213. Титма М.Х. Жизненная ориентация как феномен сознания // Формирование молодежного сознания. - Таллин: Институт философии АНЭССР, 1978. -С. 33-58.
214. Тихомиров О.К. Понятия «цель» и «целеобразование» в психологии // Психологические механизмы целеобразования / Отв. ред. О.К.Тихомиров. - М.: Наука, 1977. - С. 5 - 20.
215. Тихомиров О.К., Терехов А.В. Значение и смысл в процессе решения мыслительной задачи // Вопросы психологии. - 1969. - № 4. - С. 66 - 84.
216. Тихонравов Ю.В. Экзистенциальная психология: Учебно-справочное пособие. - М: Интел-Синтез, 1998. - 238 с.
217. Томэ Г. Теоретические и эмпирические основы психологии развития человеческой жизни // Принцип развития в психологии. - М.: Наука, 1978.-С. 173-196.
218. Тульчинский Г.Л. Проблема осмысления действительности. -Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. - 177 с.
219. Украинцев Б.С. Самоуправляемые системы и причинность. -М.: Наука, 1972.
220. Файзулаев А. А. Мотивационная саморегуляция личности. - Ташкент: Фан, 1987.
221. Фельдштейн Д.И. Психология развития личности в онтогенезе. -М.: Педагогика, 1989.-208 с.
- 275
222. Философский энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1983. - 840 с.
223. Франкл В. Основы логотерапии. Психотерапия и религия. - СПб.: Речь, 2000. - 286 с.
224. Франкл В. Человек в поисках смысла. - М.: Прогресс, 1990. - 368 с.
225. Фрейджер Р., Фрейдимен Д. Личность: теории, эксперименты, упражнения. - СПб.: Прайм, 2001. - 864 с.
226. Фромм Э. Бегство от свободы. - М.: Прогресс, 1989. - 272 с.
227. Фромм Э. Душа человека. - М.: Республика, 1992. - 430 с.
228. Фромм Э. Человек для себя. - М.: Коллегиум, 1992. - 253 с.
229. Харламенкова Н.Е. Процесс целеполагания и жизненный путь личности // Психологические исследования социального развития личности.-М.: ИПРАН, 1991.-С. 151-167.
230. Хомик В.С. Деформация субъективной картины жизненного пути при ранней алкоголизации: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. -М., 1985.-21 с.
231. Чудновский В.Э. К проблеме соотношения «внешнего» и «внутреннего» в психологии // Психологический журнал. - 1993. - Т. 14. - № 5. -С. 3-12.
232. Чудновский В.Э. Нравственная устойчивость личности. Психологическое исследование. - М.: Педагогика, 1981. - 208 с.
233. Чудновский В.Э. Смысл жизни и судьба//ОНС. - 1998. -№ 1. -С. 175-183.
234. Чудновский В.Э. Смысл жизни и судьба человека // Психолого-педагогические и философские проблемы смысла жизни. - М.: ПИ РАО, 1997.-С. 57-72.
235. Чудновский В.Э. Смысл жизни и судьба. -М.: Ось-89,1998. -236 с.
236. Чудновский В.Э. Смысл жизни как психологическая реальность // Психолого-педагогические и философские проблемы смысла жизни. - М.: ПИ РАО, 1997. -С. 14-22.
237. Чудновский В. Э. Смысл жизни: проблема относительной эмансипированности от внешнего и внутреннего // Психологический журнал. -1995.-Т. 16.-№2.-С. 15-26.
238. Шаронов В.В. Основы социальной антропологии. - СПб.: Лань, 1997.-192 с.
239. Шилов В.Н. К проблеме смысла жизни // Философские науки. -1985.-№2.-0.37-50.
240. Шлапак Н.А. Категория «жизненные планы» // Философские науки.-1974.-№ 5.-С. 141.
241. Шмелев А.Г. Основы психодиагностики. -Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.-544 с.

242. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. - М.: Педагогика, 1989.-560 с.
276
243. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. - М.: Наука, 1978.-392 с.
244. Юнг К.Г. Архетип и символ. - М.: Ренессанс, 1991. -304 с.
245. Юнг К. Г. Дух и жизнь. - М.: Практика, 1996.
246. Юнг К.Г. Проблема души нашего времени. - М.: Прогресс, 1994.
247. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. - М.: Прогресс, 1993.-336с.
248. Юнг К.Г. Современность и будущее. - Мн.: Университетское, 1992.-62 с.
249. Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуации. - М.: Наука, 1996.
250. Якиманская И.С. Требование к учебным программам, ориентированным на личностное развитие школьников // Вопросы психологии. -1994.-№2.-0.64-76.
251. Якобсон П.М. Психологические компоненты и критерии становления зрелой личности // Психологический журнал. - 1981. - № 4. -С. 141-149.
252. Якобсон П.М. Психологические компоненты и критерии становления зрелой личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. - СПб: Питер, 2000. - С. 188 - 193.
253. Ялом И. Теория и практика групповой психотерапии. - СПб.: Питер, 2000. - 640 с.
254. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. - М.: Класс, 1998. - 575 с.
255. Adler A. What your life should mean to you. - Boston: Little, Brown, 1931.
256. Allport G. W. Becoming: Basic considerations for a psychology of personality. - New Heaven, CT: Yale University Press.
257. Allport G. W. Pattern and growth in personality. -N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1961.
258. Bugental J. F. T. The search for existential identity. - San Francisco: Jossey - Bass, 1988. - 330 p.
259. Buhler Ch. Bieg zycia ludzkiego. - Warszawa: PWN, 1999. - 393 s.
260. Buhler Ch. Der menschliche Lebenslauf als psychologisches problem. -Leipzig: Hirzel, 1933.
261. De Vogler, K., & Ebersole, P. (1980). Categorization of college students' meaning of life // Psychological Reports. - № 46. - P. 387 - 390.
262. De Vogler, K., & Ebersole, P. (1983). Young adolescents' meaning in life. Psychological Reports. - № 52. - P. 427 -431.
263. Debates D. L. Sources of meaning: an investigation of significant commitments in life // Journal of Humanistic Psychology. - Fall 99. - Vol. 39. -Issue 4. - P. 30 - 58.
264. Debats D. L., Drost J., & Hansen P. Experiences of meaning in life: A combined qualitative and quantitative approach // British Journal of Psychology. - 1995.- № 86. - P. 359 - 375.
277
265. Ebersole P., & De Paola S. Meaning in life categories of later life couples // Journal of Psychology. - 1987. - № 12. - P. 185 - 191.
266. Ebersole P., & De Vogler-Ebersole K. Meaning in life of the eminent and the average // Journal of Social Behavior and Personality. - 1985. - №1. -P. 83-94.
267. Kaufman S. R. The ageless self^o Sources of meaning in late life. -New York: Meridian, 1986.
268. Lukas E. Meaningful living: A logotherapy guide to health. - New York: Grove, 1986.
269. Maddi S. R. Existential Analysis // The encyclopedic dictionary of psychology/R. Harre,R. Lamb (Eds.). -Oxford: Blackwell, 1983. -P. 223-224.
270. Maddi S. R. Existential Neurosis // Current Personality Theory / Ed. R. Corsini. - Itasca: Peacock Books, 1979.
271. Maddi S. R. The search for meaning // The Nebraska symposium on motivation 1970/ W. J. Arnold, M. H. Page (Eds.). - Lincoln: University of Nebraska press, 1971. - P. 137-186.
272. Maddi S. (1967). The existential neurosis // Journal of Abnormal Psychology. - №72. - P. 311 - 325.

273. May R. Freedom and Destiny. - New York: Norton, 1981.
 274. May R. Love and Will. - New York: W. W. Norton, 1969. - 352 p.
 275. May R. Man's Search for Himself. - New York: Norton, 1953.
 276. May R. Psychology and Human dilemma. - Princeton: Van Nostrad, 1967.
 277. Poloutzian R. F., Jackson S. L., Crandall J. E. Conversion experiences, belief systems and ethical attitudes // Journal of Psychology and Theology. - №6. - P. 266-275.
 278. Popielski K. (red.) Czlowiek-pytanie otwarte. - Lublin: KUL, 1987.
 279. Popielski K. (red.) Czlowiek - Wartosci - Sens: Studia z psychologii egzystencji. - Lublin: KUL, 1996.
 280. Popielski K. Noetyczny wymiar osobowosci. - Lublin: KUL, 1994.-312 s.
 281. Stras-Romanowska M. Los czlowieka jako problem psychologiczny. - Wroclaw: WU, 1992. - 123 s.
 282. The human quest for meaning: a handbook of psychological research and clinical applications / Wong P. T. P. & Fry P. S. (Eds.). - Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1998.
 278

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Психология личности как субъекта деятельности.....	3
1.1. Методологические основы психологии субъекта.....	3
1.2. Человек как субъект активности.....	34
1.3. Деятельность и субъектная активность личности.....	54
1.4. Психическая саморегуляция деятельности и субъектная активность личности.....	77
1.5. Смысловая регуляция деятельности и субъектная активность личности.....	95
Глава 2. Психология личности как субъекта жизни.....	146
2.1. От субъекта деятельности к субъекту жизни.....	146
2.2. Смысл жизни и смысловая регуляция жизненного пути личности.....	161
2.3. Жизненный путь, жизнедеятельность и субъектная активность личности.....	183
Глава 3. Смысл жизни в регуляции жизненного пути личности (обзор теоретических концепций).....	203
Список использованной литературы.....	264

279

Учебное издание

Карпинский Константин Викторович **ЧЕЛОВЕК КАК СУБЪЕКТ ЖИЗНИ**

Редактор Н.Н.Красницкая Компьютерная верстка: Т.А.Коваленко

Сдано в набор 02.04.2002. Подписано в печать Формат 60x84/16. Бумага офсетная №1.

Печать офсетная. Гарнитура Тайме. Усл. печ. л. . Уч.-изд. л. . Тираж экз. Заказ

Учреждение образования «Гродненский государственный

университет имени Янки Купалы». ЛВ №96 от 02.12.97. Ул. Пушкина, 39, 230012, Гродно.

Отпечатано на технике издательского отдела Учреждения образования «Гродненский государственный

университет имени Янки Купалы». ЛП №111 от 29.12.97. Ул. Пушкина, 39, 230012, Гродно.